

И. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

**Статьи, исследования
и материалы**

7

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

7

Под редакцией проф. *Е. И. Покусаева*

Издательство Саратовского университета
1975

Предлагаемый читателю сборник посвящен важным проблемам литературного творчества и общественной деятельности Н. Г. Чернышевского. Исследуются теоретические и методологические принципы Чернышевского, его историко-литературные и критические концепции. Анализируются традиции великого демократа в общественно-литературном движении 60-80-х годов XIX века. Вопросам научной биографии писателя посвящены новые публикации и материалы.

Сборник адресован специалистам, преподавателям вузов и средних школ, студентам, всем интересующимся историей русской общественной мысли.

7-2-2

110-74

От редактора

Седьмой выпуск серийного издания кафедры русской литературы СГУ включает материалы по широкому кругу тем и вопросов теоретического, литературного наследия и научной биографии Н. Г. Чернышевского. Особое место принадлежит статьям, посвященным «изучению проблем теории и методологии литературно-художественной критики»¹, тому, как эти проблемы ставятся и научно реализуются в творческом опыте Чернышевского, его предшественников, современников и последователей: «Методологическое самосознания критики (к постановке вопроса о динамике и логике обоснования метода в критике 60-х годов)», «Чернышевский и Добролюбов о «лишних людях» (преемственность литературно-критических оценок)», «Народный идеал и труд как эстетическая категория у Чернышевского», «Чернышевский и Достоевский о принципах литературной критики», «Чернышевский на страницах журнала «Вестник Европы» в 70-80-е годы», «Написал ли Чернышевский статью о «Капитале» К. Маркса?», «Заряд на всю жизнь» (о судьбе наследия шестидесятников в России конца XIX века)».

Некоторым другим вопросам историко-литературных и критических концепций Чернышевского, его публицистике и художественному творчеству посвящены статьи и сообщения: «Уроки Чернышевского (о фольклоре в пьесах А. Н. Островского)», «Чернышевский о «прозаике», «поэте», и «третьем» (об основных проблемах послегоголевского развития литературы)», «О концепции «Очерков гоголевского периода русской литературы», «Чернышевский о любовной лирике Некрасова», «Главы о мастерских Веры Павловны и журнальная полемика о производственных ассоциациях».

Важные вопросы общественно-литературной деятельности и биографии разных периодов жизни Чернышевского рассма-

¹ О литературно-художественной критике. Постановление ЦК КПСС 21 января 1972 г. — В кн.: Справочник партийного работника, вып. двенадцатый. М., Госполитиздат, 1972, с. 192.

триваются в публикациях «Мировоззрение Чернышевского-семинариста», «Из истории родственных отношений», «Новые документы о семье Чернышевских», «Программа риторики и теории прозы», составленная Чернышевским-учителем», «Из истории поездки Чернышевского к А. И. Герцену», «С соратниками В. И. Ленина. Из истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского».

Настоящий сборник посвящается светлой памяти Николая Александровича Алексева, старейшего члена Коммунистической партии Советского Союза, Героя Социалистического Труда, глубокого знатока и великолепного пропагандиста разностороннего литературного наследия Н. Г. Чернышевского². «Николай Александрович Алексеев был ветераном славной ленинской гвардии, страстным пропагандистом идей марксизма-ленинизма, последовательным и непреклонным борцом за их претворение в жизнь... Всей своей деятельностью он оправдал данную ему В. И. Лениным характеристику как очень образованного марксиста, большевика и замечательно добросовестного к исполнению своего долга товарища» («Правда», 1972, 18 мая).

В подготовке сборника к печати принимала участие ассистент кафедры Л. Я. Паклина.

В очередном (восьмом) выпуске вместе с публикацией новых материалов-откликов будут подведены итоги научной дискуссии по статье Н. А. Алексева «Был ли Чернышевский автором прокламации «Барским крестьянам...»?

² См. обзор этой стороны научного творчества Н. А. Алексева в публикациях Н. М. Чернышевской (Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Изд-во Саратов. ун-та, 1962, 3, с. 371—376; «Видный ученый, марксист». К 100-летию со дня рождения Н. А. Алексева.—«Коммунист», 1973, 12 декабря.

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

*Методологическое самосознание критики**(к постановке вопроса о динамике и логике обоснования метода в критике 60-х годов)*

Разработка теории и методологии критики, осознанная теперь как задача первоочередная и неотложная, имеет ныне едва ли не главным своим содержанием дальнейшее развитие и обоснование творческих принципов критики в литературе социалистического реализма на современном этапе его развития. Но как раз поэтому такая задача в основе своей исторически конкретна и ее решение непременно должно быть сопряжено с особенностями литературного процесса, внутренней логикой движения самой критической мысли и, разумеется, с требованиями времени в политическом, социально-нравственном, эстетическом аспектах.

Иначе говоря, теория и методология критики тоже обязаны проникнуться конкретным историзмом. Это предполагает и целеустремленное, постоянно соотносимое с потребностями нашей эпохи осмысление и освоение завоеваний критической классики не только в их конечных итогах, неисчерпаемом внутреннем содержании, но и всего ценного в самой исторической логике развертывания критико-теоретической мысли, в логико-структурных средствах и творческих принципах утверждения ее. И сама по себе методология революционно-демократической критики не поддается всестороннему анализу вне истории ее становления, вне ее связи с историей обоснования и развития других методов. Нельзя объяснить характер и самую направленность теории реальной критики, если пренебречь хотя бы временной последовательностью «конституирования» основных методов в критике 60-х годов, способами доказательства их правомерности¹.

¹ Далее классики критики цитируются по следующим изданиям: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в пятнадцати томах. М., Гослитиздат, 1939—1953; Н. А. Добролюбов. Собр. соч., в девяти томах. М.-Л., Гослитиздат, 1961—1964. В тексте указывается том (первая цифра) и страница (вторая цифра).

История критики 60-х годов есть в известном смысле история ее самосознания как специфической отрасли литературно-эстетического творчества: недаром дискуссии о критике (а не просто споры критиков), обилие программных работ и «литературных манифестов», склонность и по частным поводам высказывать обобщающие суждения, делать прогнозы и, конечно, опровергать концепции противников становятся приметой эпохи. Однако и здесь дело, разумеется, прежде всего в качественном своеобразии этого самого по себе не нового явления. В критике 60-х годов происходит напряженный процесс кристаллизации различных идейно-творческих направлений, и поэтому она в целом необычайно усложняется как явление многосоставное. Эпоха, вершиной которой стала революционная ситуация, эпоха, ознаменованная в литературе принципиально новыми устремлениями, и раньше всего в сфере художественного метода, вела не только к самоопределению, но и к дифференциации и усложнившемуся взаимодействию направлений в критике.

Причем и самоопределение, и дифференциация, и взаимодействие примечательны в той особой форме, которая никогда еще не была столь явственной в русской критике, столь насыщенной философско-эстетическим и общественно-литературным содержанием, никогда не была достоянием всех основных направлений. Самоопределение и самосознание критики выразились теперь прежде всего в формировании, теоретическом осмыслении и практическом применении различных *критических методов*. Само направление критики становится неотделимым от определенного метода и в методе, в его единстве с собственно идеологическими установками выражает свою философско-эстетическую и общественно-литературную природу, свою специфику исторически конкретной разновидности критики.

Сложность общественно-литературного развития, необходимость завоевать влияние, стремление к убедительности в борьбе с противниками, наконец, давление творческих достижений инакомыслящих — все это активизировало взаимодействие различных направлений в критике. Но взаимодействие возможно на различных уровнях — от тематических мотивов и стилевых компонентов до идеологических, методологических и тактических установок. Для критики 60-х годов значительно раньше всего взаимодействие на уровне эстетических критериев и методологических принципов, точнее — в самом способе их обоснования, системе применяемых аргументов, наконец, просто в осознании необходимости теории метода и определении актуальных задач и целей ее разработки. Критика 60-х годов как противоречивое целое находится во власти не только дифференцирующих, но в известном смысле и интегрирующих факторов.

Процессы эти имеют и свою историю, и внутреннюю логику, объективную закономерность, отражающие своеобразие общественно-литературного движения эпохи Чернышевского и Добролюбова.

Поначалу, в 1854—1855 годах, основной предмет дискуссий — назначение и состояние критики, причем спор практически выливается в обсуждение ряда литературно-эстетических критериев, и прежде всего вопроса о содержательности творчества. В такой форме находит свое первоначальное выражение полемика о путях развития русской литературы.

Дискуссия 1856 — начала 1857 годов приобретает существенно иной характер. В центре ее оказываются эстетические предпосылки и уже непосредственно принципы критического анализа. В этом плане разворачивается борьба вокруг наследия Белинского, как раз и дающего материал огромной ценности для уяснения и обоснования исходных начал современной критики. Чернышевский не только стремится восстановить в правах идеи Белинского, но и развивает их, намечая новые задачи и новые пути углубления самого метода критики. Завершая «Очерки», Чернышевский прямо говорит, что совсем не склонен в деятельности Белинского усматривать «полное осуществление абсолютного идеала критики» и что суть проблемы вовсе не в том, чтобы это признавать или отрицать. Он предвидит то время, когда, в связи с развитием русской литературы, которая овладеет новыми, несравненно более важными предметами художественного познания, неотвратимо усилится публицистический пафос, общественная острота литературной критики. Это приведет и к перестройке критического метода, причем содержание и логика суждений Чернышевского об эволюции метода Белинского свидетельствуют: наиболее перспективным и значительным ему представлялось последовательное сопряжение в методологии критики эстетического и публицистического начал, их творческое единство и взаимопроникновение.

Фактом большой значимости было и то, что в тесном взаимодействии с «проблемой Белинского» спор о критике разворачивался теперь и непосредственно на материале современной литературы. Прежде же самые произведения в сущности оставались в тени (главным образом это характерно для оппонентов Чернышевского), и дискуссии шли относительно очень широких категорий общего порядка: «искренность», «последовательность», «требовательность». В результате критические принципы в большей степени декларировались, чем демонстрировались. Не то теперь: продолжается прямая «ошибка» общих идей и установок, но происходит и чрезвычайно наглядное и выразительное «столкновение» конкретных анализов одних и тех же произведений (Толстого, Писемского) с разных эстетико-методологических позиций. Это было предвестие и на-

чало тех гораздо более содержательных споров, которые явятся одной из примет литературного процесса последующих лет.

1857—1858 годы ознаменованы более резко, чем прежде, выраженными поисками подходов к произведению, новых принципов — а не только критериев, — которые помогли бы его осмыслить в широких социологических, философско-эстетических, нравственно-этических связях с действительностью. Роль первооткрывателя принадлежит здесь, несомненно, передовой критике, в частности Чернышевскому, автору новаторских статей о «Губернских очерках» и «Асе», работ, без которых немислима методология реальной критики, ее завоевания последующих лет.

Наряду с «практической методологией» и во многом основываясь на ней, в 1858 году явственно активизируется и теория критического метода. Уже обсуждения историко-литературных книг А. Миллюкова, О. Миллера, С. Шевырева показали, насколько сильно стремление к сознательному выбору самого пути к истине и насколько значительны вырабатываемые передовыми мыслителями принципы ее постижения. Но в большинстве случаев это были, строго говоря, еще только подступы к анализу произведений современных и с точки зрения современности — при всем значении и для критики проблем историзма и народности. Тем характернее прямая разработка методологических проблем критики, которым посвящаются специальные статьи или теоретические экскурсы. В отличие от предшествующих лет, ставится вопрос не только о критериях и даже не только об отдельных принципах критики, но именно о методе в целом. Сама дифференциация критики осуществляется и по методологическому принципу.

Сопряжение характеристики метода и конкретного литературного анализа, как бы показывающего метод в действии, придает и новые черты литературной борьбе. Она более или менее решительно освобождается от «эмпиричности». Центр тяжести переносится с обсуждения отдельных фактов на осмысление скрывающихся за ними идейно-творческих принципов. Метод критики как явление неоспоримо реальное завоевывает права гражданства и на практике, и в литературных дискуссиях, в свою очередь сказываясь на их теоретическом уровне, тематическом диапазоне и творческой результативности.

Центральным выступлением по проблемам критики после полемики между Чернышевским и Дружининым 1856—1857 годов и до Добролюбовского «Темного царства» явился «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства» Ап. Григорьева².

² «Библиотека для чтения», 1858, № 1. К этой статье примыкают и григорьевские «Несколько слов о законах и терминах органической критики» («Русское слово», 1859, № 5), менее всего касающиеся, однако, критического метода.

Едва ли не Ап. Григорьеву принадлежит в 60-е годы приоритет в прямой и развернутой разработке проблем критического метода. Философски широкая и аргументированная постановка проблем критики Григорьевым, помогавшая обоснованию его концепции, спору с революционно-демократической, а также «эстетической» критикой, приводила вместе с тем к парадоксальному ослаблению собственно методологического начала. В сущности, Григорьев больше занят идейно-эстетической природой художественного произведения, его генетической связью с жизнью, с личностью творца, чем принципами и путями анализа вещи, хотя и в тех случаях, когда выводы на этот счет прямо не делаются, мысль автора вплотную подводит к ним.

Диалектика общественно-литературной борьбы складывалась так, что обоснование метода оказалось актуальнее для тех направлений критики, которые «преодолевали» концепции Белинского. «Обновление» критики и ее методологических основ, особенно после диссертации и «Очерков» Чернышевского, выразивших новую философско-эстетическую и литературно-критическую программу, стало необходимостью и для тех, кто этой программы не разделял и стремился ей противодействовать.

2

Теория реальной критики, хотя она подготовлена и деятельностью Белинского, Чернышевского, и исканиями самого Добролюбова, представляет собою скачок в его творческом развитии. По решительности и определенности суждений, по многогранности и внутреннему единству концепции, по ее последовательной методологичности теория критики в «Темном царстве» (1859) — явление качественно новое и для Добролюбова, и для русской литературы в целом. Реальная критика оформилась в сложных соотношениях с другими направлениями — идеологическими и методологическими, причем особую роль сыграл тот именно их облик, который они приобрели в годы революционной ситуации, когда — волею истории — с наибольшей определенностью должны были проявиться их потенции.

Дискуссии 1859—1861 годов обладают чертами резкого своеобразия. За вычетом статей Добролюбова, широких, концептуальных выступлений по программным вопросам критики теперь, в сущности, не было. Проблемы критики оказались как бы вкрапленными в «обычные» статьи и рецензии, но заняли в них самостоятельное место и обсуждались с неослабевшей заинтересованностью, однако, в общем, на узком плацдарме. Каким же образом, в таком случае, протекали дискуссии о критике? И что это были за дискуссии — без дискуссионных статей?

Все дело в том, что в 1859—1861 годы, опять-таки за вычетом работ Добролюбова (это и знаменательно и важно по существу!), были годами, так сказать, дискуссий на практике, обостренного столкновения не только критических мнений—такое бывает всегда, но и критических принципов. Методологические споры, не иссякнув, ушли «под почву», в логику литературного анализа, и проявлялись в самой сложной, но зато и очень убедительной форме, прояснившей истинную общественную ценность установок всех участников дискуссий. Временем не теоретического провозглашения, а практического утверждения, решающей проверки на практике различных критических методов, временем предельного обнаружения таившихся в них творческих возможностей следует назвать 1859—1861 годы.

Столь парадоксальная, с точки зрения теории критики, ситуация отразила прежде всего внутреннюю исчерпанность «эстетической» критики. И если сравнительно просто было, подчиняясь инерции теории и внося в нее частные поправки, применять ее к новым фактам литературы, то уже непосильным оказывалось обновление теоретико-методологических позиций в целом. Во всяком случае, для спасения катастрофически падавшей репутации «эстетической» критики теоретических открытий не предвиделось. Что касается критики «органической», то ее программа с достаточной полнотой уже была изложена в нескольких статьях-манифестах, и опять-таки не в теории заключались теперь новации Григорьева.

Исторический опыт учит, что обоснование метода критики обладает определенной структурой, которая проявляется в соотношениях аргументов философских, эстетических и собственно методологических. В силу различных общественно-литературных обстоятельств аргументы и интересы одного рода господствуют над аргументами и интересами другого рода, оказывающимися оттиснутыми на второй план. Так, в теории Белинского главенствует разработка эстетических основ и общих методологических принципов критики, у Чернышевского — эстетико-социологических предпосылок и критериев, а интерес Ап. Григорьева по нисходящей распределен между философией, эстетикой и собственно методологией.

В добролюбовской теории критики безусловно господствует именно методология и специально методология. Такой сосредоточенности на критическом методе, столь последовательного отстаивания методологической сознательности русская критика еще не знала (и до марксизма знать не будет). При этом едва ли не все главные эстетические рассуждения Добролюбова возникают в его работах в прямой связи с обоснованием реальной критики. В «Темном царстве» основная теоретическая проблема «об отношении художественного таланта к отвлеченным идеям писателя» (5, 21) подсказана необходимостью определить истинные и опровергнуть ложные посылки

уже в самом подходе к творчеству Островского, при оценке которого — каждый по-своему — критики обычно ориентировались на предполагавшиеся ими «отвлеченные взгляды писателя». В другой центральной для эстетики и методологии Добролюбова статье — «Луч света в темном царстве» — уже не только логика контекста, но и прямые признания автора свидетельствуют о тематической «зависимости» эстетических суждений от проблем критического метода. После большого вступительного фрагмента, в котором речь идет о природе художественного обобщения, о литературе как пропаганде, об источниках и характере идейности искусства, о роли читателя в литературном процессе, — после всего этого и как бы подводя итог всему этому, Добролюбов уточняет: «Теперь, объяснившись относительно *оснований нашей критики*, просим читателей» и т. д. (6, 315.— курсив наш.— М. З.).

В критическом творчестве Чернышевского практика, в общем, если рассматривать ее в аспекте методологическом, опережала теорию. Он занимался теорией критики в период, когда русская критика еще нуждалась в выяснении или, лучше сказать, во внедрении элементарных понятий, требований, критериев. Проблема метода в его целостности еще не стала первоочередной и теория критического метода Чернышевским не была завершена к началу деятельности Добролюбова.

С другой стороны, во враждебном лагере предпринимались серьезные попытки разработать теоретически и применить на деле свои методы критики. Обычно утверждают, что главными противниками революционных демократов были сторонники «чистого искусства» и что «реальная критика» в первую очередь направлена против них. Однако это утверждение не вполне точно. Не в том, конечно, смысле, что оно искажает взаимоотношение демократической и «артистической» эстетики, а в том, что не учитывает роли такого творчески активного, философски несравненно более самостоятельного критика, как Ап. Григорьев, чья деятельность и в области теории была весьма заметной. Исторически получилось так, что активность Чернышевского в области философии и эстетики побуждала и Григорьева к философичности, к более широкому и основательному развитию своих программных установок. Так формировалась теория «органической критики», предваренная, а затем и подкрепленная практикой Григорьева, в которой особое место занял анализ драматургии Островского, и перед автором «Темного царства» они предстали уже в единстве, как явление целостное.

Теперь наступила очередь Добролюбова ответить Григорьеву (и другим оппонентам). Особенность добролюбовского «ответа» состоит в том, что внутренне полемичный, он строился как положительная программа по преимуществу. Это отразилось и в самом способе борьбы. Из сферы философии и эсте-

тики Добролюбов перевел спор главным образом в область собственно методологии. У него для этого были и благоприятная возможность, и настоятельная необходимость. Возможность, ибо революционно-демократическая философия уже была к тому времени разработана в серии весьма основательных трудов. Необходимость, ибо опыт свидетельствовал, как тесно связаны устремления, идеи и выводы представителей различных течений с их критико-эстетическими принципами и как, с другой стороны, важно осознать и изощрить собственные принципы, которые позволили бы активнее осуществлять свой курс в литературе, приближали бы и к художественной реальности произведения, и к самой жизненной реальности. Разработка проблемы метода должна была как бы завершить революционно-демократическую концепцию в эстетике и критике 60-х годов. Такой оказалась логика истории.

3

Разработка теории реальной критики³ — это творческий процесс, протяженный во времени и главным образом относящийся к 1859—1860 годам. Теория эта обладает не только своей логикой, но и внутренней динамикой, вне которых она немыслима как исторически своеобразное явление. Уяснить их — и значит приблизиться к пониманию реальной критики в ее неповторимости и, вместе с тем, в общезначимости ее принципов (хотя, как увидим, это еще только одна сторона дела).

Сама природа литературы, объективирующей даже наиболее субъективное в мировосприятии и миропонимании писателя, сама суть взаимоотношений читателя (даже если он становится критиком) и писателя таковы, что все зиждется на постижении художественного произведения как некоей реальности. Поэтому всецело пренебрегать «фактическим содержанием» в данном случае никто не может. Тем характернее, что даже после Белинского продолжается спор по поводу этой проблемы.

«Эстетическая» критика отделялась здесь фигурой умолчания, по-видимому, вообще не усматривая особой проблемы в обращении с фактическим содержанием произведения. Между тем, отвлеченно говоря, логика взглядов Дружинина могла подсказать как раз усиленный интерес к этому аспекту искусства и сделать этот интерес одной из существенных примет его

³ В поле зрения исследователей не попал любопытный факт из области терминологии критики: еще в 1857 г. А. Рыжов усмотрел «два главных подразделения нынешней критики» и одно из них назвал «реальным», второе — «артистическим» (см. А. Рыжов. И. С. Тургенев. — «Сын отечества», 1857, № 35, 31 августа, с. 824). Предваряя отчасти Добролюбова, это словупотребление, как, впрочем, и тексты самого Добролюбова, не подтверждает версии о семантической связи наименования «реальной критики» с «реализмом».

периода. Если Дружинин всячески отстаивал «поэтический инстинкт» как основу творчества, можно было предполагать, что инстинктивно созданное писателем станет предметом критического осмысления, будет, так сказать, возведено к сознанию. Разумеется, отчасти так и было (особенно в сфере нравственно-психологической). Но, во-первых, только отчасти и без теоретического обоснования этой установки, а во-вторых, часто (но не всегда!) без целеустремленных попыток исследовать целостную концепцию произведения. Здесь, по-видимому, заключено одно из основных методологических противоречий «эстетической» критики; обусловленное прежде всего узостью и ослабленностью ее интереса к социальной действительности, оно сказалось в односторонности, а порою и «раздробленности» критических разборов.

Как это ни парадоксально, ближе всего соприкасается и здесь с реальной критикой ее антагонист — Ап. Григорьев, хотя, как всегда, соприкасается противоречиво и во многом — полемически. Григорьев высоко ценит открытия в искусстве (тем выше, что само искусство ценит за способность совершать открытия), подводя критику к осознанию «нового слова» художника. Он полагает прямой обязанностью критики «углубляться в самый жизненный вопрос», выходя за рамки произведения, но как бы продолжая следовать ему в разборе этого вопроса. Однако весь строй эстетической теории Григорьева и свойственные ей критерии побуждали к тому, чтобы конкретное содержание вещи сублимировать в проблемы хотя и жизненные, но отвлеченные, растворяющиеся в широких нравственных категориях. И поскольку произведение соотносилось с заранее данным нравственно-эстетическим идеалом и оценивалось в меру соответствия ему, а не по своим внутренним возможностям, не по таящимся в нем свидетельствам о различных явлениях и процессах действительности, опасность субъективных толкований была заложена в самой природе «органической критики».

Есть у Григорьева и Добролюбова одна категория, в которой очень наглядно обнаружилось сложное соотношение их методов: это первостепенно важная и для критической методологии категория *миросозерцания* — применительно к художественному произведению. В том единстве объективного и субъективного начал, которое утверждал в своих работах Белинский, Григорьев-теоретик критики делал акцент на субъективном, Добролюбов — на объективном. Как ни схематична эта формулировка, она в общем соответствует различию в позициях обоих авторов, на которое Добролюбов и реагировал своей концепцией миросозерцания как эстетической категории.

Добролюбов глубоко переосмысливает само значение понятия. Если для Чернышевского (см. напр., IV, 635) «сознательное миросозерцание» — это сознательные убеждения, то у Доб-

ролюбова «миросозерцание» — категория другого порядка и содержания. Особенность логико-композиционных связей и самой интерпретации категории миросозерцания в статье «Темное царство» заключается раньше всего в том, что и эти связи, и интерпретация подчинены не столько собственно теоретико-эстетическим, сколько теоретико-критическим задачам. Категория миросозерцания помогает выработать позицию как для оценки суждений критики об Островском, так и для собственного анализа творчества драматурга (и художника вообще). Воспользовавшись понятием миросозерцания еще в статье «Что такое обломовщина?», Добролюбов именно теперь, в связи с обоснованием реальной критики, заново его осмысливает, а главное — определяет методологическое значение для критики. Миросозерцание воплощено в художественной реальности произведения и представляет ее, — доказывает Добролюбов. Его усилия направлены на «реабилитацию» образной ткани произведения, на решительное укрепление доверия к ней в эстетике и критике.

Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и издержки добролюбовской целеустремленности, своего рода «пафоса образности» — выпячивание одного типа творчества, при котором «теоретические соображения», способные объяснить наблюдаемые факты как систему понятий и силлогизмов, отсутствуют⁴. Типа вполне возможного, но не единственного, что кстати сказать, превосходно понимал и сам Добролюбов, когда писал как об идеале — о «свободном претворении самых высших умозрений в живые образы и вместе с тем о полном сознании высшего, общего смысла во всяком, самом частном и случайном факте жизни» (5, 24)⁵. Но эта теоретическая издержка не привела Добролюбова к безразличию в отношении мировоззрения писателя, не помешала ему усмотреть будущее искусства в гармонии идейной сознательности, творческой проникновенности и глубокой жизненной правды. И при этом всем ходом своей мысли Добролюбов приковывал внимание критика к художественному произведению как таковому, в единстве «воссоздания» и «пересоздания» жизненного материала.

В более широкой историко-литературной перспективе идеи Добролюбова сложно соотносятся с общей тактической линией передовой критики 60-х годов, и их своеобразие, гибкость, продуманное соответствие задачам времени как раз и проясняют-

⁴ Тем более, что некоторой нечеткостью и незавершенностью позиции Добролюбова воспользовались его оппоненты, в частности, Е. Эдельсон в статье «О поэзии» («Библиотека для чтения», 1860, № 10); см. также его работу «О значении искусства в цивилизации» («Всемирный труд», 1867, № 1, с. 221—222, и отдельное издание).

⁵ Дальнейшая судьба в русской критике проблемы двух типов творчества прослеживается в книге А. Лебедева «Эстетические взгляды А. В. Луначарского» (М. «Искусство», 1962); см. также его работу «Герои Чернышевского» (М., Гослитиздат, 1962).

ся при осознании этой соотнесенности. Чернышевский, а также Салтыков стремились уяснить предпосылки создания значительных произведений, способных содействовать народному самосознанию. Поэтому в центре интересов Чернышевского, Салтыкова оказались такие проблемы, как роль мысли, аналитического начала в творческом процессе, вообще — субъективная сторона художественной деятельности. У Добролюбова — иные задачи, а в связи с этим и иная тактика. Поскольку он занимается ближайшим образом не эстетикой, а критикой и озабочен поисками ее исходных принципов, Добролюбов ограничивается тем, что в общей форме подчеркивает плодотворность передовых убеждений писателя. Больше того, уточняя идеи Чернышевского и перекликаясь с Салтыковым, Добролюбов допускает возникновение художественной идеи и на «до-теоретическом» уровне творчества, когда у писателя еще просто нет «теоретических соображений, которые могли бы объяснить» (5, 22) поразивший его факт. Ибо идея как бы скрыта в самом этом факте, выражает в этой или другой мере объективное содержание факта в воссозданных его взаимосвязях.

Опыт литературного развития, возникавшие новые задачи и поиски их творческих решений помогали сделать передовую эстетическую теорию тоньше, гибче, привести ее в большее соответствие с многоразличными вариантами творческого процесса, а отчасти наверстать те утраты сравнительно с эстетикой Белинского, которых, опять-таки по обстоятельствам времени, не могла избежать и демократическая эстетика 60-х годов.

В 1857 году Чернышевский выдвинул перед критикой задачу: «Мало того, чтобы знать, что нравится и что не нравится писателю, — важно также знать, на основании каких убеждений этот предмет ему нравится или не нравится; нужно знать, от каких причин производит он недостаток, на который нападает, какими средствами считает он возможным истребить злоупотребление и чем предлагает он заменить то, что хочет искоренить. Нужно знать образ мыслей писателя» (VI, 628). Дело здесь не просто в «образе мыслей», но и в том, как он понимается: во главу угла поставлено сознательное объяснение художником причинно-следственных связей в современном обществе, в особенности при обличении его пороков.

Добролюбов касается другой стороны дела, и ход мысли у него тоже другой. Теоретик не может быть равнодушен к проблеме мировоззрения как фактора творчества, и здесь оправдана требовательность Чернышевского к писателю, а писателя — к самому себе: это прямо следует из представлений Добролюбова об идеальном варианте художественной деятельности. Но когда вступает в свои права критик, он сталкивается уже с результатом этой деятельности и должен поэтому идти другим путем. «Критика и существует затем, чтобы разъяс-

нить смысл, скрытый в созданиях художника, и, разбирая представленные поэтом изображения, она вовсе не уполномочена привязываться к теоретическим его воззрениям» (5, 70). Если такой подход и бывает правомерен, то лишь к сочинениям схематическим, вся суть которых состоит в художочной идее и которые лишены подлинной художественности, воплощающей в себе самостоятельное, «избыточное» жизненное содержание.

Ориентируясь на объективное содержание произведения, реальная критика, вопреки утверждениям исследователей, конечно, не отказывается от оценки идейно-эстетических устремлений писателя. Хотя Добролюбов не прибегает к философскому объяснению своей позиции, по сути он исходит из того, что в объективном содержании произведения тоже живет субъективность художника, что мирозерцание как образная реальность его взглядов на действительность рождается в некоем «столкновении» убеждений писателя и самих жизненных фактов, и поэтому они неотделимы друг от друга.

Все дело в цели, в способе оценки,— то и другое у Добролюбова своеобразно и отражает своеобразие реальной критики. И в оценке мирозерцания, убеждений художника Добролюбов осуществляет свой общий методологический курс — воспользоваться произведением в целом (а не только прямо сказавшейся в нем жизненной правдой) для «объяснения действительности, равно как и для характеристики таланта писателя» (5, 70).

Добролюбову важна не оценка сама по себе, а содержание и жизненно-эстетический результат разбора. Отсюда — его методология и «техника». Оценка в реальной критике по своим принципам в известном смысле тоже объективна. Она начинается с анализа и осмысления содержания произведения, причем опорными категориями являются «типы», «явления, выводимые автором», «сюжет» — триада, достаточно полно охватывающая концепцию вещи. Далее выясняется «смысл, какой... имеют жизненные факты, изображенные художником, и... степень их значения в общественной жизни» (5, 71). Характерно, по каким линиям и как именно совершается эта «перепроверка» авторских представлений и генерализаций. Мету типичности образов и оправданность причинно-следственных связей между явлениями,— вот что ставит здесь на первый план Добролюбов⁶. В итоге оказывается, что определение того, «верно ли сам автор смотрел на созданные им образы» (5, 71), — как бы побочный результат исследования образной реальности произведения. Задача самостоятельного значения, оценка позиции писателя не обособляется от основных задач

⁶ Примечательно, что в таких же терминах Добролюбов определяет и нарушение «правды художественных изображений»: оно усматривается в том, что автором «берутся случайные, ложные черты действительной жизни, не составляющие ее сущности, ее характерных особенностей» (5—23).

и целей реальной критики, а входит в их комплекс, от этого приобретая жизненную достоверность и актуальное общественное звучание⁷.

Для дела литературы много значило, что, идя таким путем, критика обретала большие и хорошо обоснованные возможности в борьбе за писателя, за развитие его творческих завоеваний, потенциалов его таланта. «Реальный анализ» строится на глубоко заинтересованном, непредвзятом выявлении и того, что сказалось в произведении, и того, насколько сказавшееся отвечает жизненной правде. В результате критик может объяснить, по крайней мере, и ближайшие творческие причины отступлений от правды, вызванные ложными обобщениями. А это значит, что писатель получает предметный и в своей предметности доказательный урок аналитического осмысления жизненных связей и отношений. Разнообразие тактических приемов усиливало действенность критического метода Добролюбова.

4

В статье «Когда же придет настоящий день?» (1860) новизна теоретической мысли заключалась в напряженном интересе уже не просто к объективному содержанию произведения, а специально к отразившимся в нем жизненным фактам. Само понимание объективного содержания теперь резко приближено непосредственно к жизненной реальности. Ибо «главная задача литературной критики» — «разъяснение тех явлений действительности, которые вызвали известное художественное произведение» (6, 99).

Уточнение задач реальной критики оказалось и их сужением, причем за счет собственно литературных интересов: публицистика «теснила» эстетику, проблема их единства не возникала, если не считать того, что публицистику предполагалось основать на художественном материале. Poleмика с «эстетической» критикой не только опровергала оппонентов, но и подтверждала в ощутимой степени иные из их упреков.

Но это еще не значит, что реальная критика была такой и на деле, в своих конкретных разборах. Впрочем, уже дальнейшее развитие ее теории в статье «Луч света в темном царстве» (1860) внесло существенные уточнения в позицию Добролюбова, обогатило ее новыми и как нельзя более своевременными идеями. Подходя выяснилось, что предельная категоричность иных суждений в статье о «Накануне», чем бы эта категоричность ни была вызвана (стремление Добролюбова углубиться в жизненные процессы оказалось словесно гиперболизирован-

⁷ Ср. П. Н. Берков. Об авторском понимании идеи художественного произведения и степени его обязательности для литературоведения. — В кн.: Историко-филологические исследования. К 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., «Наука», 1967.

ным в споре с односторонне формальными наблюдениями «эстетической» критики), не отражала сути убеждений Добролюбова и отнюдь не диктовалась равнодушием к произведению искусства как таковому.

Теория реальной критики во второй статье об Островском как раз тем и примечательна, что повернута к художественному произведению и уже не только ищет общий подход к нему, но и обосновывает приемы и направленность его разбора. Это и понятно, если учесть, что две задачи явились теперь главными для Добролюбова как теоретика. Первая — обоснование аналитического способа критики, вторая — уточнение и новое осмысление основных эстетических критериев.

Споря о методе критики, Добролюбов озабочен тем, чтобы высвободить ее из лабиринта кабинетно-нормативных «судейских» приговоров, проложить дорогу к самой действительности, поставить критику лицом к лицу с общественным мнением, с думающим и ищущим истину демократическим читателем. И в разборе литературных произведений надо приучиться к «аналитическому способу суждений: вот какое дело, вот его последствия, вот его выгоды и невыгоды; взвесьте и рассудите, в какой мере оно будет полезно» (6, 303) и в чем вообще его смысл и значение.

Так Добролюбов приходит к обоснованию «реальной критики» как критики аналитической. Остается определить угол зрения на факты, внутреннюю логику и направление их анализа. Истина, по Добролюбову, и в жизни, и в искусстве, и в критике — *в правде целого*. Поэтому постижение истины требует особым образом организованного анализа. «Дайте мне понять характер явления, его место в ряду других, его смысл и значение в общем ходе жизни...» (6, 303 — курсив наш. — М. З.). Добролюбов борется за такую аналитическую критику, которая выявляет закономерности жизни и, делая читателя участником своих размышлений, помогает ему постигать ее суть и динамику.

Аналитичность у Добролюбова включает в себя все главное, что связано с этим понятием у его предшественников, но сверх этого и нечто свое, особенное. Все дело в том, что анализ в реальной критике обращен к объективному жизненному содержанию произведения и способу его образного воплощения. Направлен и непосредственно на факты действительности, так или иначе соотносящиеся с изображенным писателем, имеет своей целью активно убеждающий разбор всего этого для развития общественного самосознания, реалистической эстетики и литературы.

Закономерно, что мысль Добролюбова затем обращается к важнейшим эстетическим критериям, которые проясняют понятие художественной правды и связывают его со служением писателя «естественным, правильным стремлениям народа».

Догматизм в критике — это не только способ суждений, но и приверженность определенному типу критериев. В свою очередь, реальная критика характеризовалась не одним лишь подходом к произведению, но и самой направленностью анализа. Поэтому Добролюбов не мог ни обойти критерии рутинной, схоластической критики, ни оставить без уточнения собственные критерии, которые должны были вобрать в себя и новые результаты его эстетических исканий.

Свой основной критерий Добролюбов формулирует с такой степенью идеологической целеустремленности, которая предопределяет и в последующем прямому идеологических характеристик. «Признавая за литературою главное значение пропаганды, мы требуем от нее одного качества, без которого в ней не может быть никаких достоинств, именно правды» (6, 310). Тем выразительнее, по Добролюбову, проявляются достоинства художественного произведения. Вот эта ключевая, во многом новая, хотя и завершающая прежние суждения, формулировка: «О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся. И прежде всего... мы различаем авторов, служащих представителями естественных, правильных стремлений народа, от авторов, служащих органами разных искусственных тенденций и требований» (6, 311. — Курсив наш. — М. З.).

Очевидно, теория реальной критики, в которой уже была разработана проблема объективного содержания произведения (хотя и тогда не снимался вопрос об убеждениях писателя), теперь сосредоточивается на субъективной стороне творчества, на идейной позиции писателя. Но не на том, как влияет она на результаты творческих усилий, а непосредственно на исследовании и оценке этой позиции в ее объективном выражении средствами искусства. Реальная критика не отказывается от принципа объективности, она только строит на нем выводы относительно идейных устремлений писателя и общественной роли его творчества. Соотнесение с идеей социализма и народности — путеводная звезда такого исследования. Но свою теорию Добролюбов применял отнюдь не прямолинейно, не механически, на деле в какой-то мере компенсируя категоричность иных формулировок. Как раз анализ «Грозы» и образа Катерины показывает, сколько, наряду с «крайностями» теоретических определений, было у критика чуткости к многообразию связей художественного произведения с новыми явлениями народной жизни, как умел он оценить и осмыслить правдивое художественное свидетельство о них, даже если оно принадлежало писателю, далекому от революционного миропонимания.

Характерны и некоторые уточнения, вносимые Добролюбовым в «формулу» основных критериев и задач реальной кри-

тики. Уточнения касаются генезиса, способа «возникновения» идеи в художественном произведении.

После «Темного царства» на Добролюбова вновь обрушились обвинения, будто он — приверженец заданной, предвзятой идеи в искусстве. «Вы, — писал Ап. Григорьев, — заставляете художника (и соответственно судите о нем сами, — таков здесь подтекст. — М. З.) идти в его творчестве не от типов и их отношений, а от вопросов общественных и юридических!»⁸. Добролюбову пришлось объясниться по поводу приписанного ему механистического примитивизма. Не заданную идею, а творческую отзывчивость на логику вещей, характеров, обстоятельств — вот что признает он началом всех начал для художника. «Мы нисколько не думаем, чтобы всякий автор должен был создавать свои произведения под влиянием известной теории; он может быть каких угодно мнений, лишь бы талант его был чуток к жизненной правде» (6, 312). Но это совсем не значит, будто Добролюбов под натиском противника чуть ли не отрекается от только что сказанного им по поводу основного критерия и главной задачи критики. Напротив, он устанавливает связь между «естественными, правильными стремлениями народа» и даже тем вариантом творчества, о котором сейчас идет речь («какие угодно мнения», но «талант... чуток к жизненной правде»). Все дело в том, что «талант есть принадлежность природы человека, и потому он, несомненно, гарантирует нам известную силу и широту естественных стремлений в том, кого мы признаем талантливым» (6, 313). Обратившись к аргументам антропологическим (это исследователями нередко подчеркивается), Добролюбов ими не удовлетворился и сделал новый шаг в сложнейшей области творческого процесса (исследователи на это большей частью внимания не обращают). И здесь антропологические соображения получают своеобразное объективное обоснование. Речь идет о воздействии самой действительности на художника, причем воздействии направление и — в самом общем виде, конечно — результат которого как бы «запрограммированы» самой природой художественного творчества. Для писателя настоящего — действительность это не хаос фактов, а некоторая закономерность связей и отношений, целостность которых он и стремился воссоздать в своем произведении, постигая смысл действительности. Иначе нет искусства. Тогда художник и передает естественные, правильные стремления, ибо они погону и естественны, что органически свойственны самой жизни и человеку, какие бы отклонения от них ни знала история. «Действительность, из которой почерпает поэт свои материалы и свои вдохновения, имеет свой натуральный смысл, при нарушении которого уничтожается самая жизнь предмета и остается только мертвый остов его. С этим-то остовом и принуждены

⁸ Ап. Григорьев. После «Грозы»... Соч., т. 1, 1876, с. 460.

были всегда оставаться писатели, хотевшие вместо естественного смысла придать явлениям другой, противный их сущности» (6, 313).

Вот почему Добролюбов был вправе возразить своим оппонентам в ответ на обвинения в утилитарном понимании идейности: «Художественное произведение может быть выражением идеи не потому, что автор задался этой идеей при его создании, а потому, что автора его поразили такие факты действительности, из которых эта идея вытекает сама собою» (6, 312). В статье о Кольцове сходную мысль высказал Салтыков, он ссылаясь на силу анализа жизненных фактов, которая практически исключает «нейтрализм» и безыдейность в исследовательски-художественном произведении. Аргументация Добролюбова, не отменяя этих наблюдений, философски шире и эстетически глубже: подразумевается роль не только анализа, но и поэтического синтеза в создании целостной картины жизни⁹.

Но в рамках раздумий о теоретических основах критики мысль Добролюбова, его доводы обладали еще и особой направленностью. Уже в иной связи, по-своему тоже глубокой и доказательной, раскрывалась значимость не только художественного отражения, но и художественно отраженных жизненных фактов. Коль скоро они воплощают «натуральный смысл» действительности, обратившись к ним и опираясь на них, критик и получает плодотворную возможность судить — одновременно — и об отражении, и об отраженном, о писателе и действительности, притом в их отношении к народности и революции.

Какие бы сдвиги ни происходили в теории реальной критики, ориентированность на объективное содержание произведения оставалась незыблемой в принципе, хотя тоже получала со временем более широкое, разностороннее обоснование.

В «Забитых людях» (1861) Добролюбов стремится новыми и актуальными доводами обосновать жизненность реальной критики. Но как это делается во вступлении к статье? Общеизвестный пафос критики оправдывается одной только необходимостью, диктуемой временем, жизненными заботами «большого мира народа». Внутренние потребности самой критики в связи со спецификой искусства и даже в связи с обсуждением объективного содержания литературы — аргумент, постоянный в работах Добролюбова 1859—1860-х годов, — на этот раз не фигурируют.

Эстетический разбор Добролюбовым отвергается с неизмен-

⁹ Добролюбовская аргументация была особенно ответственной еще и потому, что похожие (но только похожие) суждения о «самоприходящей» идее высказывались не одним Анненковым в общезстетическом плане, но и новейшей критикой в связи с творчеством Островского, Писемского (см., в частности, «Отечественные записки» 1859, № 8, отд. III, с. 86—88; «Библиотека для чтения», 1859, № 2, отд. IV, с. 4—5).

ной полемической настойчивостью. Но насколько убедительны в данном случае доказательства? Думается, они по меньшей мере противоречивы, а их полемическую эффективность трудно признать долговременной. Если эстетический разбор, как заметил Добролюбов, неоправдан из-за отсутствия достойных объектов, значит спор о критике вообще приобретает новый характер и позиции Добролюбова в нем осложняются новыми мотивами, мимо которых больше проходить нельзя. В самом деле, ведь отсюда следует вывод, что, во-первых, «эстетическая» критика не приемлется только временно (пока появятся достойные ее произведения!), а во-вторых, — одно неотрывно от другого, — критика «реальная» тоже по своему связывается с обстоятельствами преходящими: сфера ее действия и сама ее функция ограничены во времени, она лишена широкого общественно-литературного значения и отвечает только запросам момента. Следовательно, высшая стадия в развитии критики, полное осуществление ее возможностей достигается критикой «эстетической», — таково объективное, логически неоспоримое следствие полемических суждений Добролюбова.

О чем это свидетельствует? Только ли об известной непоследовательности (которая вдобавок в дальнейшем, в аналитической части статьи существенно корректируется)? Слишком очевидна логическая и теоретическая уязвимость добролюбовского хода¹⁰, чтобы все свести просто к «недосмотру» или элементарному «просчету». А может быть, — предположение, конечно, спорное, но не невероятное, — перед нами свидетельство неких новых устремлений Добролюбова, означавших поиски или, по крайней мере, принципиальную возможность таких подходов к литературе, которые предполагали более осознанное, свободное от полемических крайностей специальное исследование эстетической сути произведения? Для этого вовсе не требовалось отказываться от исходных принципов реальной критики. Надо было только шире и полнее осознать ее собственные практические завоевания. В частности, то обстоятельство, что эстетический анализ — не эстетский, а реально-критический по духу своему — не только не ослабил, а напротив, усиливал позицию реальной критики — как в сфе-

¹⁰ Это не прошло мимо вдумчивых читателей. П. Н. Ткачев в статье «Принципы и задачи современной критики» (1866) по поводу интересующих нас мыслей Добролюбова заметил, что «в теории он не вполне отделился от фантастических абсолютов метафизической эстетики. Он полагал, что произведения русских беллетристов так ничтожны, что к ним не стоит прилагать этих *высших критериев*, что по поводу их не к чему тревожить эти абсолюты» (П. Н. Ткачев. Избранные литературно-критические статьи. М.-Л., «Земля и фабрика», 1928, с. 45). Разумеется, сделанное им наблюдение Ткачев истолковал со своих позиций, как довод в пользу зависимости Добролюбова от «полуромантической, полуметафизической эстетики» Белинского и некоторой дуалистичности реальной критики (там же, с. 50), но это уже другой вопрос.

ре теории метода, так и в области конкретных разборов и неотъемлемой от них публицистики. Может быть, такого рода «прозрение» и явилось итогом (видимо, не вполне осознанным, иначе он скорее всего вылился бы в другие формы, более последовательно и строго выражающие его существо) деятельности Добролюбова, заключительным и до парадоксальности «неожиданным» аккордом в теории реальной критики. Аккордом, предвещавшим поиски нового синтеза классиками революционно-демократической эстетики и критики.

* * *

Когда В. Белинский назвал критику движущейся эстетикой, он, конечно, не предполагал, что его формула приобретет еще и «побочный» смысл и будет истолкована как отождествление эстетической теории и критической практики. Один из основных выводов, которые подсказывает теория реальной критики, и заключается в том, что методология Добролюбова, при всей ее зависимости от революционно-демократической эстетики в целом и «индивидуальной» модификации в творчестве автора «Темного царства», не является зеркальным отражением эстетической концепции. Даже при том условии, что и свои собственные эстетические идеи Добролюбов высказывал преимущественно в связи с обоснованием и защитой своего критического метода, т. е. эстетика уже была им сознательно сближена с критикой и прямо ориентирована на нее. И все-таки тождества не получилось—даже по отношению к теории критики, где его ждать естественнее всего.

Напротив, более или менее явственные и в той или другой степени устойчивы расхождения, разумеется, в пределах общего единства. Иронизирование над художественностью в полемических пассажах и вообще ослабленный интерес к этой категории как таковой—и широкое, всячески поддерживаемое доверие к художественной реальности произведения, и уверенная опора на нее в разборах и размышлениях, и даже анализ «художественности», хотя и под особым углом зрения. Борьба за следование в творчестве передовым идеям века и передовую идейность литературы, соотносимую с революцией и социализмом,—и несомненная приглушенность внимания к субъективной стороне идейности, ее мировоззренческим предпосылкам и сущности за счет ориентации на объективное содержание произведения, на отразившиеся в нем и обсуждаемые критиком жизненные факты¹¹. Уверенность в том, что ли-

¹¹ Кстати, разноречия в суждениях исследователей насчет взглядов Добролюбова на роль мировоззрения писателя и самого отношения его к этой категории во многом объясняются тем, что одни авторы строят свои выводы на теории реальной критики, другие — на ее практике. Поскольку и то и другое не совпадает, расхождения неминуемы.

тература может и должна произносить приговор изображенной действительности, — и постоянная готовность принять эту обязанность на себя, «восполнить» упущения художника, лишь бы он дал достоверный жизненный материал, хотя это не отменяет «максималистских» требований к идеологически близким писателям, как и к несомненным идейным противникам, обычно литераторам откровенно тенденциозным. Гибкость метода, богатство таящихся в нем возможностей, своеобразие решаемых задач, творческое отношение к принципам критического анализа, наконец, приспособление их к меняющимся тактическим приемам — все это сказалось в относительной самостоятельности методологии реальной критики.

Методологическое самосознание критики, вообще говоря, — свидетельство зрелости ее, а закономерность становления теоретической концепции — признак жизненности, идейно-эстетической «отзывчивости», современности критики. Прослеживая логику этого сложного процесса (в нашей краткой статье — только конспективно и схематически), мы надежнее постигаем, какова реальная критика в различных своих измерениях и как она становилась сама собою. Но все-таки преимущественно в сфере теории и методологии. Во всей своей полноте и целостности (это значит — также в полноте и целостности своего метода) реальная критика — сложное, диалектически противоречивое единство собственно мировоззренческих, эстетико-методологических посылок и творческой реальности «разборов и размышлений» ее создателей и приверженцев. Однако сама пронизательная оценка творческого потенциала теории, искусство целенаправленной и исторически конкретной разработки ее поныне остаются одним из самых поучительных и злободневных уроков классической критики 60-х годов.

Чернышевский и Добролюбов о «лишних людях»

(преемственность литературно-критических оценок)

Суждения Чернышевского и Добролюбова — великих революционных демократов, близких друзей, соратников по литературной борьбе — отличались замечательным сходством. Вместе с тем их суждения всегда имели творческий характер. Их эстетические и литературно-критические концепции не были застывшими, а, наоборот, непрестанно развивались в связи с изменениями в литературной и общественной жизни.

Что же вносил Чернышевский и что вносил Добролюбов в развитие этих концепций? В литературоведческих работах Чернышевскому чаще всего отводится роль учителя, а Добролюбову — роль исключительно способного ученика. Между тем, Чернышевский, выступивший в печати раньше Добролюбова, работал в основном одновременно с ним, а затем и после его смерти. Поэтому нужно в какой-то мере учесть и возможность обратного воздействия — воздействия Добролюбова на Чернышевского. Кроме того, несомненно, что, создавая свои теоретические построения, оба критика опирались и на опыт других своих современников, прежде всего литераторов революционно-демократического лагеря.

Цель настоящей статьи — установить взаимную преемственность основных суждений Чернышевского и Добролюбова, повлиявших на развитие революционно-демократической концепции «лишнего человека» во второй половине 1850-х годов. Чтобы детальнее проследить развитие этой концепции, будем ссылаться и на некоторые произведения Некрасова и Салтыкова-Щедрина.

Как известно, предыдущая традиция передовой русской критики (во главе с Белинским) оценивала образы «лишних людей» как образы положительные. Судьба Онегина, Печорина, Бельтова осмыслялась как полная драматизма судьба образованных дворян, которые, при всех своих недостатках, сто-

яли гораздо выше среды, не находили применения своим силам в губительных условиях самодержавной России.

В русле этой традиции находится суждение Некрасова о Рудине в «Заметках о журналах за февраль 1856 года» как о «личности, могучей при всех слабостях, увлекательной при всех своих недостатках»¹. Подчеркивая свою симпатию к таким людям, как Рудин, Некрасов писал, что в романе еще недостаточно оттенена «положительная сторона в типе Рудиных»².

Между тем, в поэме «Саша», которая была создана одновременно с тургеневским романом (в 1855 г.), Некрасов нарисовал хотя и противоречивый, но в целом отрицательный образ «лишнего человека» Агарина. Любопытно, что многие детали характеристики Агарина и Рудина совпадают³. Поэтому, естественно, возникает вопрос, чем же объясняется столь резкое различие в отношении поэта к двум литературным героям?

Думаем, что оно связано с попыткой определить конкретно-историческую роль «лишних людей».

В Рудине, считал Некрасов, воплощен «тип некоторых людей, стоявших еще недавно во главе умственного и жизненного движения»⁴. Следовательно, воздавая должное Рудиным, Некрасов относил их заслуги к прошлому.

Роман Тургенева обсуждался в редакции «Современника» еще в черновом виде. Возбуждал он споры и непосредственно после опубликования. Конечно, Чернышевский не был безучастным свидетелем этих споров⁵. Поэтому можно предполагать, что взгляд на Рудина как на деятеля прошлого выражал и мнение Чернышевского.

Что же касается Агарина, то в некрасовской поэме он иронически охарактеризован как «современный герой»:

Это, увы!—современный герой!⁶

¹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М., Гослитиздат, 1950, с. 390.

² Там же, с. 389. Эта мысль, возможно, была подсказана тем, что прототипом Рудина считали революционера М. А. Бакунина. Однако нас в данном случае интересует не творческая история, а типология образов литературных героев.

³ См. об этом в моей статье «Поэма Некрасова «Саша» (Некрасовский сборник, II, М.-Л., изд-во АН СССР, 1956, с. 151—170), а также в статье В. С. Маслова «Некрасов и Тургенев. К вопросу о литературных взаимоотношениях» (О Некрасове. Статьи и материалы, вып. III, Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство, 1971, с. 136—154).

⁴ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. IX, с. 389.

⁵ Атмосферу этих споров Чернышевский отразил в неоконченной статье «Разговор отчасти литературного, а более не литературного содержания» (см. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в пятнадцати томах, т. III, М., Гослитиздат, 1947, с. 776—782), в позднейшей (1860 г.) рецензии на «Собрание чудес, повести, заимствованные в мифологии» Н. Готорна (см. то же изд., т. VII, с. 449) и в «Воспоминаниях об отношениях Тургенева к Добролюбову...» (то же изд., т. I, с. 723—741). В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, с указанием тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

⁶ Описанная в поэме история отношений Агарина с Сашей относится

Некрасов не отказывает Агарину в некоторых заслугах. Однако они ограничиваются тем, что он пробудил к сознательной жизни подлинную героиню поэмы — Сашу (в этом конкретном мотиве Агарин напоминает Рудина). Сам же он неустойчив в своих убеждениях, неспособен к практической деятельности. Некрасов очень четко указывает, что пренебрежение Агарина к повседневным трудам порождено барской жизнью:

...Наследье богатых отцов

Освободило от малых трудов.

Заниматься будничными делами Агарину «лень помешала да разум развитый». Он «по свету рыщет — Дела себе исполинского ищет», но, конечно, безрезультатно. Агарин принадлежит к «лишним людям». В отличие от Пушкина, Лермонтова и Герцена, сочувствовавших своим героям — «лишним людям», Некрасов охарактеризовал Агарина иронически и в основном неприязненно.

Таким образом, в некрасовских оценках Рудина и Агарина намечены две возможности осмысления типа «лишнего человека»: признание его заслуг, относящихся к прошлому; указание на его ничкемность как «современного героя».

В то время Некрасов работал в тесном контакте с Чернышевским. Вполне возможно, что мысли о «лишних людях» поэт обсуждал с Чернышевским, учитывал его соображения.

Как бы то ни было, обе эти возможности получили свое развитие в статьях Чернышевского уже в ближайшие месяцы.

В № 3 «Современника» за 1856 г. появилась рецензия Чернышевского на сцены в стихах некоего В. П. Попова «Силуэты». Чернышевский охарактеризовал это произведение как «сцены из современного быта и, притом, в новейшем вкусе» (III, 474). Сцены Попова, при всей их незначительности, дали Чернышевскому повод поставить вопрос о «современном» «лишнем человеке». Таков герой «Силуэтов» Калитин. Хотя этот образ был задуман автором как положительный, Чернышевский выставил его в карикатурном виде. Мы вполне согласны с современной исследовательницей, которая пишет: «Под критический обстрел попадает герой «Силуэтов» — Калитин, молодой дворянин, который, по мнению Чернышевского, играет роль «лишнего человека»...»⁷.

к 1848—1850 гг. (Б. Я. Бухштаб. Проблемы изучения поэмы Некрасова «Саша». — Известия АН СССР, серия литературы и языка, т. XXX, вып. 5, М., 1971, с. 440—452). Однако в 4-й главе поэмы образ Агарина осмыслен как образ «современного героя», представителя определенной группы людей середины 1850-х гг. Это — люди, которым не чужд либерализм. «Утопические мечтания <...> — справедливо отмечает Б. Я. Бухштаб, — не выводят Агарина за пределы барского либерализма» (Там же, с. 447).

⁷ М. И. Рунт. Н. Г. Чернышевский о дворянском герое русской литературы в свете общественно-политической борьбы 60-х годов XIX века. — Научные труды Куйбышевского педагогического института, т. 99. Вопросы русской литературы, 1972, с. 144.

Что же касается положительной оценки «лишних людей» прошлого, то она очень четко выражена в статье Чернышевского о «Стихотворениях» Огарева (опубликованной в № 9 «Современника» за 1856 г.), в которой Чернышевский особо отметил исторические заслуги «лишних людей» как «предшественников» и «учителей» передовых людей своего времени (см. III, 567). В связи с этим Чернышевский писал о литературных героях прошлого: «Онегин сменился Печориным, Печорин — Бельтовым и Рудиным. Мы слышали от самого Рудина, что время его прошло⁸; но он не указал нам еще никого, кто бы заменил его, и мы еще не знаем, скоро ли мыждемся ему преемника. Мы ждем еще этого преемника, который, привыкнув к истине с детства, не с трепетным экстазом, а с радостною любовью смотрит на нее...» и т. д. (III, 567). Под «преемником» Рудина Чернышевский подразумевал передового деятеля-демократа, «нового человека» (в литературе образы таких людей появились несколько позже; одним из первых был, как известно, Инсаров в романе Тургенева «Накануне», 1859).

Еще через несколько месяцев — в «Заметках о журналах. Январь 1857 г.» (помещенных в февральском номере «Современника») — Чернышевский вновь обратился к проблеме «лишнего человека» прошлого времени. Поводом явилась статья либерала С. С. Дудышкина о Тургеневе. Отмечая сходство «лишних людей», выведенных в русской литературе, Дудышкин делал неверное заключение, что все они порождены одной литературной школой. Это вело к отрицанию конкретного исторического и общественного значения литературных типов. Вскрывая несостоятельность такой постановки вопроса, Чернышевский писал: «... г. Дудышкин решает, что главные лица многих повестей г. Тургенева сходны с героями Баратынского и Лермонтова, что повести г. Тургенева принадлежат той же литературной школе, как «Герой нашего времени». На каком же это основании? На том, что все их главные лица «лишние люди», не находящие себе счастья и благотворного труда в жизни. После того и «Гамлет», вероятно, покажется написанным под влиянием литературной школы, к которой принадлежал Лермонтов,— ведь Гамлет тоже лишний человек» (IV, 698). Указывая на отличия «лишних людей» друг от друга, Чернышевский противопоставил Печорина Онегину, Бельтова

⁸ Возможно, Чернышевский имел в виду то место в эпилоге тургеневского романа, где Рудин говорит о себе: «...Уже все кончено, и масла в лампаде нет, и сама лампада разбита, и вот-вот сейчас докурится фитиль...» (И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, т. VI, М.-Л., изд-во АН СССР, с. 365). Эта декларация Рудина должна была в ту пору особенно запомниться, так как ею, по сути дела, завершалась встреча читателя с героем тургеневского романа: сцена гибели Рудина на баррикаде была дописана Тургеневым лишь через несколько лет.

Печорину, Рудина Бельтову и т. д. Особенно многозначительно последнее из названных нами противопоставлений: «...Один (Бельтов.—А. Г.) — натура созерцательная, бездейственная, быть может потому, что еще не приходило время являться людям деятельным. Другой (Рудин.—А. Г.) трудится, трудится неутомимо,—но почти бесплодно» (IV, 699). В подтексте этого противопоставления сквозит мысль, что время появиться «людям деятельным» уже настало. Таким образом, здесь, вслед за статьёй о «Стихотворениях» Огарева, Чернышевский вновь проводит (хотя на этот раз прямо не высказывает) мысль с том, что на смену «лишним людям» должны прийти «новые люди». Однако вопрос о преемственной связи между теми и другими здесь не поднимается, а отношение к «лишним людям» отличается большей критичностью.

В конце 1850-х гг., в связи с обострением классовой борьбы, отношение революционных демократов к «лишним людям» изменялось очень быстро. «Лишний человек», погруженный в рефлексию, непригодный к практической деятельности, утратил свое обаяние в их глазах.

Значительным этапом в развенчании «лишнего человека» явились четыре очерка Салтыкова-Щедрина: «Буеракин» (опубликованный в «Русском вестнике» в декабре 1856 г.), «Горехвостов» (там же, в июне 1857 г.), «Корепанов» и «Лузгин» (там же, в июле 1857 г.), которые, под общим заглавием «Талантливые натуры», вошли в книгу «Губернские очерки». При перепечатке «Талантливых натур» в полное издание «Губернских очерков» сатирик в начале цикла поставил очерк «Корепанов», открывающийся следующим рассуждением: «В провинции печоринство приняло совершенно своеобразные формы; оно утратило свой демонический характер, свою прозрачность и нежность, которыми в особенности привлекает к себе симпатии дам <...> Провинциальных Печоринных такое множество разных сортов и видов, что весьма трудно исчерпать этот предмет подробно <...> Общее у всех этих господ: во-первых, «червяк», во-вторых, то, что на «жизненном пире» для них не случилось места, и, в-третьих, необыкновенная размашистость натуры. Но главное — червяк»⁹. Салтыков-Щедрин подчеркнул у «лишних людей» признаки, общие для всего помещичьего класса. Перечисляя разновидности «провинциальных Печоринных», сатирик назвал в одном ряду и тех, которые «выпивают огромное количество водки», и тех, которые «переваривают на досуге свое прошедшее и с горя протестуют против настоящего», и т. д. Тем самым он давал понять, что «лишние люди» мало чем отличаются от рядовых помещиков.

Конечно, Салтыков-Щедрин имел в виду, прежде всего, современных ему «лишних людей». Но мимоходом он задел и

⁹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в двадцати томах, т. 2, М., «Художественная литература», 1965, с. 277.

«лишних людей» прошлого времени. Ироническое замечание о демоническом характере, «прозрачности и нежности» прежнего печоринства, которыми оно в особенности привлекало «симпатии дам», относится уже, не в последнюю очередь, и к самому Печорину, герою Лермонтова. Что же касается рассуждения о «червяке», то здесь, возможно, заключен намек на слова вложенные в уста Рудина: «...Во мне сидит какой-то червь, который грызет меня и гложет и не даст мне успокоиться до конца»¹⁰.

Очерки Салтыкова-Щедрина о «талантливых натурах» получили высокую оценку Чернышевского и Добролюбова.

Мысль сатирика, что «талантливым натурам» свойственны родовые признаки помещичьего класса, Чернышевскому была очень близка. В рецензии на первые два тома «Губернских очерков» (помещенной в № 6 «Современника» за 1857 г.) он подробно развил эту мысль и дал ей теоретическое обоснование: «...Положение человека имеет решительное влияние на характер его убеждений» (IV, 293). В имени Буеракина процветают гнет и беззаконие; и помещик, щеголяющий красивыми и благородными фразами, легко мирится с этим, ибо заботится, по сути дела, только о своих выгодах (см. IV, 299).

Говоря о «лишних людях», Чернышевский упрекнул их в позерстве: они любят прикрывать свою корыстную сущность ссылками на слабость воли, выдавать себя за Гамлетов. Таков Буеракин: «Он, видите ли, представляет себя чем-то вроде Гамлета, человека сильного только в бесплодной рефлексии, но слабого на дело, по причине отсутствия воли» (IV, 290). «Это уже не первый Гамлет является в нашей литературе, — продолжал Чернышевский, — один из них даже так и назвал себя прямо по имени «Гамлетом Щигровского уезда», а наш Буеракин, по всему видно, хочет быть «Гамлетом Крутогорской губернии». Видно не мало у нас Гамлетов в обществе, когда они так часто являются в литературе, — в редкой повести вы не встретите одного из них, если только повесть касается жизни людей с так называемыми благородными убеждениями» (IV, 291—292). В последней фразе несколько конкретизируется социальная характеристика «лишнего человека»: он — представитель той образованной части дворянства, над которой Чернышевский иронизирует.

В рецензии Добролюбова на третий том «Губернских очерков» (опубликованной в № 12 «Современника» за 1857 г.) впервые установлена связь между современным критику типом «лишнего человека» и либерализмом как политическим течением¹¹. Все привилегированное «молодое общество» Добро-

¹⁰ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч., т. VI, с. 357.

¹¹ Как уже говорилось выше, некоторые черты либерала были присущи и Агарину, «современному герою» из поэмы Некрасова «Саша» (1855).

любов делит на две части: политически индифферентную и «лишних людей». О второй части (интересующей нас в данном случае) он пишет, что ее «составляют именно те люди, которых называют «современными героями», «провинциальными Печоринными», «уездными Гамлетами», наконец, «талантливыми натурами»¹². Добролюбов дает этим людям не только социальную, но и политическую характеристику. Он пишет: «Лучшая из талантливых натур не пойдет дальше теоретического понимания того, что нужно, и громкого крика, когда он не слишком опасен» (Д., II, 138). Политический смысл суждений Добролюбова обнаруживается и в сравнении либеральных восторгов, относившихся к самому началу царствования Александра II, с поведением «талантливой природы»: «...Русское общество разыграло в некотором роде талантливую натуру» (Д., II, 124).

«Талантливые натуры», считал Добролюбов, лучше, чем политически индифферентные люди, лишь тем, что иногда могут внушать молодежи честные мысли. «Рудин (тоже талантливая натура) имел более благотворное влияние на молодого студента Басистова, чем все его профессора вместе» (Д., II, 138). Но в целом «и тот и другой сорт людей («талантливые натуры» и политически индифферентные.—А. Г.) — не большая находка для общества, которое хочет жизни и деятельности сознательной и самобытной» (Д., II, 137—138).

Сопоставление либералов с «лишними людьми» было полемически направлено против либералов: таким путем Добролюбов указывал на нерешительность либералов, на половинчатость их политических требований, наконец, на то, что они не могут принести сколько-нибудь ощутимой пользы обществу. Но, с другой стороны, это сопоставление влекло за собой и переоценку образов «лишних людей». Рецензия Добролюбова как бы подводила к переоценке Печорина и тургеневских «лишних людей», образы которых постепенно начинали использоваться для разоблачения либерализма. Любопытно, что образ Рудина, который еще недавно (в некрасовских «Заметках о журналах за февраль 1856 года» и в статье Чернышевского о «Стихотворениях» Огарева) оценивался как положительный, поставлен Добролюбовым наряду с отрицательным образом Агарина. Отсюда видно, как быстро формировалась новая концепция «лишнего человека».

С большей остротой она выступила еще через полгода — в статье Чернышевского «Русский человек на rendez-vous»

Но Агарин — это лишь либеральствующий помещик без устойчивых взглядов. Добролюбов же говорит о либерализме в точном смысле этого слова, т. е. о политическом течении той поры.

¹² Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в девяти томах, т. 2, М.-Л., «Художественная литература», 1962, с. 136. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте после буквы Д., с указанием тома (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

(№ 18 журнала «Атеней», в котором появилась эта статья, имеет дату цензурного разрешения — 3 мая 1858 г.).

Как известно, статья эта представляет собою памфлет на либералов. Именно о либералах думал Чернышевский, обличая нерешительных и трусливых «лишних людей», в первую очередь героя тургеневской повести «Ася». «Этот человек дряннее отъявленного негодяя» (V, 158), — гневно восклицал Чернышевский. «...Характер героя верен нашему обществу» (V, 158); трусливое поведение этого человека с Асей — «только симптом болезни, которая точно таким же образом портит все наши дела...» (V, 166). На либералов нельзя надеяться, — разъяснял Чернышевский читателям, — они пропустят «счастливейший миг» (читай: не поднимутся и не поднимут народ на вооруженную борьбу с самодержавием, когда возникнут благоприятные условия для такой борьбы). Чернышевский писал: «Невозвратен счастливейший миг. Не дожидаться вам будет, пока повторится благоприятное сочетание обстоятельств <...> Не пропустить благоприятную минуту — вот высочайшее условие житейского благоразумия» (V, 172). Так, пользуясь средствами эзоповского языка, Чернышевский призывал передовых людей готовиться к революционной схватке.

Рассуждая о тургеневском герое, Чернышевский постепенно и незаметно перенес его характеристику на либералов и затем сделал вывод об их никчемности, об их бесполезности для общества: «Должны мы признаться, что принимаем участие в судьбе нашего героя. Мы не имеем чести быть его родственниками; между нашими семьями существовала даже нелюбовь, потому что его семья презирала всех нам близких¹³. Но мы не можем еще оторваться от предубеждений <...> нам все кажется (пустая мечта, но все еще неотразимая для нас мечта), будто он оказал какие-то услуги нашему обществу, будто он лучший между нами, будто бы без него было нам хуже. Все сильней и сильней развивается в нас мысль, что это мнение о нем — пустая мечта...» (V, 171—172).

Какой бы внушительной внешностью ни обладали либералы, они не являются подлинными гражданами, — указывал Чернышевский: «Когда мы входим в общество, мы видим вокруг себя людей в форменных и неформенных сюртуках... эти люди имеют пять с половиной или шесть, а иные и больше футов роста; они отращивают или бреют волосы на щеках, верхней губе и бороде; и мы воображаем, что мы видим перед собой мужчин. Это — совершенное заблуждение, оптический обман, галлюцинация — не больше. Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах ребенок мужского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или по крайней мере не становится мужчиной благородного харак-

¹³ Речь идет о презрительном отношении дворян к разночинцам.

тера» (V, 168—169). Отмечая, что к либеральному «обществу» относятся и чиновники (люди в «форменных сюртуках»), Чернышевский, возможно, косвенно указывал на то, что либерализм становился уже, в определенной мере, официальным, казенным течением. Приведенная цитата интересна и тем, что являет собой образец художественного приема, характерного для памфлетов: сначала говорится о респектабельной внешности обличаемых людей, а затем вскрывается совершенная ничтожность их существа. Этот прием вскоре использовал и Добролюбов в статье «Что такое обломовщина?»

Чтобы сделать сопоставление либералов с «лишними людьми» более убедительным, Чернышевский в статье «Русский человек на rendez-vous» анализирует не одного, а целую серию образов литературных героев. К ней относятся прежде всего тургеневские персонажи, но состав их, по сравнению с рассмотренными выше статьями Добролюбова и самого Чернышевского, несколько обновлен. Наряду с Рудиным (образ которого уже использовался для косвенного разоблачения либералов) здесь поставлены (с этой же целью) герои последних повестей Тургенева: герой «Фауста» и, конечно, герой «Аси» (являющийся, если можно так выразиться, также и «героем» статьи Чернышевского). Вскользь в статье упоминается Печорин (последний поступок «героя» с Асей — «во вкусе Печорина», — V, 158). По уже установившейся традиции, сказано об Агарине (см. V, 159—160).

Наиболее полное свое воплощение новая революционно-демократическая концепция «лишнего человека» получила в статье Добролюбова «Что такое обломовщина?» («Современник», 1859, № 5). Добролюбов дал резко отрицательную характеристику всем «лишним людям», начиная от Онегина и кончая Обломовым. Таким образом, галерея «лишних людей», развенчиваемых в статье «Что такое обломовщина?», обширнее, чем в статье «Русский человек на rendez-vous» и других статьях Чернышевского и Добролюбова. Она дополнилась, с одной стороны, Онегиным и, с другой стороны, Обломовым. Онегин назван родоначальником всей этой галереи, Обломов же объявлен ее завершением. Оба они подробно охарактеризованы, особенно Обломов. В круг «лишних людей» также впервые включен Тентетников из 2-го тома «Мертвых душ». Свое место среди «лишних людей» занял Агарин. Значительно дополнена характеристика Печорина и Бельтова. Большое внимание уделено тургеневским персонажам, причем в их оценке Добролюбов наиболее близко соприкасается со статьей Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» (так, вслед за Чернышевским Добролюбов подробно комментирует последнюю сцену Рудина с Натальей).

Гораздо более широко, чем в предыдущей традиции, показана сфера «деятельности» «лишних людей». Чернышевский в

статье «Русский человек на rendez-vous» писал об их отношениях с женщинами (отсюда и название его статьи) и сделал вывод об их нерешительности, трусливости, которому придал политический смысл. Добролюбов же говорит не только об отношениях «лишних людей» с женщинами (здесь его статья довольно близко напоминает статью Чернышевского), но также об их попытках заняться литературным творчеством и служебной деятельностью — попытках, которые были обречены на неудачу, ибо всем «лишним людям» свойственно «отвращение от всякого дела» (Д., IV, 321). Добролюбов подмечает у «лишних людей» стремление к покою, беспочвенное мечтательство (сюда относятся и не подкрепляемые никакими делами мечты принести пользу человечеству), презрение к людям. Наконец, уточняя общую характеристику «лишних людей», Добролюбов гораздо резче, чем это делалось раньше, связал их психологию с их социальным положением помещиков, — прежде всего на примере Обломова: «По своему внешнему положению — он барин; «у него есть Захар и еще триста Захаров», по выражению автора» (Д., IV, 314—315).

Самую же обобщенную социально-психологическую характеристику «лишних людей» Добролюбов выразил словом-формулой «обломовщина»: «...Над всеми этими лицами тяготеет одна и та же обломовщина, которая кладет на них неизгладимую печать бездельничества, дармоедства и совершенной ненужности на свете» (Д., IV, 328).

Как общую особенность «лишних людей», сближающую их с либералами и потому имеющую политическое значение, Добролюбов выделил фразерство, злоупотребление красивыми словами, не переходящими в дело. Примечательно, что эта особенность относится уже не к психологической сфере (как было в статье Чернышевского «Русский человек на rendez-vous», где упор был сделан на трусость и нерешительность «лишних людей»), а к сфере социальной. В связи с дальнейшим обострением политической борьбы критика либерализма стала еще более беспощадной: фразерство, в отличие от трусости и нерешительности, уже ни в какой мере не могло быть оправдано ссылкой на извечные свойства человеческой природы.

Рассматривая вопрос в историческом плане, Добролюбов указывает что раньше (т. е. в то время, когда реакция торжествовала) фразерство «лишних людей» воспринималось читателями благосклонно; но поскольку обстановка изменилась и время потребовало существенных преобразований, слово, не переходящее в дело, уже не встречает сочувствия. «Прежде, — пишет Добролюбов, — с любовью, с благоговением слушали фразеров, толкующих о необходимости того и другого, о высших стремлениях и т. п. <...> Но теперь всякого фразера и прожектера встречают требованием: «А не угодно ли попробовать?» Этому уже обломовцы не в силах снести...»; «Фраза по-

теряла свое значение; явилась в самом обществе потребность настоящего дела» (Д., IV, 331). Вот почему, разъясняет Добролюбов, тип «лишнего человека» утратил свое былое обаяние. В Онегине, Печорине, Рудине и им подобных читатели уже увидели черты Обломова. Таким образом, в полемике с либералами Добролюбов довел развенчание «лишних людей» до логического завершения.

Добролюбов развил мысль Чернышевского (высказанную в статье «Русский человек на rendez-vous»), что социальная болезнь, которая поразила «лишних людей», «портит все наши дела». Добролюбов определил диагноз: обломовщина. Шире и конкретнее очертил он круг лиц, зараженных этой болезнью: это и помещик, и чиновник (уже названный, как мы видели, Чернышевским), и офицер, и т. д. (см. Д., IV, 337). Раскрывая антилиберальную направленность своей статьи, Добролюбов называет своих политических врагов и прямо по имени: «когда я читаю в журналах *либеральные* выходки против злоупотреблений и радость о том, что наконец сделано то, чего мы давно надеялись и желали,—я думаю, что все это пишут из Обломовки» (Д., IV, 337.—Курсив мой.—А. Г.).

Концепция «лишнего человека», наиболее полно воплощенная в статье Добролюбова «Что такое обломовщина?», имела в свое время большое значение для русской политической мысли и русской литературы. Она способствовала разоблачению либерализма, усилению демократических тенденций в литературе. Она отразилась и в последующих статьях Добролюбова.

Так, в статье «Темное царство» (опубликованной в № 7 «Современника» за 1859 г.) содержится ироническое замечание о «лишних людях», выдержанное в духе статьи «Что такое обломовщина?»: «Сначала их было и побаивались, когда они являлись с лорнетом Онегина, в мрачном плаще Печорина, с восторженной речью Рудина; но потом поняли, что это все Обломовы и что если они могут быть страшны для некоторых барышень, то, во всяком случае, для практических деятелей (имеются в виду, очевидно, чиновники и буржуазные дельцы.—А. Г.) никак не могут быть опасны» (Д., V, 45).

Очевидно, неправы комментаторы статьи «Что такое обломовщина?» в девятомтомном издании Добролюбова, утверждающие, будто Добролюбов сразу же после этой статьи смягчил свое отношение к «лишним людям» под впечатлением нападок Герцена в «Колоколе»: свое «Темное царство» Добролюбов опубликовал в то время, когда он уже знал о выступлении Герцена¹⁴. Лишено оснований и мнение комментаторов, что в статье «Когда же придет настоящий день?» (помещенной в № 3

¹⁴ На статью Герцена «Very dangerous!!!», помещенную в «Колоколе» 1 июня нового стиля (20 мая старого стиля), Добролюбов откликнулся еще в № 6 «Современника» за 1859 г., в рецензии на литературный сборник «Весна» (См. об этом: Д., IV, 483).

«Современника» за 1860 г.) Добролюбов «счел необходимым особо подчеркнуть положительное значение «лишних людей» на примере героев Тургенева» (Д., IV, 473). Там говорится лишь, что «Рудин и все люди его закала» стояли выше среднего уровня дворянского «общества» (см. Д., VI, 101). Общая же характеристика «лишних людей» и в этой статье — отнюдь не положительная. Признавая их определенные (весьма скромные) заслуги в прошлом, Добролюбов тут же указывал, что в связи с изменением общественной обстановки эти люди полностью утратили свое бывшее положительное значение: «Они были вносители новых идей в известный круг, просветители, пропагандисты — хоть для одной женской души, да пропагандисты. За это их очень хвалили, и точно — в свое время они, видно, очень нужны были, и дело их было очень трудно (здесь уже чувствуется ирония.—А. Г.), почтенно и благотворно. Недаром же все встречали их с такой любовью, так сочувствовали их душевным страданиям, так жалели об их бесплодных усилиях. Недаром никто тогда и не думал заметить, что все эти господа — отличные, благородные, но, в сущности, бездельные люди» (Д., VI, 100). Это рассуждение по своему смыслу мало отличается от оценки бывлой роли фразеров в статье «Что такое обломовщина?».

Оттеняя никчемность «лишних людей», Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день?» очень резко противопоставил им «новых людей»: «В течение того периода времени, пока рисовались перед нами все эти просвещенные поборники истины и добра, красноречивые страдальцы возвышенных убеждений (очень злая ирония.—А. Г.), подросли новые люди, для которых любовь к истине и честность стремлений уже не в диковинку» (Д., VI, 101).

Концепцию «нового человека» Добролюбов и Чернышевский развивали совместно с другими литераторами революционно-демократического лагеря. Но вопрос о преемственности оценок, лежащих в основу этой концепции, должен стать предметом особого исследования¹⁵.

¹⁵ Свое художественное воплощение революционно-демократическая концепция «нового человека» получила, как известно, в романе Чернышевского «Что делать?» (1862—1863), имеющем подзаголовок «Из рассказов о новых людях». В критике она до этого была выдвинута Чернышевским (напр., в статье о «Стихотворениях» Огарева) и развита Добролюбовым (в частности, в статье «Когда же придет настоящий день?», где, как мы видели, употреблено и выражение «новые люди»). Теория «разумного эгоизма», которую пропагандировал Чернышевский в своем знаменитом романе, была раньше сформулирована в статье Чернышевского «Антропологический принцип в философии» («Современник», 1860, № 4, 5), а также в статье Добролюбова «Николай Владимирович Станкевич» («Современник», 1858, № 4), где читаем: «...Гражданин, принимающий близко к сердцу благо своих соотечественников, — тоже эгоист: ведь все-таки он, именно он сам чувствует удовольствие при этом, ведь он не отрется от себя, радуясь радости других. Даже если человек жертвует чем-нибудь своим для других, и тогда эгоизм не оставляет его» (Д., II, 391).

Чернышевский о «прозаике», «поэте» и «третьем»

(к вопросу об основных проблемах
послегоголевского развития литературы)

Одна из важнейших критических и теоретических работ Чернышевского — его статья 1856 года о «Детстве», «Отрочестве» и «Военных рассказах» Л. Н. Толстого. Известно, что вождь революционной демократии был первым, кто указал на особенность психологического метода Толстого — «диалектику души». Если учесть, что пафос статьи не в анализе идейного содержания произведений Толстого (хотя Чернышевский и подчеркнул, что любит «не меньше кого другого, чтобы в повестях изображалась общественная жизнь»¹), а в выяснении специфики и значения психологического метода писателя, то встает вопрос о причинах повышенного интереса Чернышевского к художественному методу Толстого.

В ряде специальных работ о Чернышевском и Толстом, на которые мы ссылаемся ниже, собран большой материал и сделаны интересные наблюдения, касающиеся данного вопроса. Однако полной ясности в его решении нет, что и привело к возникновению в науке спора, мог ли Чернышевский в 1856 году возлагать надежды русской литературы на Толстого или Тургенева.

В 1856 году в черновых набросках к рецензии на стихотворения Огарева, не вошедших в окончательный текст, Чернышевский писал: «Тот тип, который воспроизводится между прочим поэзией г. Огарева, остается еще в нашей литературе идеалом, дальше которого не повели ее передовые наши люди. Некоторые из них, — мы могли бы назвать двоих, — одного

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15 т., тт. I—XV. М., Гослитиздат, 1939—1953, т. III, стр. 429. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

прозаика, другого поэта — идут вперед, по всей вероятности поведут за собою и литературу; мы могли бы сказать, что по некоторым *благородным и свежим качествам таланта можно еще не оставлять надежды на деятельность третьего...* Но то, что будет, когда-то еще будет, а теперь наша литература еще не вышла из момента развития, представителем которого в лирической поэзии служит г. Огарев» (III, 847. Курсив наш. — Е. Г.) Як. Черняк, Б. И. Бурсов, А. И. Шифман, непосредственно обращавшиеся к этому высказыванию Чернышевского, считали вопрос ясным и не требующим особых доказательств. Так, Б. Бурсов писал: «Нет никакого сомнения в том, что, говоря о первых «двоих», Чернышевский подразумевает Тургенева и Некрасова; говоря о «третьем», он, конечно, имеет в виду Толстого»².

М. Нольман назвал эти строки Чернышевского «непонятыми» и сделал попытку доказать, будто «прозаик» — Толстой, «поэт» — Некрасов, а «третий» — драматург А. Н. Островский³. Полемизируя с М. Нольманом, недооценившим значения Тургенева, мы главным образом сосредоточили внимание на доказательстве связи между новаторским характером творчества Тургенева в 50-е годы и интересом Чернышевского к психологическому методу⁴.

Спор был продолжен В. Неждановым⁵. Поддержав высказанное нами мнение, что «прозаик», на творчество которого Чернышевский возлагал надежды, — Тургенев, «поэт» — Некрасов, В. Нежданов выдвинул новую гипотезу относительно «третьего», которым не мог быть, по его мнению, Толстой. «Третий», утверждает В. Нежданов, — А. И. Герцен. Последнее утверждение, как мы постараемся показать, не соответствует фактам и искажает взгляды Чернышевского на русский литературный процесс. Вопрос, на первый взгляд, носящий частный характер, связан с пониманием эстетики революционных демократов и тех требований, которые они предъявляли к русской литературе послегоголевского периода⁶.

² Б. И. Бурсов. Чернышевский как литературный критик. Изд-во АН СССР, 1951, с. 87. См. также: Як. Черняк. Запрещенная цензурой статья 1856 г. об Огареве и Некрасове — в кн.: «Литературное наследство», тт. 53—54. Изд-во АН СССР, М., 1949, с. 102; А. И. Шифман. Чернышевский о Толстом. — В кн.: Л. Н. Толстой. Сб. статей и материалов. Изд-во АН СССР, М., 1951, с. 235.

³ М. Нольман. Непонятые строки Чернышевского. — «Вопросы литературы», 1960, № 5.

⁴ Е. Гитлиц. Необоснованное решение. — «Вопросы литературы», 1961, № 11.

⁵ В. Нежданов. «Кто же «третий»?» (еще раз о непонятых строках Чернышевского). — «Вопросы литературы», 1967, № 2.

⁶ См.: Т. И. Усакина. К истории статей Чернышевского о Толстом. — В сб.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, в. 4, изд-во Саратов. ун-та, 1965.

Так как вопрос, был ли Толстой «третьим», остается спорным, начнем с его выяснения.

Вскоре после рецензии на стихотворения Н. Огарева Чернышевский снова обратился к характеристике Л. Толстого. Сопоставим эти суждения.

В сентябре 1856 г. в упомянутой рецензии Чернышевского сказано, что «третий», с которым он связывает надежды русской литературы, обладает «благородными и свежими качествами таланта». «Свежий», то есть новый талант, недавно появившийся, какого раньше не было. Так как такая характеристика «третьего» не согласуется с заранее принятой В. Неждановым точкой зрения, будто бы «прозаик», «поэт» и «третий» принадлежат к передовым людям 40-х годов», он пренебрег этим существенным указанием Чернышевского. Но через три месяца Чернышевский писал о Л. Толстом в «Заметках о журналах» за декабрь 1856 г. («Современник», 1857, I): «В прошедшем месяце... мы выражали свое мнение о тех качествах, которые должны считаться отличительными чертами в таланте графа Л. Н. Толстого, мы говорили только о силах, которыми теперь располагает его дарование, почти совершенно не касаясь вопроса о содержании... Но мы не сделали этого, считая такое дело преждевременным, поэтому что *речь шла о таланте молодом и свежем, до сих пор быстро развивающемся*» (IV, 681. Курсив наш. — Е. Г.).

Такое совпадение суждений о «третьем» и о Л. Толстом не могло быть случайным. То, что Чернышевский имел в виду Толстого, подтверждается и рядом других его высказываний о Толстом, которые будут приведены ниже. Что же касается Герцена, то в 15 томах полного собрания сочинений Чернышевского нет ни прямого, ни косвенного его суждения о Герцене-художнике, которое давало бы основание исследователю не только утверждать, как это делает В. Нежданов, но даже предположить, что надежды русской литературы 50-х годов Чернышевский возлагал на Герцена. Фактов нет, и они, естественно, не приведены и в статье В. Нежданова. Исходное положение статьи, будто бы «третий» принадлежал к передовым людям 40-х годов, неверно.

Почему же Чернышевский называет Толстого «третьим»? С формально-логической точки зрения «третий» должен был бы быть, например, драматургом, как предположил М. Нольман, или публицистом, как стремился доказать В. Нежданов. Однако «третий» — Толстой, и объяснение этому следует искать в характере суждений Чернышевского о Толстом, в оценке Чернышевским особенностей молодого и свежего таланта Толстой, по мнению Чернышевского, далеко еще не установившийся, развивающийся талант, и окончательное суждение о нем как писателе выносить «преждевременно»: «Почти в каждом новом произведении он брал содержание

своего рассказа из новой сферы жизни... ..Как расширяется постепенно круг жизни, обнимаемый произведениями графа Толстого, точно так же постепенно развивается и самое воззрение его на жизнь. Настоящие границы этого воззрения было бы легко определить, но кто поручится, что все замечания об этом, основанные на прежних его произведениях, не окажутся односторонними и неверными с появлением новых его рассказов?» (IV, 681). Все свои силы, по словам Чернышевского, Толстой употребляет пока «на поэтическое развитие» содержания (IV, 681), он внес в литературу нечто совершенно новое—художественное исследование «диалектика души», чрезвычайно заинтересовавшее Чернышевского. Например, по поводу «Юности» Чернышевский писал: «С новыми лицами вносятся и новые симпатии в его поэзию (IV, 681. Курсив наш. — Е. Г.). Таким образом, непохожесть Толстого на известные до сих пор в литературе явления Чернышевский и подчеркнул, назвав Толстого «третьим».

Вероятнее всего, именно Чернышевского имел в виду Некрасов, когда писал Толстому: «Не хочу говорить, как высоко я ставлю эту статью (речь идет о «Севастополе в мае»—Е. Г.) и вообще направление вашего таланта и то, чем он вообще силен и нов... правда, в том виде, в каком вносите Вы ее в нашу литературу, есть нечто у нас совершенно новое... Вы начинаете так, что заставляете самых осмотрительных людей заноситься в надеждах очень далеко»⁷.

Почему же Чернышевский не включил эти строки о прозаике, поэте и «третьем» в окончательный текст рецензии? Никаких документальных доказательств, почему он это сделал, нет. Но если уточнить, чего ждал Чернышевский от Толстого и открытого им художественного метода, какие надежды с ним связывал, становится, на наш взгляд, понятным, почему исключены эти строки из окончательной редакции статьи.

В рецензии шла речь о назревшей необходимости изобразить в литературе нового героя — революционера-демократа. Отсюда следовало — и к этому выводу пришел В. Нежданов,—«будто и Толстой сможет повести за собой литературу к новому герою». Но это противоречит ряду известных суждений Чернышевского о Толстом в начале 1857 г. Например, 7 января 1857 г. Чернышевский писал Тургеневу: «Ваш protégé Толстой... будет писать пошлости и глупости, если... не перестанет быть мальчишкою по взгляду на жизнь» (XIV, 332). Некрасову 3 февраля 1857 г.: «Л. Н. Толстой, вероятно, уже в Париже, — не собьет ли с него путешествие ту умственную шелуху, вред которой, он, кажется, начал понимать?» (XIV, 341); и снова Тургеневу в конце апреля — мае 1857: «Я не говорю, когда из мальчишки Толстой делается человеком, быть мо-

⁷ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем. М., Гослитиздат, 1952, т. X, с. 240—241.

жет, он напишет что-нибудь вроде «Записок охотника», или «Двух приятелей», или «Затишья», или чего-нибудь подобного — но «старуха еще надвое сказала». ...В настоящее время русская литер., кроме Вас и Некрасова, не имеет никого» (XIV, 345).

При таких суждениях Чернышевский не мог надеяться, что Толстой в ближайшее время изобразит героя из новых людей. Опасаясь такого прямолинейного, категорического вывода, который был преждевременен, Чернышевский, должно быть, и решил исключить эти строки из окончательного текста рецензии. Однако из приведенного письма снова следует, что особый интерес Чернышевский проявил к творчеству Некрасова, Тургенева и Толстого. И с Толстым Чернышевский связывал надежды русской литературы. Какие же именно? Чтобы ответить на этот вопрос, уточним, какие требования предъявлял Чернышевский к русской литературе в послегоголевский период ее развития⁸.

В рецензии на стихотворения Н. Огарева Чернышевский ясно сказал, что ждет от писателей изображения такого героя, который сможет доказать, что «разум может властвовать над жизнью» и «человек может свою жизнь согласить с своими убеждениями» (III, 568). К решению этих проблем шли и Тургенев и Некрасов. Некрасов — все более сближаясь с революционно-демократическими идеалами, Тургенев — вступая с ними в сложные, противоречивые отношения.

Вопреки утверждению В. Нежданова, что Чернышевскому будто бы не важны были «своеобразие и величина таланта» тех писателей, на которых он возлагал надежды, будто бы его интересовало лишь «могут ли они сказать другие речи», сказать «новое слово о жизни». Чернышевский предъявлял к ним и новые художественные требования. Изображение нового героя возможно было, по его мнению, лишь в том случае, если писатель овладел «лирическим», «поэтическим» художественным методом, способствующим раскрытию «внутреннего мира», «поэзии чувств», психологии героя, поскольку изображение его «дел» было преждевременно и небезопасно. Тургенев, по словам Чернышевского, «особенно привлекают явления, положительным или отрицательным образом относящиеся к тому, что называется поэзией жизни, и к вопросу о гуманности», он умеет возбуждать нравственное чувство, «навевает поэзию» на душу читателя (III, 422). По меткому определению Добролюбова, Тургенев умел «приблизить»⁹ своего героя

⁸ Подробнее об этом см.: Б. И. Бурсов. Вопросы реализма в эстетике революционных демократов. М., 1953; Т. И. Усакина. Чернышевский и петрашевцы. — В кн.: История, философия, литература. Приволж. кн. изд-во, 1968.

⁹ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. XI, Гослитиздат, 1935, с. 209.

к читателю, возбудить его нравственное чувство и тоску по идеалу. «И благо тому, кто умеет ...вызвать такое настроение души... Талант г. Тургенева всегда был силен этою стороною», — писал Добролюбов¹⁰. Когда Тургенев, изобразив Инсарова, не раскрыл «поэзию чувств» нового героя, Добролюбов увидел в этом существенный недостаток романа «Накануне»¹¹: «Все эти внутренние подробности... которые так тонко, так поэтически умеет рисовать г. Тургенев, остаются темными в личности Инсарова», — отметил Добролюбов, заинтересованный в том, чтобы писатель глубже проник во внутренний мир нового человека, до тонкости изучил и интимно «приблизил» его к читателю.

Мастером такого «приближения» Чернышевский считал и Некрасова. «Поэзия», лиризм стихотворений Некрасова чрезвычайно высоко ценились Чернышевским. «Мне хотелось бы много поговорить о Ваших стихотворениях — не с политической, а с поэтической точки зрения», — писал он Некрасову 5 ноября 1856 года (XIV, 325), «поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли», «лично на меня Ваши пьесы без тенденции производят сильнейшее впечатление, нежели пьесы с тенденциею» (XIV, 322), а стихи Некрасова с тенденцией он именно потому так высоко ценил, что находил в них слияние «тенденции» с «поэзией», о чем он и писал Некрасову: «Ваша натура имеет две потребности — одна выражается пьесою «Давно, отвергнутый тобою...» и некоторыми другими; другая — большею частью ваших пьес. Из них ни одна не писана против влечения природы — стало быть, талант ваш одинаково свободен в том и другом случае» (XIV, 314), т. е. поэтическое раскрытие революционно-демократических идеалов и ставило Некрасова в глазах Чернышевского на особое место в русской литературе. «Вы теперь лучшая — можно сказать, единственная прекрасная — надежда нашей литературы» (XIV, 325), — писал Чернышевский Некрасову, имея в виду как идейную, так и художественную направленность его творчества, «первое место в нынешней литературе публики присваивает Вам, как ни обидно это мне за Тургенева... У Вас действительно больше таланта, нежели у Тургенева или Толстого» (XIV, 315), — т. е., видимо, «поэтического» таланта, который интересовал Чернышевского в творчестве этих трех писателей, что и давало ему основание сравнивать поэта Некрасова с прозаиками Тургеневым и Толстым.

Вопреки утверждению В. Нежданова, будто бы статья о «Детстве», «Отрочестве» и «Военных рассказах» Толстого написана из чисто дипломатических соображений, именно в данной статье, исследуя толстовский метод «диалектики души»,

¹⁰ Там же.

¹¹ Об этом см. также: В. Архипов. Поэзия труда и борьбы. Очерки творчества Некрасова. Ярославль, 1961, с. 191.

Чернышевский связывает с этим новым художественным методом широкие возможности дальнейшего совершенствования гоголевского направления литературы. Психологический метод Толстого, по словам Чернышевского, открывает возможность «изучения человеческой жизни вообще», «разгадывания характеров и пружин действия» (III, 426). «Законы человеческого действия, игру страстей, сцепление событий, влияние обстоятельств и отношений мы можем изучать, внимательно наблюдая других людей, — писал Чернышевский, — но все знание, приобретенное этим путем, не будет иметь ни глубины, ни точности, если мы не изучим сокровеннейших законов психической жизни, игра которых открыта перед нами только в нашем [собственном] самосознании» (III, 426).

Из этих слов Чернышевского видно, что углубление психологического анализа с целью более глубокого исследования общественных отношений он считал важнейшей задачей литературы. То же следует из его статьи о «Губернских очерках» Салтыкова-Щедрина.

В статье о «Губернских очерках» Чернышевский ясно дал понять читателям, какова политическая программа революционной демократии и чего они ждут в связи с этим от литературы. Общественные вопросы, возбуждаемые «Губернскими очерками», Чернышевский считал чрезвычайно важными, но гласное их обсуждение или изображение в литературе не интересовало его, так как не могло вести ни к каким практическим выводам. «Признаемся, нас очень мало интересовали все эти так называемые общественные язвы, раскрываемые в «Губернских очерках», — писал Чернышевский. — Сказать ли откровенно? Мы даже придерживались той теории, что не дело беллетриста заниматься исцелением этих язв» (IV, 301). Такое обличение может наделать много шума, но «ни к чему привести не может», доказывал Чернышевский, приводя прозрачный пример из истории древнего Рима, связанный с выступлением Цицерона против Верреса и общественных порядков в Сицилии. Тяжба Цицерона с Верресом, по мнению Чернышевского, — «это нелепость», единственно правильное решение — «изменить положение дел в Сицилии» (IV, 297). «Справедливость требовала бы объявить торжественно на форуме и Цицерона и Верреса глупцами; но так как это дело пустое, то лучше его бросить» (IV, 298). Если обличение общественных язв нужно «бросить», то чего же ждал Чернышевский от литературы? Об этом он также ясно сказал в своей рецензии. Его «любимые мысли», «любимые теории»: «во-первых, наклонность к разрешению чисто психологических задач, во-вторых, наклонность к извинению человеческих слабостей» (IV, 301). Иными словами, Чернышевский был заинтересован в том, чтобы писатель, анализируя «внутренний мир» человека, изучая его психологию, раскрывал «пружины действия», т. е.

доказывал бы средствами реалистического искусства, что ни образ мысли, ни поступки не выбираются произвольно, а определяются социальной системой. Такое изучение психологии и характера должно было подводить читателя к выводу о негодности социальной системы и, следовательно, необходимости ее изменения.

Психологический метод Толстого — «диалектика души» — открыл перед литературой самые широкие возможности для такого анализа повседневной действительности¹², в особенности, конечно, как того добивался Чернышевский, при условии революционно-демократических взглядов писателя на жизнь¹³. Он уводил бы от поверхностного либерального обличительства, помог бы обнаружить в каждом, даже мелком факте, общие законы жизни, «отыскать причины, на которых основывается неприятное нам явление общественного быта», для того, чтобы «против них обратить овою ревность» (IV, 273). В 1856-1857 годах к такому анализу отрицательных сторон русской жизни шел, например, Салтыков-Щедрин. Сошлемся в данном случае на С. А. Макашина, которому принадлежит самое полное и глубокое исследование «Губернских очерков».

«Первые рассказы салтыковских «очерков», вошедших впоследствии в раздел «Прошлые времена» и близкие к ним, были действительно причастны «обличительной» литературе... Эти рассказы всецело погружены в грубый и грязный мир чиновничьего произвола и беззакония, которые рисуются еще преимущественно с внешней стороны: разрабатываемые здесь мотивы взяток, вымогательства, кляузы в самом деле характерны для «обличительного жанра».

Однако в последующих «очерках» Салтыков уже поставит перед собой задачу осветить мир чиновничьего произвола и хищений *не извне... а изнутри*. Он займется, особенно пристально в рассказе «Первый шаг»... материальными условиями и зависящей от них психологией чиновничьего быта, чем не занимались «обличители». Тем самым он подведет читателя к вопросу о коренных причинах испорченности и неспособности администрации в тогдашней России¹⁴.

Интересно отметить, что первые «очерки» вызвали недовольство Чернышевского, о чем он заявил: «Губернские очер-

¹² П. П. Громов справедливо замечает, что Чернышевского интересовало «изнутри раскрытое изображение современной жизни и человека», в связи с чем «Толстому отводится важное место... поскольку особенное качество его таланта — обследование и раскрытие самого механизма душевной жизни». — См.: П. П. Громов. О стиле Льва Толстого. Становление «диалектики души». Л., «Художественная литература», 1971, с. 156.

¹³ Ср. И. В. Чуприна. Трилогия Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность». Изд-во Саратов. ун-та, 1961, с. 162—163.

¹⁴ С. А. Макашин. «Губернские очерки». — В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. II, М., Гослитиздат, 1965, с. 507. Подчеркнуто автором.

ки» Салтыкова написаны плохо, но замечательны содержанием», — писал он Некрасову 24 сентября 1856 (XIV, 313) или ему же 7 февраля 1857: «Губернские очерки» «в сущности плохи», но «производили эффект страшный на публику — это верно» (XIV, 338). Опасаясь, как бы под влиянием «Губернских очерков» литература не приняла поверхностно-обличительного направления, он писал в «Заметках о журналах» за март 1857 г. по поводу комедии Львова «Свет не без добрых людей»: «Комедия г. Львова написана в том духе, который стал входить в моду с тяжелой руки г. Щедрина» (IV, 735).

Прав С. А. Макашин, отметивший, что на материале «Губернских очерков» революционно-демократической критикой «были поставлены важные вопросы дальнейшего развития литературы критического реализма»¹⁵.

Толстовский метод «диалектики души» Чернышевский считал для этого наиболее пригодным. Поэтому он «не оставлял надежды на деятельность третьего», при условии, если Толстой «перестанет быть мальчишкой по взгляду на жизнь».

Эти надежды поддерживались и «другой силой» таланта Толстого, «сообщающей его произведениям совершенно особенное достоинство своею чрезвычайно замечательной свежестью — чистотой нравственного чувства» (III, 427. Курсив наш. — Е. Г.). И снова — полное совпадение характеристики Толстого с характеристикой «благородного и свежего качества таланта «третьего». Чистота нравственного чувства должна была вести Толстого к разрыву с дворянской средой¹⁶. Начало этого процесса было подмечено Чернышевским и также давало ему основание возлагать на Толстого надежды, несмотря на то, что Толстой в это время испытывал влияние Дружинина и мировоззрение его еще далеко не сформировалось¹⁷. И одновременно Чернышевский был осторожен в окончательных выводах.

Таким образом, вопреки мнению В. Нежданова, Чернышевский в «непонятых строках», говоря о «третьем», имел в виду не Герцена, а Толстого и открытый им новый художественный метод «диалектики души».

«Детством» и «Отрочеством» и «Севастопольскими рассказами» Толстого, «Рудиным» Тургенева, — пишет Л. Гинз-

¹⁵ Там же, с. 512.

¹⁶ См. об этом: Б. И. Бурсов. Чернышевский как литературный критик. Изд-во АН СССР, 1951, с. 73. «На подцензурном языке Чернышевского понятие нравственности, — как отмечает Е. Н. Купреянова, — было неотделимо от понятия протеста против пошлости и мерзости крепостной действительности». — См.: Е. Н. Купреянова. Молодой Толстой. Тула, 1956, с. 41.

¹⁷ Подробнее об этом см.: И. В. Чуприна. Трилогия Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». Изд-во Саратов. ун-та, 1961, с. 165—169.

бург, — русский реализм... решительно вступил в новый психологический период своего развития»¹⁸.

Теоретиком этого нового периода был Чернышевский¹⁹.

¹⁸ Л. Гинзбург. О психологической прозе. Л., «Советский писатель». 1971, с. 76—77. См. также: Г. М. Фридендер. Поэтика русского реализма. «Наука», 1971, с. 59—60, 145—146.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Е. Гитлиц. Чернышевский о «поэтическом» направлении и психологическом методе в литературе послегоголевского периода. — Ученые записки Туркменского пед. ин-та им. В. И. Ленина, вып. XXXV, Ашхабад, 1970.

Уроки Чернышевского

(о фольклоре в пьесах А. Н. Островского)

Нелегко начинал свою драматургическую деятельность А. Н. Островский. Не прямым путем пришел он к постижению народности в том, самом прогрессивном, смысле, что составило лучшее качество его таланта. После шумного успеха 1850 года, принесенного ему комедией «Свои люди — сочтемся», произведения 1851—1855 годов вызвали самые противоречивые суждения и оценки. Между журналами «Москвитянин», где печаталось большинство пьес Островского, и «Современником» разгорелась острая полемика. В нее включились и другие журналы. Резкий отпор критиков вызвали славянофильские идеи, пропагандировавшиеся «молодой редакцией «Москвитянина» и получившие некоторое отражение в пьесах Островского тех лет¹. В 1854 году «Современник», как бы подводя итоги дискуссии, опубликовал рецензию Н. Г. Чернышевского на комедию «Бедность не порок». Статья отличалась глубиной и последовательностью критического анализа. В ней всесторонне рассматривались идейная сущность пьесы, ее структура и художественное своеобразие².

Бескомпромиссно строгая рецензия Чернышевского заканчивалась доброжелательной рекомендацией молодому писателю. Назвав последние его пьесы слабыми и фальшивыми, критик дальше пишет: «Но, по нашему мнению, он, повредив этим своей литературной репутации, не погубил еще своего прекрасного дарования; оно еще может явиться по-прежнему

¹ Обзор полемики об Островском сделал В. М. Селезнев в статье «Чернышевский об Островском. (К истории литературной борьбы 50-х годов)» (В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, Изд-во Сарат. ун-та, в. 3, 1962, с.с 50—62).

² Н. Г. Чернышевский. «Бедность не порок». Комедия А. Островского. — «Современник», 1854, № 5, Отд. IV, с. 24; то же; Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. II, с. 232.

свежим и сильным, если г. Островский оставит ту тинистую тропу, которая привела его к «Бедности не порок»³. Не принимая ложной идеи пьесы, Чернышевский не потерял веры в большие творческие возможности драматурга. Это свое отношение он подтвердил в статье того же 1854 года «Об искренности в критике». Говоря о том, что при коренной испорченности таланта «едва ли можно пособить, как ни указывая недостатки», и что о таких «Современник» и не высказал никаких надежд, Чернышевский подчеркивает, что речь идет не о «Бедности не порок»⁴.

Неизвестно, какова была непосредственная реакция писателя на критику революционного демократа. Но не может быть никакого сомнения в том, что он хорошо с ней познакомился и учел преподанный урок, в чем убеждают последующие пьесы.

Для нас рецензия Чернышевского особенно интересна тем, что в ней он подробно останавливается на роли фольклорных песен и сцен в структуре комедии, что особенно высоко оценивалось славянофилами. Статья Чернышевского не принимается во внимание фольклористами, в то время, как ее влияние на формирование творческого метода Островского в обращении с народно-поэтическими источниками было не только значительным, но, можно думать, решающим, хотя писатель не полностью принял критику и не во всем с нею согласился.

Чернышевский указал, что подчиненные главной мысли пьесы народные песни и обрядовые картины не могли иметь положительного художественного значения потому, что эта главная мысль вызывает возражения: «автор прав до некоторой степени со своей точки зрения, вставляя в свою пьесу по всевозможным поводам песни, пляски, игры: он пишет апофеозу старинного быта, каким представляется ему современный быт некоторой части купеческого общества: потому он старается выставить на вид все поэтические черты его». «Островский впал в приторное прикрашивание того, что не может и не должно быть прикрашиваемо»⁵. Главным же средством «прикрашивания» автор, как видно, считает введение народно-поэтических элементов. В статье «Об искренности в критике» Чернышевский решительно возражал А. Григорьеву, восторженно отозвавшемуся о главном персонаже пьесы «Бедность не порок» Любиме Торцове: «—главным образом — фальшивость и прикрашенность вносится в эту комедию именно лицом Любима Торцова, которое, отдельно взятое, верно действительности»⁶. Следует напомнить, что

³ Там же, с. 240.

⁴ «Современник», 1854, № 7; то же: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. II, с. 259.

⁵ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. II, с. 240.

⁶ Там же, с. 250—251.

как раз этот образ создан писателем на материале большого количества фольклорных цитат.

Чернышевский осуждает включение фольклорных текстов с простой иллюстративной целью, как это было характерно для комедии XVIII века. Для славянофилов же исполнение на сцене народных песен было показателем народности самой пьесы. В известной статье 1860 года о народных песнях А. Григорьев, восхищаясь песней «Вспомни, моя любезная», оценивает ее художественные достоинства по сцене из пьесы Островского «Не в свои сани не садись»: «Законченнее и цельнее этой песни трудно что-нибудь себе представить <...> Нечего говорить о ее внутреннем, душевном значении: оно ярко, наглядно для всех выступило в известной высокой сцене между Бородинным и Дунею и в типическом же, как сама песня, порыве: «Помни, Дуня, как любил тебя Ваня Бородин»⁷. Эти слова герой пьесы произносит после исполнения песни «Вспомни, вспомни, моя любезная, нашу прежнюю любовь». Так же, дополняя драматическую ситуацию, звучит другая песня: Авдотья Максимовна поет, мечтая о свидании, «Научить ли те, Ваяюша, как ко мне ходить».

Анализируя отдельные сцены и характеры действующих лиц в комедии «Бедность не порок», Чернышевский не нашел в них никакой связи с вставными произведениями народной поэзии. Многие «решительно не связано с пьесой и введено только в качестве народного элемента для украшения сцены». Критик указывает, что автор не позаботился «о целостности и стройности <...> произведения», а написал «не комедию, «не художественное целое, а что-то шитое из разных лоскутков на живую нитку»⁸. Он не нашел связи сюжетного построения пьесы и развития драматического действия с многочисленными народными песнями и сценами. Чернышевский подчеркнул обязательность главного требования искусства — взаимной обусловленности всех компонентов произведения с его стержневою мыслью и всех частей между собою, указал на обязательное соответствие формы содержанию. В рецензии приведено немало интересных и глубоких суждений о народном творчестве. Молодой критик высказал положительное к нему отношение, определив как «поэтические черты старого быта». Народная поэзия, по его признанию, — это отголосок прошлого. Как и в других рецензиях и теоретических исследованиях того же времени, он смотрел на народную поэзию как на искусство отжившее⁹.

⁷ А. Григорьев. Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны.—«Отечественные записки», 1860, с. 257.

⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. II, с. 239.

⁹ Н. Г. Чернышевский. «Песни разных народов». Н. Берга, Н. Г. Чернышевский. — Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. II, с. 291. Его же. Эстетические отношения искусства к действительности. — Там же, с. 1—93.

В следующем, 1855 году в наиболее «славянофильской» по замыслу пьесе «Не так живи, как хочется» Островский еще оставался на прежних позициях в трактовке народного творчества и народного быта. Поднялась вновь журнальная борьба. Причиной возмущения передовой литературной общест-венности послужила неумеренно хвалебная рецензия Т. Филиппова, сугубо реакционного содержания, напечатанная в 1856 году в журнале «Русская беседа»¹⁰. Т. Филиппов с пози-ций правого славянофила увидел «подлинную народность» драмы в соответствии ее главной идеи с содержанием народ-ной песни «Взойди, взойди, солнце, не низко, высоко». В изоб-раженной песней мрачной обстановке существования женщи-ны, приниженной и забитой в патриархальной семье, вынуж-денной покоряться и терпеть, Филиппов усмотрел не страш-ную трагедию крестьянского быта, а идеал народного харак-тера и добродетели, освещенный церковью. Чернышевский на рецензию отозвался замечанием: «о делах земных, каковы наука и литература, рассуждать с г. Филипповым совершенно бесполезно»¹¹. Славянофильская критика проверяла народ-ность пьес Островского их связью с фольклором. Чернышев-ский осуждал славянофильское содержание пьес и считал, что народно-поэтические цитаты соединены с пьесами меха-нически и не составляют сюжетобразующих элементов. Оби-лие фольклорных вставных номеров в «Бедности не порок» он сравнил с таким же приемом в пьесе Аблесимова «Мель-ник, колдун, обманщик и сват», написанной в XVIII веке, когда народные картины на сцене театра были новинкой и, даже будучи иллюстративными, могли удовлетворить зрите-лей.

В рецензии на «Бедность не порок» Чернышевский обра-тил особое внимание на отрицательную сторону работы пи-сателя с фольклором, не останавливаясь на том новом и по-ложительном в этой области, что не сближало, а наоборот, различало его со славянофилами. «Фольклоризм» Островско-го был лишен безусловной идеализации, он не был мерилom народной нравственности, как у сотрудников «Молодой редак-ции «Москвитянина». Народная поэзия в пьесе «Бедность не порок» представлена в разной функциональной значимости и идейно-художественной дифференцированности, начиная с древнего обряда и кончая сентиментальной песенкой Мити из лубочного издания¹²; начиная задушевной импровизаци-

¹⁰ Литературная полемика, вызванная статьей Т. Филиппова, освеще-на в работе: Б. Я. Бухштаб. К истории стихотворения Н. А. Некра-сова «Катерина». В кн.: Некрасовский сборник. Изд-во АН СССР, с. 82—92.

¹¹ Н. Г. Чернышевский. Заметки о журналах. Май 1856 года. — «Современник», 1856, № 6, с. 235; то же: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. III, М., 1947, с. 653.

¹² Сборник русских народных песен, составленный М., Балакиревым. СПб, 1891. Первоначально в песенниках.

ей—причитания няньки—и кончая бессмысленными грубова-то-шуточными припевками купеческих сынков. Главное же, фольклор в «Бедности не порок» выполнял не столько эстетическую функцию, сколько был частью быта, повседневного обихода. А поскольку все эти элементы народного творчества были подчинены «фальшивой» идее, весь этот старый обрядово-песенный и новый современный фольклор был осужден Чернышевским, как осуждена и вся пьеса в целом. По характеру работы с народным творчеством Островского можно было сблизить не столько со славянофилами, сколько с Пушкиным и Белинским, что в пьесах 1851—1855 годов не было еще в достаточной мере заметно.

После 1851—1855 годов Островский не отказался от использования фольклорных элементов в своих пьесах. Но он опирался при этом не на славянофильские традиции. Некоторые исследователи считают, что драматург обращался к народной поэзии только в ранний период, в пору близости с «Молодой редакцией» «Москвитянина». Это неверно. Народные песни и пословицы вплетаются в художественную ткань многих поздних его пьес. Они широко представлены в «Грозе» (1860) «Бальзаминовской трилогии» (1860—1861), «Шутниках» (1864), «Горячем сердце» (1869) и других пьесах, составляющих гордость русского театра. А некоторые произведения целиком построены на народно-поэтических источниках: «Воевода» (1865) (второй вариант 1885 г.), «Снегурочка» (1873). Но метод работы Островского с фольклором стал иным, главное же, совсем другой стала проблематика его новых пьес. Писатель, несомненно, прислушался к упрекам Чернышевского. В зрелый период творчества его уже нельзя было бы обвинить в неумеренном пристрастии к фольклору. В работе с народно-поэтическим искусством, он не следовал ни за писателями XVIII века, ни за славянофилами. В своем понимании фольклора он шел от Пушкина и Белинского.

* * *

Традиции Пушкина и Белинского в понимании народной поэзии и способах включения ее в художественные произведения отчетливо заметны в пьесах Островского. Драматург высоко ценил творчество Пушкина за народность. Пушкин оставил образцы «совершенные по форме и по самобытному, чисто народному содержанию», — говорил Островский в 1880 году в своем «Застольном слове о Пушкине»¹³. Исследователи творчества Островского неоднократно отмечали общие с Пушкиным принципы в разработке исторической тематики в драматургии писателя. То же самое следует сказать о его

¹³ А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. 13, М., Гослитиздат, 1952, с. 166.

фольклористических принципах как в исторических пьесах, так и в произведениях о современности. Не разделяя взглядов славянофилов на фольклор, Островский в зрелую пору видел в нем творчество народа разных исторических периодов. Современные песни были ему известны по собственным наблюдениям и памяти. В пьесах о прошлом он обращался к старым текстам песен, сказок, пословиц и т. д., которые отбирал из ранних фольклорных изданий.

Понять смысл взаимосвязи литературы и народной поэзии в творчестве Островского помогает работа А. П. Скафтымова «Белинский и драматургия Островского»¹⁴. Проблематика пьес драматурга была тесно связана с исканиями Белинского и натуральной школы. В истолковании народного творчества и его роли в жизни русского человека Островский также сближался с Белинским, фольклористическая концепция которого во многом сходна с Пушкиным. Белинский дал теоретическое обоснование взглядов Пушкина на фольклор, выраженных в его художественной практике. Полностью совпадали их трактовки свадебных, семейных, солдатских, исторических песен, особенно удалых. При изображении жизни народных масс, главным образом крестьянства, проявилось пушкинское понимание народной поэзии. Его привлекало в фольклоре жизнеутверждающее, светлое приятие жизни, выражение здорового чувства, нравственного достоинства. Народные песни, сказки, пословицы впервые были им осмыслены в глубокой социально-исторической дифференцированности. Народная поэзия в «Евгении Онегине», в «Капитанской дочке» характеризуется отчужденностью духовной культуры народа, которую поэт высоко ценил, от рафинированной культуры дворянства. Фольклор помогал обнажить классовые противоречия в крепостническом обществе. Тексты народно-поэтических произведений давали возможность поэту раскрыть лучшие черты русского национального характера, его положительные идеалы. Такою направленностью художнического внимания объяснялся отбор произведений фольклора, интересовавших его в первую очередь. В то же время он не замалчивал протестующих настроений, накапливающихся непрерывно в крестьянстве. Фольклор об удальцах, о Разине и Пугачеве привлекал преимущественное внимание Пушкина. Народная поэзия в его произведениях играла не стилизовую роль. Она использовалась для характеристики действующих лиц, изображения социальной среды, ее политического сознания.

¹⁴ А. П. Скафтымов. Белинский и драматургия Островского. — Ученые записки Саратов. ун-та, т. XXXI, 1952; то же в кн.: А. П. Скафтымов. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958; то же в кн.: А. П. Скафтымов. Нравственные искания русских писателей. М., «Художественная литература», 1972.

Островский пошел дальше по пути, указанному Пушкиным, аналитически расчлняя социальную среду в ее нравственно-бытовой, речевой и фольклорной колоритности. Таковы его персонажи из средних слоев и низов города, а также барской усадьбы. А. П. Скафтымов подчеркивает, что драматург усвоил призывы Белинского к изучению и изображению «обыденности», к раскрытию крепостнического зла в бытовом и привычном общении людей. На протяжении всей литературной деятельности он оставался последователем Белинского в критике действительности с преимущественным вниманием к страдающей в этих условиях личности. Нравственные понятия, привычные в бытовых практических отношениях между людьми и составлявшие основную проблематику творчества Островского, освещались также с позиций, идейно близких Белинскому¹⁵: В критике общественного зла писатель главное внимание уделял угнетенному человеку, «кого теснят и давят». Пьеса Островского «окрашивается страдающим лиризмом, входит в разработку свежих, морально чистых или поэтических чувств». Усилия автора направляются к тому, чтобы выдвинуть законность, правду и поэзию подлинной человечности, «угнетаемой и изгоняемой в обстановке господствующей корысти и обмана»¹⁶. В обличительных пьесах естественным и необходимым становится изображение возвышенных чувств. Герои и, особенно, героини пьес в минуту душевного волнения нередко выражают свои чувства исполнением народных песен и романсов. Писатель верно заметил в фольклорной лирике устремленность к положительным идеалам.

В лучшей драме общественно-протестующего характера «Гроза» автор создает целые сцены, наполненные звуками народных песен. В ночном свидании, когда женщины-затворницы, вырвавшись из мрачной, гнетущей атмосферы семьи, почувствовали себя на какой-то час свободными и счастливыми, это их радостное самочувствие выразилось в эмоциональном строе песен Кудряша и Варвары. Ощущение собственной воли, способность отдаться чистому чувству подчеркиваются и оправдываются смыслом и лиризмом песен.

В пьесах Островского женщина — самое приниженное и страдающее лицо. Нередко драматическая ситуация, в какой оказывается героиня, полностью совпадает с тем, как это рисуется народными песнями. Совпадений так много, что нет необходимости приводить примеры. Тема бесправности женщины во всех слоях общества, особенно же в наиболее угнетенных, была выдвинута самою жизнью. Трагическое положение женщины в семье было повседневной примелькавшейся

¹⁵ А. П. Скафтымов. Нравственные искания русских писателей, с. 472.

¹⁶ Там же, с. 500.

ся обыденностью, не всегда замечаемой окружающими. Художник обнажает это уродство жизни, показывая, что даже любящий отец в браке дочери видит нечто общее с торговой сделкой. «А у меня дочь невеста, — говорит Большов, — хоть сейчас из полы в полу да с двора долой» («Свои люди — сочтемся»). В подобной семейной обстановке лучшие героини пьес Островского («Гроза», «Горячее сердце», «Воспитанница» и др.) находили выход своим мечтам о свободе и счастье в песенной лирике. При этом фольклор не только не нарушал общей критической направленности пьес, но и составлял их обязательную часть. Того же круга народные песни в пьесах 1851—1855 годов не могли играть такой роли, поскольку в них критические ноты были приглушены примирительным звучанием финала.

Исключительной выразительности достиг Островский в поэтизации чувства любви, естественного для каждого юного существа, в весенней пьесе «Снегурочка» (1873). Пьеса, построенная на народно-поэтических источниках, полна очарования. Здесь в идеале как бы осуществленной мечты раскрыто «возвышенное чувство», законность свободного выбора, освященного самой природой. Фольклор в этой пьесе представлен прежде всего в своем замечательном художественном качестве. Сказочность изображенных отношений резко противопоставлялась тому, что было в жизни. Сказка объективным содержанием идеала обличала аморальность общественного строя, где самые лучшие человеческие стремления подавлялись властью старших и имущих, где все подчинено корысти и расчету. Непосредственность и чистота поэтически высоких чувств лучших героинь Островского выразились в весенней сказке с покоряющей силой, почему текст пьесы так замечательно слился с гениальными творениями Чайковского и Римского-Корсакова. Народная поэзия воодушевляла и писателя, и композиторов. Фантастика в изображении сказочной среды, героев и обстановки и реальность проблематики, которой все подчинялось, составили замечательный по эстетической выразительности сплав.

Фольклор «Снегурочки» относит содержание пьесы в далекое сказочное прошлое. В пьесе «Воевода» («Сон на Волге», 1865 г., второй вариант — 1885 г.) использован фольклор исторического прошлого. Песни, пословицы, причитания, духовный стих, сказка и картина из народной драмы насыщают эту пьесу, может быть, даже с некоторым излишеством. Большинство этих разнородных по жанру номеров едино по тематике, но все они пронизаны гневно протестующим пафосом, близким к народной лирике. Удалые и разинские песни послужили идейной основой и материалом для сюжета пьесы. Драма полна жизнеутверждающего мироощущения, выражения воли народа, его готовности к борьбе, его духовной

мощи и одаренности: лирическая настроенность пьесы согласуется с народно-поэтическим искусством, звучащим в ней¹⁷.

Островский шел за Пушкиным и Белинским в датировке удалых песен XVII веком и в трактовке их смысла. Писатель далеко отошел от того понимания, какое он им придал в драме «Не так живи, как хочется». Там эмоциональный настрой этих песен, как и удалество героев, сочетается с масляничным разгулом, ухарством и современным писателю семейным бытом. Народное творчество в пьесе «Воевода» призвано выразить социально-политические настроения угнетенных масс далекого прошлого.

Чернышевский в романе «Пролог», написанном в ссылке, приводит отрывок из известной народной удалой песни, придав ей более революционный смысл, чем в подлинном тексте, и указывает на несоответствие ее эмоционального пафоса народному сознанию 60-х годов. Так передана в романе сцена, рисующая бурлаков, только что певших песню о «разбойничках Стеньки Разина», готовых «Москвой тряхнуть», но испугавшихся старика-будочника¹⁸. Островский в своей пьесе истолковал народное удалество с демократических просветительских позиций, проявив вместе с тем глубочайшее уважение к угнетенным массам, к самоотверженности и благородству удалцов, искавших свободы. Народная фантастика, истота душевных порывов героев, выраженных средствами фольклора, создают в пьесе художественную атмосферу XVII века, картину «Сна на Волге», поэтическая условность которого противостояла пореформенной действительности.

* * *

В фольклористической литературе высказаны противоречивые суждения о происхождении использованных драматургом фольклорных текстов. Г. Т. Синюхаев считал, что большинство текстов взято из запасов собственных наблюдений и собственной памяти¹⁹. В. И. Чернышев говорит, что почти все тексты взяты из известных сборников²⁰. Но не приходится сомневаться, что даже те песни, пословицы и другие произведения в его пьесах, которые совпадают с опубликованными, были ему известны в живом бытовании. Песни

¹⁷ М. М. Уманская. Исторические и фольклорные источники пьесы А. Н. Островского «Воевода». — Ученые записки Саратов. пед. ин-та, вып. VII, Саратов, 1955, с. 3—32.

¹⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. XIII, с. 196.

¹⁹ Г. Т. Синюхаев. Островский и народная песня. — Известия отделения русского языка и словесности Российской Академии наук, т. XXVIII, 1923, с. 9.

²⁰ В. И. Чернышев. Русская песня у Островского. Дополнения и заметки к статье Г. Синюхаева. — Известия по русскому языку и словесности АН СССР, т. II, 1929, с. 294.

привлекали внимание драматурга во время его поездки по Волге. Он восторженно отзывался о бурлацких песнях, а когда узнал в Твери, что «полиция гораздо строже смотрит на песни, чем на грабежи», оценил общественно-политическое значение народной лирики²¹.

Песни в пьесах выполняют самые разнообразные функции. В исследованиях фольклористов указывалось главным образом на стиливое их значение в речевом строе действующих лиц, особенно женщин, монологи и реплики которых «сбиваются иногда на песенный лад и размер»²². Такую же роль играют нередко цитаты из модных романсов в устах полубразованных героев²³. При этом обычно указывается на совпадение словесного содержания и музыкального тона с настроением действующих лиц и характером изображенных жизненных ситуаций, что само собою разумеется. Островский не мог не вводить пения в свои пьесы. «Во времена Островского, — пишет известный исследователь народных песен и романсов В. И. Чернышов, — песня держалась еще во всех московских сословиях, кроме знати. Купцы, мещане, ремесленники, рабочие (особенно занятые сидячим трудом: портные, портнихи, сапожники), прислуга были большие любители и нередко знатоки и мастера пения народных песен. Песня слышалась и в мастерских, и в трактирах, особенно же на пирах, на загородных гуляньях»²⁴: Островский различает репертуар каждой социальной среды, раскрывает с помощью песни каждое действующее лицо, его характер, культурный кругозор, моральный уровень и душевное самочувствие в изображаемый момент. Песня была украшением быта среднего слоя людей, выражением их эстетического мировосприятия. В некоторых сценах пение составляет обычное препровождение пустого времени, характеризуя неподвижность застойного быта. Поет, скучая в одиночестве, неудовлетворенная замужеством Полина («Доходное место»), поет Капочка с горничной Малашей («Праздничный сон до обеда»), поет Оленька чувствительный романс в ожидании прихода жениха («Старый друг лучше новых двух») поет со скуки Таня Краснова («Грех да беда на кого не живет»).

Но иногда песня вырывается из глубины души, передавая горестные чувства знакомыми звуками и словами. Так заговорила нянька Арина стихами свадебного причитания, оплакивая судьбу своей питомицы: «Ты, родимая моя матушка,

²¹ А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. 13, с. 213.

²² С. К. Шамбинаго. Из наблюдений над творчеством Островского. — В сб.: Творчество Островского. М.-П., 1923.

²³ А. Ф. Луконин. Песня, ее источники и значение в творчестве Островского. — Ученые записки Куйбышевского пед. ин-та. Литературоведение, в. 19, 1958, с. 185.

²⁴ В. И. Чернышев. Русская песня у Островского. Дополнения и заметки к статье Г. Синюхина, с. 314.

В день денна моя печальница, В ночь ночная богомольница...» («Бедность не порок»).

В бытовых пьесах произведения фольклора не были отголоском прошлого. Островский знал не только тексты многих песен и романсов, но и условия их исполнения. Нередко песни в его пьесах стоят на уровне житейских будней и не воспринимаются действующими лицами как явление поэтическое, хотя они и определяют эстетическое сознание поющих. Островский, создавал свой театр для общества, хорошо знавшего русскую песню, — говорит Чернышев²⁵. Несколько слов было достаточно, чтобы определить лицо, положение, развитие поющего. Современные зрители и читатели пьес Островского в ином положении: для них «песня, не известная от начала до конца, не раскрашивает, а затемняет картину», — пишет тот же исследователь в 1929 году. Песня бытовала во многих слоях населения Москвы, «почти на степени языка», средства выражения мыслей и настроений. И в пьесах Островского образы, мотивы и цитаты из песен употребляются как идиомы, фразеологизмы, всем известные и понятные. «Посудите, люди добрые, каково жить в чужой дальней сторонке, чужим куском давиться, кулаком слезы утираючи! Да, помилуй бог, неровнюшка выйдется, неровен дурак навяжется, аль дурак какой, дурацкий сын!»²⁶. Словами свадебной песни приговаривает Аграфена Кондратьевна о замужестве дочери («Свои люди — сочтемся»). «...а у меня уж тут место... насиженное и дорожка-то мною протоптана»²⁷, — говорит Кудряш Борису, объясняя свое появление в ночном свидании стихами широко известной любовной песни. Анна Ивановна в последнем действии пьесы «Бедность не порок» сочувственно обращается к Мите, повторяя народную песню: «Один ведет за рученьку, другой за другу, третий стоит слезы ронит, любил, да не взял»²⁸. Курицын, недовольный приемом шурина, упрекает его так же, как и в песне «Видно, женина родня — так отворяй ворота; а мужнина родня, так запирай ворота»²⁹. («Грех да беда на кого не живет»). «Поставить на порог, да в три шеи до ворот»³⁰, — говорит Татьяна Никоновна о женихе дочери («Старый друг лучше новых двух»). Нередко обобщенные слова песни звучат на правах пословиц: «Хорошо тому на свете жить, у кого нету стыда в глазах», — говорит Любим Тор-

²⁵ Там же, с. 294.

²⁶ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. II, 1896, № 114, 128, 138. Песня хороводная. Варианты 60-х гг.

²⁷ Там же, т. V, СПб, 1899, № 460—463 («Не одна во поле дороженька»), т. II, № 63 («Еще кто эту дорожку проторил»).

²⁸ Там же, т. V, № 656—672 («Вспомни, вспомни, моя любезная». Песня XVIII-XIX вв.).

²⁹ Там же, т. III, № 222—226 («Исходила младенька»).

³⁰ Там же, т. II, № 590—596 («Отдают молоду»).

цов. «Вина не пьет, с воды пьян живет», — высмеивает Шилохвостов Оброшенова («Шутники») ³¹.

* * *

В своем понимании фольклора Островский был глубоко оригинален. Он считал, что не все бытующее в народе народно. Писатель отчетливо отграничивает подлинно-народное и прогрессивное от классово враждебного и чуждого народным массам, хотя и широко бытующего. «Для народа надо писать не тем языком, которым он говорит, но тем, которым он желает. Следующая степень простонародного есть лакейская и фабричная». Так записал он в заметках 1880-х годов ³². Под последней он явно подразумевал и купеческую, испорченную «простонародность», широко представив ее в критическом изображении «темного царства».

Превосходный мастер языка, драматург великолепно знал русскую пословицу во всем разнообразии ее классового своеобразия и бытового применения. Функциональное многообразие используемых им пословиц исключительно ³³. В сценах обличительного характера драматург широко применяет пословицы и поговорки самого разнообразного смысла, общественного звучания, нравственного содержания, прямого или переносного значения и художественной функции в изображении действующих лиц. Принято считать, что пословицы в речах персонажей способствуют их типизации, обобщая каждый образ до социально значимого. Однако этим писатель не ограничивается, он достигает одновременно большей выразительности и неповторимости облика каждого лица. Пословица получает свой особый смысл и значение в общем содержании сцены и характере героя. Приведем только те примеры, которые служат разоблачению нравственной извращенности, дикости господствующих в обществе людей. «Либо ты глуп, либо ты меня обманываешь. Русской пословицы ты не знаешь: воруй, да концы хорони», — говорит купец Ахов приказчику Ипполиту, не веря в его честность, считая глупостью и не понимая, что можно руководствоваться иными моральными принципами, чем его собственные («Не все коту масленица»). «Кто богу не прешен, царю не виноват», — успокаивает и оправдывает себя более тонкий плут, чиновник-взяточник Беневоленский («Бедная невеста»).

³¹ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. II, СПб, 1896, № 399—403 («Я вечер, млада, во пиру была»).

³² Заметки Островского 1880-е годы. — В кн.: Русские писатели о литературе, т. II, 1939, с. 75.

³³ А. Ф. Луконин. Пословица и поговорка в драматургии Островского. — Ученые записки Сызранского пед. ин-та, вып. I, 1956; С. И. Цыпин. Фразеология драматических произведений Островского. Пословицы. — Наукові записки Днепропетровського ун-та, т. 68, 1958

Часто пословица и поговорка выполняют одновременно несколько функций. «Все перемелется, мука будет», — утешает разоренного им тестя новонспекенный купец Подхалюзин, как бы снимая с себя вину и относя несчастье старика к делам обычным, преходящим и легко изживаемым. Вместе с тем пословица разоблачает коварство и бесчеловечность молодого хищника, а иронический смысл пословицы обнаруживает и авторское к нему отношение («Свои люди — сочтемся»). Двойкий смысл — прямой и иронический переносный — заключен в заглавии пьесы. Положительный смысл пословицы в ее общеупотребительном значении переиначен в интересах хищников и самодуров, утверждая в их собственных глазах право сильного и богатого, угнетение подчиненных и бедных. Иногда в пословице звучит насмешка не только над тем, к кому она обращена, но слышится ирония и по отношению к представителям общественных учреждений. «Нельзя же комиссару без штанов, хоть худенькие, да голубенькие», — говорит сваха Устинья Наумовна Липочке, пытаюсь выведать у нее сведения о количестве наготовленных нарядов, за счет которых сама рассчитывает пожитье. Подобострастно уважительное, казалось бы, отношение свахи к молодой купчихе одновременно не лишено и иронической фамильярности. То же выражено и в сатирической пословице о мелких представителях правопорядка.

Особенно много пословиц — типичных для буржуазного общества, где все расценивалось на деньги: и достоинство человека, и его нравственные качества и положение в обществе. «Осыплю тебя золотом», «Цена вам всем грош», «Что за честь, коли нечего есть» («Шутники»), «Все дело-то гроша не стоит» («Грех да беда на кого не живет») и другие. Господствующие в обществе люди используют пословицы для утверждения своего положения, для самооправдания своих аморальных действий, опираясь на пословицу, как на общепризнанный авторитет, общественное мнение, всем известное. «А умные люди говорят, что скупость не глупость» («Лес»), «Не помимо пословица-то говорится: не обмануть — не продать» («Семейная картина»), «Правда пословица-то говорится: «У всякого плута свой расчет». Так оправдывает себя лакей, выпрашивая чаевые у посетителей («Старый друг лучше новых двух»). По подсчетам некоторых исследователей из 350 пословиц и поговорок, встречающихся в пьесах Островского, 39 сопровождаются указанием: так говорит пословица, то есть житейская мудрость. «Не даром говорится» («Грех да беда на кого не живет»), «Сам знаешь» («Лес»), «Известное дело» («Свои люди — сочтемся»). В «Доходном месте» пословица, сложившаяся в чиновных кругах, прямо характеризуется как общественное мнение, которое осуждалось далеко не всеми. «Вот тебе общественное

мнение: не пойман — не вор», — говорит Вышневецкий Жадову. Пословица вместе с тем могла помочь и скрыть свое мнение, как бы спрятать за ней свою совесть. «Что будет, то будет, а что будет, то бог даст», говорит Добротворский Марии Андреевне, скрывая свое мнение о высватанном ей женихе, и ссылается на пословицу. — «я вам русскую пословицу скажу» («Бедная невеста»).

Изучение пословиц в пьесах Островского заслуживает особого внимания. В настоящей статье важно подчеркнуть, что драматург отлично знал фольклор не только в его передовом, прогрессивном народном содержании, но и реакционный фольклор, который слагался и держался в русском купечестве и чиновной среде для защиты права сильного в классовом обществе. Пословица одновременно и защищала, и обличала.

* * *

Суровая критика Чернышевского помогла Островскому избавиться от недостатков и утвердиться в тех принципах работы с фольклором, какие он считал верными и необходимыми при изображении нравственных и духовных сфер жизни. Эти принципы выработались у него в раннюю пору. Однако тогда они еще не получили положительного значения, поскольку частично служили славянофильским идеям. Вместе с тем и в раннюю пору творчества писатель занимал самостоятельную позицию во взглядах на идейную направленность драматургии и на фольклор, поскольку не утрачивал критического подхода к действительности. Это обстоятельство, по-видимому, не осталось незамеченным и Чернышевским, который в своей критике выразил надежду на «возрождение» таланта драматурга. В. И. Чернышев утверждает, что по песням в пьесах Островского видно, насколько самостоятельным было положение писателя в кружке «Молодой редакции» «Москвитянина», несмотря на некоторую общность взглядов³⁴.

В последующие же годы фольклор в пьесах Островского органически сочетался и с идейным замыслом, и с сюжетным содержанием, и картинками быта, и характерами действующих лиц, и, особенно, их языком.

³⁴ В. И. Чернышев. Русская песня у Островского. Дополнения и заметки к статье Г. Синюхина, с. 313.

Народный идеал и труд как эстетическая категория у Чернышевского

В искусстве социалистического реализма народ, народный характер, человек труда занимают главное место. Уже первые классические произведения нового метода, как и лучшие художественные творения нашего времени, утверждают хозяином того, кто трудится, показывают рабочего человека крупным планом, центральной фигурой не только художественного сюжета или композиции, но самой жизни.

Перед советской литературой встала грандиозная задача художественного воспроизведения героя эпохи социалистических революций, творческой энергии разбуженных и раскрепощенных трудящихся масс.

Не менее серьезная задача встала и перед советской литературной критикой и эстетикой: теоретически осмыслить все эти процессы в их общественной эстетической сущности. Решение такой задачи немислимо без учета плодотворных традиций, заложенных нашими предшественниками — революционными демократами, в первую очередь учением Чернышевского, обосновавшего глубочайшую связь эстетических проблем с жизнью и идеалами народа.

* * *

Глубокое материалистическое обоснование народного идеала жизни и красоты человека Чернышевский дает в своей знаменитой диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Сформулированное Чернышевским понятие идеала прекрасного, его утверждение зависимости идеала от материальных условий, от того положения, в каком находятся отдельные сословия, приближаются к классовому истолкованию этих категорий и являются для России

того времени самыми научными и прогрессивными, хотя и не адекватны разработанному историческим материализмом учению о материальных условиях жизни общества.

В эпоху крепостного права, когда крестьянин от зари до зари гнул шею на помещика, питался хлебом из мякины и пустыми щами, а над головой его была прогнившая крыша,— в ту пору «хорошая жизнь», «жизнь, как она должна быть», представлялась простому народу состоящей в том, чтобы «сытно есть, жить в хорошей избе, спать вдоволь; но вместе с этим, — пишет автор диссертации, — у поселянина в понятии «жизнь» всегда заключается понятие о работе: жить без работы нельзя; да и скучно было бы» (II, 10)¹.

В диссертации отводится значительное место обоснованию тезиса о зависимости человеческой красоты от материальных и исторических условий жизни. Жизненные обстоятельства определяют не только физическое, но и духовное, нравственное развитие человека, развитие его творческих способностей. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский самой постановкой вопроса наталкивает на ответ, почему совершенная красота и гений так редко встречаются между людьми, хотя «для этого человеку нужно только развиваться, как бы ему всегда следовало развиваться» (III, 139). Однако развитию *как следовало бы*, «счастливному развитию» гения и красоты нужны благоприятные условия, а их-то, как раз, у большинства людей не было.

На материалистической основе зиждется у Чернышевского и утверждение, что всякий идеал, его сущность и его достижение, связан с реальной действительностью, с реальными объективными возможностями. «В здоровом человеке стремления соразмерны с силами организма» (II, 36—37), — пишет он в диссертации. Эта антропологически звучащая мысль развивается в «Очерках гоголевского периода» в социально-психологическом аспекте: «Прочное наслаждение дается человеку только действительностью; серьезное значение имеют только те желания, которые основанием своим имеют действительность; успеха можно ожидать только в тех надеждах, которые возбуждаются действительностью, и только в тех делах, которые совершаются при помощи сил и обстоятельств, представляемых ею» (III, 229). Здесь Чернышевский очень близко подходит к марксистскому пониманию обусловленности идеала действительностью.

Для Чернышевского действительность «не только настоящее, но и прошедшее, насколько оно выразилось делом,

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., тт. I—XVI., М., Гослитиздат, 1939—1953. В дальнейшем в тексте будут указываться том и страницы этого издания.

и будущее, насколько оно готовится настоящим». В свою очередь, *дело*, «практическая жизнь», обнимает собою «не одну материальную, но и умственную и нравственную деятельность человека» (II, 103). Ему, как материалисту, было чуждо метафизическое противопоставление духовной и материальной сторон жизни, но он выступал против бесплодного фантазерства, пустой мечты, отрывающей искусство от действительности, от насущных потребностей жизни. Он ведет борьбу с теориями, уводящими искусство в заоблачную высь, в туманную даль.

Свои теоретические рассуждения о действительности и мечте Чернышевский непосредственно связывал с программными требованиями революционной демократии об изменении действительности. Мечты и фантазии должны исходить из бытия, соответствовать жизненным закономерностям и побуждать человека к полезной деятельности, к устранению из жизни того, что плохо. Не всякая пища хороша для человека, рассуждает критик, пустые щи с лебедой совсем не хороши. Но надо думать не об «амвросии и нектаре», мечтать не о воздушных замках, а очищать поля от камней и бурьянов, засеивать пшеницу, т. е. думать о том, что поддерживается реальностью.

Эта закономерность—связь идеала с действительностью — так или иначе неизбежно сказывается в произведениях художника. Если нарисованный идеал не находит своего подтверждения в жизни, если он выдуман автором без опоры на реальность, то получается бледным, неубедительным, схематичным. Чернышевский, анализируя второй том «Мертвых душ», объясняет слабые страницы тома, где «изображаются идеалы самого автора» («Дивный воспитатель Тентетникова» Александр Петрович, Костанжогло, Муразов), силой таланта Гоголя (III, 10). Подобное утверждение на первый взгляд кажется парадоксальным, но Чернышевский поясняет: талант Гоголя находится «в необыкновенно тесном родстве с действительностью», поэтому «когда действительность представляла идеальные лица, они превосходно выходили у Гоголя, как, например, в «Тарасе Бульбе» или даже в «Невском проспекте» (лицо художника Пискарева). Если же действительность не представляла идеальных лиц или представляла в положениях, недоступных искусству —... выдумки у него выходили всегда неудачны». Речь здесь идет, конечно, не о фантастических сказочных «выдумках», на которые Гоголь был великий мастер. Речь идет об идеалах. У Гоголя «фальшивая идеализация», по мнению критика, — результат искренних, но «несправедливых» убеждений писателя, в частности «недальновидной любви к патриархальности», привитой ему взглядами ближайших к нему и уважаемых им людей (III, 10, 11).

Однако художественный такт Гоголя-реалиста подсказывал ему, что его положительные «идеалы» слабы и ложны, что они не верны действительности. Реализм вступал в острые противоречия с реакционной моралью, требовавшей от писателя изображения подобных «идеалов». Конфликт этот «разрешается» духовной катастрофой Гоголя и трагическим уничтожением рукописей второго тома поэмы.

Объясняя с позиций антропологизма противоречия Гоголя борьбой врожденных благородных наклонностей художника с окружающей его самодержавно-крепостнической средой, Чернышевский вместе с тем совершенно верно видел в духовной трагедии Гоголя отражение общественных противоречий, отражение отсталости сознания русского общества. В том, что Гоголь «схватился за ложные средства», виновно общество, которое не указывало ему других, верных средств исправления общественных недостатков.

Подвергавшийся критике Чернышевского идеализм («устаревшее мирозерцание»), ставивший «мечты воображения» выше явлений действительной жизни, в литературе «выразился романтизмом» (II, 98). У романтиков идеалы приобретали характер «воздушных замков», неосуществимой мечты. Вместо фантастических, оторванных от действительности стремлений и надежд, Чернышевский выдвигает обусловленный развитием жизни идеал, заставляющий человека горячо трудиться для его осуществления. Общественный и эстетический идеал великого русского социалиста выражал реальные потребности трудовых масс в коренном преобразовании жизни. Народный идеал, конкретный и реальный, заключал в себе силу, способную поднять массы на целеустремленное движение к его достижению.

Конечно, сформулированное в «Эстетических отношениях искусства к действительности» представление о хорошей жизни у крестьянина не раз навсегда данное. Развитие действительности ведет за собой изменение всякого идеала. «Живой человек не любит неподвижного в жизни» (II, 42).

В дальнейшем Чернышевский еще более четко раскроет диалектику народного идеала. Он скажет: каждый народ имеет свои идеалы и стремления к улучшению жизни; уровень, характер идеала и стремлений зависят от того, в каком положении находится данный народ, каковы его жизненные обстоятельства; идеал народа изменяется с изменением обстоятельств его жизни. «Если положение какого-нибудь народа долго было очень бедственным, — пишет критик, — то привычные его желания имеют очень небольшой размер. Из этого не следует, чтоб он не был способен желать гораздо большего, когда нынешние его желания будут удовлетворены. Если мы будем помнить это, у нас исчезнет фантастическое деление народов на способные и неспособные к дости-

жению высокой цивилизации; оно заменится различием положений, благоприятных развитию стремления к прогрессу, и положений, принуждающих народ не думать о том, чего нельзя, по его мнению, достичь» (X, 895).

Великий демократ не просто любил народ и верил в его силы. Сто с лишним лет назад он с несокрушимой научной убежденностью высказал мысль, звучащую актуально и в наше время, мысль о том, что нет «неспособных» народов и что уровень развития цивилизации той или иной страны зависит не от «способности» или «неспособности» народа к развитию, а от экономических условий и общественно-политических обстоятельств существования народных масс.

Чернышевский выступает как материалист-революционер, как человек, который любит природу, жизнь, действительность, любит все это не в мертвом, застывшем состоянии. Он хочет видеть положительное развитие жизни, хочет уничтожения тех ненормальных условий, в которые поставлена современная ему жизнь народа. Он хочет увидеть жизнь преображенной, свободной от всего уродливого и порочного.

Признавая историчность народного идеала «хорошей жизни», критик видел в нем и непреходящую, постоянную величину, составляющую его необходимую, основную, органическую часть. Это — труд. Труд, по Чернышевскому, есть субстанция народной жизни, ее сущность, начало всех начал. Именно труд содержит в себе основу и предпосылки прогрессивного развития. Ни хорошей жизни, ни ее красоты, ни красоты человека народ не мыслит без труда. Не случайно все народные признаки женской красоты являются «выражением цветущего здоровья и равновесия сил в организме, всегдашнего следствия жизни в довольстве при постоянной и нешумной, но не чрезмерной работе» (II, 10). Не знающая труда светская красавица крестьянину кажется невзрачной и болезненной. В этом смысле эстетический идеал народа и эксплуататорских классов принципиально различен, как принципиально различно их отношение к труду. Труд, воплощаясь в эстетическом идеале (народа, художника), выступает как эстетическая категория.

Народный идеал того времени не всеобъемлющ, он не раскрывал «внутреннего мира» человека, тем не менее он близок передовым («образованным») людям — современникам Чернышевского, потому что и они видели корень жизни в труде, которым и определяли духовное богатство человека, его нравственные качества, его жизнь в целом. В их представлении красив тот человек, в котором особенно богата работой «жизнь ума и сердца», и, хотя «хорошую жизнь для простолюдинов» они видели не такой, как сами крестьяне, им был симпатичен народный идеал красоты человека своим физическим и душевным здоровьем, своей любовью к труду. В па-

раллель можно привести суждения критика о народной поэзии, его ответ на вопрос, почему она, несмотря на монотонность и многие искажения, привнесенные временем, доставляет нам наслаждение. «В народной поэзии, — пишет он, — очень много свежести, простоты — и этого довольно для нашего эстетического чувства, чтобы восхищаться народною поэзиею» (II, 38).

В своих критических статьях Чернышевский неоднократно обращается к вопросу о роли труда в жизни и развитии народа и всего общества. Интереснейшие размышления о народе и его развитии, о народном характере и факторах, определяющих его черты, о труде и отношении к нему различных классов и сословий мы находим в рецензии на «Письма об Испании» В. П. Боткина (1857 г.). Чернышевский, опираясь на конкретный исторический анализ, на факты из истории и современности Испании, вопреки высказываемым в то время об испанцах противоречивым мнениям, главным образом отрицательным, подчеркивает высокие положительные качества испанского народа, сохранившиеся «в продолжение... темных времен своей истории...» (IV, 226). Многие из этих качеств свойственны и другим народам, утверждает критик, решительно выступая против огульного распространения на «целый народ» (испанский и любой иной) каких-либо пороков. Лениность, разврат, наркомания и другие социальные болезни не являются врожденными, развиваются «не вследствие климатического влияния, а вследствие исторических отношений». Критик останавливает внимание читателя на объяснениях, которые дает автор «Писем об Испании» тому, почему испанец мало и неохотно работает, хотя может хорошо работать. Первую причину Боткин видит в том, что «ограниченные» потребности испанца «очень легко удовлетворяются в его теплом климате». Находя это замечание «справедливым», Чернышевский, однако, на нем совсем не останавливается. Вторая причина (о ней Чернышевский говорит подробно) — результат исторически сложившегося презрительного отношения «благородных фамилий» к труду земледельца или ремесленника. Ведя многолетние войны, знатные люди «снискивали себе и средства для жизни и почетное имя в обществе мечом, а не мирными промыслами...» Когда войны прекратились, презрение к труду осталось, поэтому «праздность считается в Испании гораздо почетнейшим препровождением жизни, нежели труд, так что бедный кавальеро скорее пойдет в лакеи, нежели займется каким-нибудь ремеслом». Презирают труд и польские шляхтичи — многие из них «служат теперь лакеями... лишь бы только есть даровой хлеб» (IV, 231, 232).

Совершенно очевидно, что в приведенных примерах речь идет о привилегированных сословиях. Именно люди таких сословий, и богатые и бедные, презирают труд. Однако их

взгляды могут действовать растлевающе и на людей низших сословий, на их отношение к труду. Позднее Гончаров покажет, а Добролюбов подробно разъяснит, как прививали Илюше Обломову подобный взгляд на труд, как ему внушали с детства, что работа — это не барское занятие, а мужичье, и как обломовщина заражает и слугу Ильи Ильича — Захара.

И все же Чернышевский считает, что народный характер, его сущность определяются трудом. Труд — органическая потребность человека, без труда «скучно было бы», говорит поселянин, мечтая о хорошей жизни.

Критик утверждает труд, способность и любовь к труду главной силой экономического прогресса общества и нравственного развития человека. Именно труд ставит простых людей в нравственном отношении всегда и во всех странах выше «богатых».

Люди труда для автора статей о ранних произведениях Л. Толстого — решающая сила и больших исторических событий. В рецензии на «Морской сборник» (1855 г.), говоря о мужестве рядовых защитников Севастополя, «пострадавших за отечество», он мечтает о сохранении в истории их имен (II, 581—582).

Философское обоснование роли труда в развитии жизни Чернышевский дает и в романе «Что делать?». Где труд, там и движение, там и жизнь, утверждает писатель. Жизнь — это реальность, которая «имеет главным своим элементом труд, а потому главный элемент реальности — труд» (XI, 119). Где нет движения — нет развития. «Фантастическая» грязь потому и гнилая, что там застой, нет движения воды и воздуха, и на ней не может вырасти здорового колоса. Иначе говоря, там, где нет труда, нет движения, нет и здорового общества, гнилая основа порождает паразитические классы. Как видим, проблема труда в эстетике Чернышевского взаимосвязана с революционными идеями преобразования действительности.

Потребность работы Чернышевский считает, как уже говорилось, естественным свойством природы человека. Но далее свою мысль он развивает не в антропологическом, а социологическом плане, говоря, что это свойство может развиваться или не развиваться в зависимости от обстоятельств, которые «дают направление жизни целого народа, как и жизни отдельного человека» (IV, 233—234). В той же рецензии на «Письма об Испании» мы читаем: «Трудолюбивые привычки могут развиваться или сохраниться в народе только при хорошем управлении, которое обеспечивает каждому неприкосновенность собственности, приобретаемой его трудом, и ограждает его труд от препятствий и обременений, каким он подвергается, как скоро является произвол с беспорядками и злоупотреблениями, необходимыми своими спутниками»

(IV, 232). «Кому охота работать, когда плоды трудов истребляются или похищаются?» — задает вопрос критик.

«Тягостный ярем до гроба все влекут», — так сказал Пушкин о работе крепостных в России, где «барство дикое, без чувства, без закона, присвоило себе насильственной лозой и труд, и собственность, и время земледельца». И Чернышевский, конечно, имел в виду прежде всего русские обстоятельства жизни, рассуждая о политике и экономике других стран. Позже, в 1859 году, он открыто называл крепостное право «одним из учреждений», ослаблявших народную энергию труда (V, 694). Он доказывал, что пробуждение народа, его материальное довольство, оживление умственной деятельности в нации зависят от устранения неблагоприятных обстоятельств, от установления «разумного порядка», от ликвидации деления нации на «враждебные касты».

Деление на классы, классовые столкновения им рассматриваются как результат различного отношения к труду. В работе «Антропологический принцип в философии» он пишет: «Сделаем, например, гипотезу, что праздность приятна, а труд неприятен; если эта гипотеза станет господствующим мнением, каждый человек будет пользоваться всеми случаями, чтобы обеспечить себе праздную жизнь, заставив других работать за себя; из этого произойдут все виды порабощения и грабежа, начиная от собственно так называемого рабства и от завоевательной войны до нынешних более тонких форм тех же явлений. Эта гипотеза действительно была сделана людьми, действительно стала господствующим мнением [и господствует до сих пор], и действительно произвела [столько] страданий, что нет им ни числа, ни меры» (VII, 271). Несмотря на антропологическую основу рассуждений Чернышевского (началом различного отношения к труду является не «гипотеза» о том, что праздность приятна, а труд неприятен), от них «веет духом классовой борьбы» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94). Писатель утверждает труд «коренною формою движения, дающею основание и содержание всем другим формам: развлечению, отдыху, забаве, веселью», которые «без предшествующего труда не имеют реальности» (XI, 120).

Если человек ничего не делает, никогда не трудится, он не способен по-настоящему ни наслаждаться, ни радоваться, ни получать удовольствия. «Праздность... не может производить феноменов так называемого приятного ощущения», и этим Чернышевский объясняет, почему «во всех цивилизованных странах зажиточные классы общества жалуются на постоянную скуку, на неприятность жизни» (VII, 271—272). Чтобы избежать тоски, хандры, сплина, оветский человек вместо нормальной деятельности выдумывает себе «фантастические» занятия, «убивает время».

В числе немногих социалистов-утопистов Чернышевский

открыл красоту труда, его эстетические стороны и роль труда в созидании красоты. В рецензии на «Письма об Испании» развивается очень важный тезис о соотношении труда человека и сил природы. Как известно, в «Эстетических отношениях искусства к действительности» Чернышевский доказывал неспособность искусства создать красоту, превосходящую красоту природы. Речь шла об искусстве как форме отражения действительности. Отражение не может быть полнее, ярче, «выше» отражаемого.

Другое дело труд человека. Труд способен помериться с силами природы и создать новую красоту, высшую, равную или заменяющую то, что дает природа. «Только неутомимое трудолюбие человека, — пишет критик, — может сообщить природе новую, высшую красоту взамен дикой, первобытной красоты, неудержимо исчезающей под его ногами». Человек отвечает за природу. Он обязан оберегать и возрождать ее. «Человек должен ухаживать за лесами, стеречь их, чтобы сохранить от истребления часть их, нужную для его материальных потребностей и эстетического наслаждения, должен заменить садами другую часть; он должен одеть землю нивами и искусственными лугами, взамен не выносящих его прикосновения первобытных трав. Где является человек, там природа должна воссоздаваться трудом человека» (IV, 229—230). Эти прекрасные мысли русского материалиста, на наш взгляд, близки словам Маркса о том, что человеческая деятельность руководствуется не только законами целесообразности, что «человек формирует материю также и по законам красоты»².

Сила и красота труда, положительное содержание народной жизни были для Чернышевского, как и для других революционных демократов, одним из самых живительных источников собственного социалистического идеала. В трудовом народе он видел и главную силу созидания социализма. В романе «Что делать?» писатель рисует светлое царство будущего как результат творчества огромной армии труда, труда свободного, основанного на применении самых высоких достижений техники, приносящего людям радость.

Говоря о труде в будущем социалистическом обществе, Чернышевский доказывал, что он «из тяжелой необходимости» обратится в приятное удовлетворение естественных потребностей человека, что физический труд возвысится до степени умственной работы в «людях просвещенных». Он твердо знал, что так будет. «Надежда на такое время — простой арифметический расчет, — писал он. — Время это настанет; тут расчет так же верен, как то, что в прогрессии

1. 2. 4. 8. 16...

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, с. 566.

явятся наконец члены, которые будут более миллионов или какого вам угодно данного числа. Но близко ли, или далеко до этих членов, близко ли, или далеко это время, — вопрос другой; мы думаем, что оно еще очень далеко, хотя, быть может, и не на тысячу лет от нас, но, вероятно, больше, нежели на сто или на полтора ста» (V, 610).

Идея коллективного труда на социалистических началах раскрывается и в изображении мастерской Веры Павловны. Это — ассоциация, в которой, говоря словами Маркса, «предметом обмена мнениями между рабочими служат не только их непосредственные потребности как *рабочих*, но и их потребности как *людей*»³.

«Народу нужна радость жизни, — без наслаждения он не будет трудолюбив»⁴, — читаем мы в «Заметках для биографии Руссо», которые Чернышевский писал там же, где и роман «Что делать?», в Петропавловской крепости. Критик дает выразительное примечание к сочинениям философа в «Заметках...»: «Голодайте, когда у вас лихорадка, но когда лихорадка приключится с вашими крестьянами, дайте им мяса и вина: почти все их болезни происходят от нищеты и истощения»⁵. Народу нужно материальное благополучие.

Мысли и мечты о народной жизни, полной довольства, о свободном труде не покидают Чернышевского до конца жизни. В рукописи, обнаруженной у него в виллюском остроге жандармским полковником Крупенковым при обыске в декабре 1873 года, содержится описание солнечной Италии, «благодатной Катанийской равнины»: «Счастье человеку севера, счастье труженику миролюбивой науки жить в этой мирной области света и тепла без помех, приволен здесь труд, и полон радости отдых... и светлыми мыслями думается обо всем; даже и о дальнем северо-востоке, когда думается о нем.

Мне думается о нем. И часто, и много...

И все, что воображается мне о нашей родине, видится мне озаренное яркими лучами согревающего грудь мою вечно весеннего солнца»⁶.

Сосланный в «страну вьюг», Чернышевский думает о стране «вечной весны». Он понимал, что невозможно конкретно нарисовать «страну вечной весны» — будущее социалистическое общество. Он писал: «Общий принцип ясен для всех, кто хочет знать его, а технические подробности никогда не опре-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 57.

⁴ Н. Г. Чернышевский. Неопубликованные произведения. Саратов, 1939, с. 290.

⁵ Там же, с. 316.

⁶ Н. Г. Чернышевский. Из произведений, писанных в Виллюске. — В кн.: «Звенья». Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в., т. VI, М.-Л., «Academia», 1936, с. 605—606.

деляются предшествующею теориею, они даются практикою, самим исполнением дела и местными условиями» (IV, 741). Однако великий революционер был совершенно уверен в том, что основополагающим принципом жизни будущего общества является свободный коллективный труд и что труд приближает это будущее. «Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести»,— призывал он своих современников.

И. Ш. КИРОВО

О развитии культуры отсталого периода

Ускок Александрович

Вопрос о развитии культуры отсталого периода является одним из наиболее актуальных в настоящее время. В связи с этим в последние годы в нашей литературе появилось много работ, посвященных этому вопросу. Однако, к сожалению, в большинстве из них не делается попытка дать систематическое и всестороннее исследование этого сложного и многогранного явления. В настоящей работе мы попытаемся сделать такую попытку. Мы рассмотрим основные черты культуры отсталого периода, ее историческое развитие, ее место в истории культуры человечества. Мы постараемся показать, что культура отсталого периода — это не просто «отсталая» культура, а культура, которая имеет свои особенности, свои законы развития, свои достижения. Мы постараемся показать, что культура отсталого периода — это культура, которая имеет право на уважение и на изучение. Мы постараемся показать, что культура отсталого периода — это культура, которая имеет право на развитие и на прогресс.

О концепции «Очерков гоголевского периода русской литературы»

I

В научной литературе уже отмечалось отсутствие работ, специально посвященных «Очеркам гоголевского периода»¹. Правда, цикл статей Чернышевского обсуждался и анализировался в монографических исследованиях о его творчестве². Так, достаточно полно выяснено, с кем из современных ему литераторов дискутировал Чернышевский и какие проблемы при этом задевались. Доказательно продемонстрировано — в плане философском, эстетическом — развитие публицистом «Современника» традиций Белинского и Гоголя и сказано о значении борьбы за эти традиции. Уточнено тематическое содержание «Очерков», и поставлен вопрос о глубоком понимании их автором взаимосвязи между состоянием литературы и потребностями читательской публики³. В то же время заявленная в «Очерках» историко-литературная концепция до сих пор нуждается в более основательном изучении.

¹ См. М. Г. Зельдович. Чернышевский и проблемы критики. Изд-во Харьковского ун-та, 1968, с. 42.

² См. соответствующие разделы и главы в кн.: А. П. Скафтымов. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Изд. 2-е, испр. и доп. Саратовское обл. изд-во, 1947; Б. Рюриков. Н. Г. Чернышевский. М., Гослитиздат, 1953; Б. И. Бурсов. Мастерство Чернышевского — критика. Л., «Советский писатель», 1959; Е. Покусаев. Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и деятельности. Изд. 4-е, испр. и доп. Саратов, 1967 и др.

³ См.: М. Г. Зельдович. Чернышевский и проблемы критики; В. В. Прозоров. Н. Г. Чернышевский о «власти публики в литературных делах». — В сб.: «Н. Г. Чернышевский». Статьи, исследования и материалы. Вып. 6. Изд-во Саратов. ун-та, 1971.

В нашей статье рассматривается история полемики по поводу одной литературной параллели. В какой форме эта полемика получила отражение на страницах «Очерков»? Какие оценки и суждения Чернышевского вызвала? Как в итоге выкристаллизовывались взгляды Чернышевского на литературный процесс, главные его составляющие?

Изучая одну деталь художественного произведения, можно познать его концепцию. Так и исследуя «деталь» произведения литературно-критического, можно уяснить концепцию его автора. Важно только осмыслить эту «деталь» в соотносительности с целым рядом моментов литературной и общественно-политической борьбы.

2

Материалом для написания «Очерков» послужили мнения критиков тридцатых-сороковых годов о произведениях Гоголя. Почему возникла необходимость подвергнуть эти мнения детальному разбору? Чернышевский объяснил важность «обзора отношений к Гоголю людей, литературные мнения которых неудовлетворительны», тем фактом, что «отголоски суждений о Гоголе», принадлежавших этим людям, «слышатся еще до сих пор <...>»⁴; «до сих пор еще остается много людей, восстающих против Гоголя» (3, 21).

Между тем «гоголевский период» в русской литературе, как отмечал Чернышевский, «до сих пор продолжается», «гоголевское направление до сих пор остается в нашей литературе единственно сильным и плодотворным» (3, 6). Борьба за утверждение этого направления была неразрывно связана с отрицанием пошлой, мелкотравчатой, развлекательной беллетристики, пользовавшейся одобрением официальных кругов. Борьба эта имела свою историю и традиции. Критические мнения, которые анализировал Чернышевский, выполняли как бы роль подтекста в этой борьбе. Подтекст был полон скрытых смыслов, аналогий, полемических ходов. Старые мнения бросали ответ на споры пятидесятых годов, оправдывая известную мысль Гоголя: «в литературном мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как живые»⁵.

Впрочем, Сенковский, один из главных «персонажей» «Очерков», был еще жив, но его прозаические опыты и критические статьи, доставившие ему когда-то громкую славу, порядком позабылись, сохранилась разве что репутация «приз-

⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., М., Гослитиздат, 1939—1953, т. 3, с. 22. Далее все ссылки на это издание даются в тексте — с указанием тома и страницы.

⁵ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. М., Изд-во АН СССР, 1937—1952, т. 8, с. 172.

нанного шутника и остроумца»⁶. Спорить с Сенковским ради Сенковского не имело смысла. Однако спорить с некоторыми приемами его критики, с теми его суждениями, которые приобрели характер критических «формул», «шаблонов», «стереотипов», было насущной потребностью, и Чернышевский эту потребность ощутил.

Такой «формулой», требовавшей своего опровержения, была постоянно и целеустремленно использовавшаяся Сенковским литературная параллель Гоголь—Поль де Кок.

3

Чернышевский заметил, «что все, решительно все суждения о Гоголе заимствованы бароном Брамбеусом у Н. А. Полевого, — даже знаменитое сравнение Гоголя с Поль де Коком» (3, 73).

Деятельность издателя «Московского телеграфа» получила на страницах «Очерков» весьма сочувственную оценку. «Жестокие нападения на Гоголя» Чернышевский отнюдь не ставит Полевому в вину, но относит их «к числу» его «важнейших ошибок» (3, 28). Причина же ошибок Полевого в том, что «он никогда не мог выйти из круга понятий, разработанных французскими романтиками» и потому «не мог понимать Гоголя» (3, 28).

Разбирая суждения Полевого, Чернышевский выдвигает важный методологический принцип анализа литературных мнений: изучать их в неразрывной связи с той системой понятий, которая их питает. Так, «упреки» Полевого Гоголю были «логическим выводом» из его «системы убеждений» (3, 37).

Тот же принцип Чернышевский применяет и рассматривая литературную деятельность Сенковского. Сенковский — личность сложная, в какой-то степени трагическая. Чернышевский признает, что «писатель этот — человек замечательного ума» (3, 46), что «в словах его» о «своих противниках» «слышался голос журналиста, высказывающего свои мнения, а не раздраженного человека» (3, 50). Вместе с тем «дарования» его растрочены «совершенно понапрасну, без всякой пользы для литературы» (3, 44).

К какой же системе понятий принадлежали его мнения? Чем объясняются его нападки на Гоголя? Почему он заимствовал суждения о Гоголе у Полевого? Известно, что в критике Сенковского литературные параллели служили обычно средством полемики или дискредитации какого-либо писателя. Каким же полемическим заданием диктовалось устойчивое сближение имен Гоголя и популярного в те годы в России французского романиста?

⁶ В. Каверин. Барон Брамбеус. Л., «Наука», 1966, с. 206.

Наиболее «обстоятельно» смысл сопоставления Гоголя с Поль де Коком Сенковский раскрывает в рецензии на «Мертвые души». Рецензия эта построена в форме разговора самого Сенковского с «почтеннейшим читателем». Идет обсуждение особенностей романов Поль де Кока в сравнении с «Мертвыми душами». Сравняются «сюжеты», «герои», причем французскому писателю отдается явное предпочтение. Превосходство Поль де Кока обнаружено в том, что «герои» его «смешные оригиналы», «добряки, честные и чувствительные», «направление романа у Поль де Кока большею частию бывает нравственное»⁷.

Главный же вывод из сравнения делается такой: «Поль де Кок живет в старинной, огромной и опытной литературе, видит все ничтожество дел текучей словестности, всю суетность славы, добываемой второстепенными талантами, трудящимися в «низком и ничтожном» роде, и он знает свое место в чине писателей». Следовательно, и Гоголю как второстепенному писателю надо бы знать свое место и не пускаться «в эти смешные риторические тирады о своем литературном величии»⁸. Из плана «поэтики» сравнение переходит в план литературных «чинов». Обозначалась — и весьма недвусмысленно — роль Гоголя в литературном процессе. За привычным уже сопоставлением открывался круг литературных, этических, идеологических проблем.

«Нравственность» польдекоковских сочинений, на которую призывал равняться Гоголя Сенковский, была сродни нравственности болгаринских романов. Речь шла о той самой обиходной морали благонамеренных лицемеров, над которой издевался Пушкин: «что может быть нравственнее сочинений г. Булгарина? Из них мы ясно узнаем: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игре и тому под.»⁹. Именно с точки зрения этой морали осуждался Гоголь. И именно к этой морали пытались свести значение его произведений. Мораль эта — основа того самого «демократизма», который можно было бы назвать «демократизмом пошлости».

В чем же состоял идеологический смысл уподобления Гоголя Поль де Коку? Литература болгаринского толка настаивала на определенной концепции человека. В этом человеке вытравлено все личное, интимное, родовое. Чувства его выверены, а мысли проверены. Этот человек — благонамеренный гражданин, патриот (по выражению П. А. Вяземского, «квасной»), слуга царю и отечеству (отечество-царская вотчина).

⁷ «Библиотека для чтения», 1842, т. 53, отд. 6, с. 51.

⁸ Там же, с. 52.

⁹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Изд. 3-е. М., «Наука», 1964, т. 7. с. 250.

читит начальство, «не рассуждает», а исполняет, уважает «чины» (а потому и сам к ним стремится), примерный семьянин и—не без «грешков» («все мы не без греха»).

Нравственность же сочинений Гоголя — истинная нравственность — заключается не в описании «добродетелей» раскаявшегося плута, не в проповеди избитых «моральных» сентенций, а в обличении всего пошлого, косного, ложного, в отрицании существующих порядков. Гоголь, возбуждая «в читателе (...) тоску по идеалу изображением низкого и пошлого в жизни»¹⁰, создавал проникавшую в читательское сознание концепцию человека, недовольного современным обществом, смеющегося над «святыней», то есть над чиновничеством и духовным скудоумием «польдекоковского» человека.

Эту гоголевскую концепцию человека и отстаивала передовая критика, которая нашла убедительные для читателей способы борьбы с официальным толкованием сатиры Гоголя.

5

Белинский поступил так: он вернул Сенковскому (а заодно и другим критикам Гоголя) сравнение с Поль де Коком: «Г-н Гоголь был ими пожалован в Поль де Коки, ими, которые сами есть истинные Поль де Коки!»¹¹. Далее он объяснил, почему Поль де Кока уместнее будет сопоставлять не с Гоголем, а именно с Сенковским: «Характером своего таланта» Поль де Кок «очень напоминает русского Барона Брамбеуса. Это сходство особенно поразительно в описании смешных, т. е. «забавных» положений известного рода». Читателю давался практический совет сличить самому «все смешные сцены в романах Поль де Кока, например, с сценою в «Фантастических путешествиях», в которой герой этих путешествий проваливается сквозь Эту и вязнет... не помним в чем—справьтесь сами»¹². В Брамбеусе Белинский заметил сходство с Поль де Коком «по крайней мере со стороны цинизма, если не со стороны знания языка, таланта, сердечной теплоты»¹³. Тем самым ставилась под сомнение «нравственность» сочинений французского романиста, а вместе с тем «нравственность» его российских подражателей и «хвалителей».

Главное отличие Сенковского от Гоголя было увидено в характере самого юмора, в его направлении, в способе изображения действительности. У первого — «остроумие пустое, ничтожное, мелочное», «играющее словами», оно есть удел «великих людей на малые дела». У второго же —

¹⁰ В. Г. Белинский Полн. собр. соч., т. 8. М., Изд-во АН СССР, 1953—1955, с. 90.

¹¹ Там же, т. 1, с. 250.

¹² Там же, т. 4, с. 54—55.

¹³ Там же, т. 6, с. 361.

«остроумие, происходящее от умения видеть вещи в их настоящем виде, схватывать их характеристические черты», «оно смешит, но в этом смехе много горечи и горести»¹⁴.

Определив же существо и границы дарования Сенковского, Белинский обнаружил в его сочинениях сходство не только с Поль де Коком, но и Жаненом, автором «сатанинских романов и паяснических фельетонов»¹⁵. Причем Сенковскому надо было еще дотянуться до Жанена: «Жанен все-таки болтун остроумный»¹⁵.

6

На страницах «Очерков» Сенковский был назван «первым у нас подражателем Жюль Жанена»; отмечалось, что он «первый из литераторов, игравших заметную роль, начал подделываться под его слог» (3, 56).

В пятидесятые годы у Жанена появились и другие подражатели. По поводу сочинений этого писателя Чернышевский вел полемику и до «Очерков»¹⁷. Ведь необходимость разграничить истинную сатиру от юмористики определенного типа (за которой стояло и определенное отношение к жизненным ценностям) и в эти годы чувствовалась так же остро, как и во времена Белинского.

В «Очерках», опираясь на мнение Гоголя о Сенковском («О движении журнальной литературы...»), совпадающее — во многом почти дословно — с мнением Белинского, Чернышевский углубил сравнение Брамбеуса с популярным французским фельетонистом. Замечая, что «остроумие» статей Сенковского «очень однообразно» (3, 54), что «тон и слог» их «взяты были <...> из литературных фельетонов Жюль Жанена» (3, 56), Чернышевский указал на различие «между этими двумя рецензентами: несмотря на всю риторичность, всю натянутость изложения и постоянные усилия выдать дурное за хорошее и наоборот, у Жюль Жанена очень часто заметен эстетический вкус» (3, 57). Сенковский же «лишен вкуса», поэтому «для него не заметно различие между дурным и хорошим в художественном отношении» (3, 58).

Не имея «вкуса» (иными словами — какой-либо «системы убеждений»), Сенковский легко мог заимствовать суж-

¹⁴ Там же, т. 2, с. 136.

¹⁵ Там же, т. 6, с. 521.

¹⁶ Там же, с. 352.

¹⁷ «Главу французских фельетонистов Жюль-Жанена, превознесенного Дружининым и Панаевым (Новым Поэтом), Чернышевский назвал в одной из (...) рецензий «жалким писателем», а его фельетоны верхом «изысканности и надутости» (А. А. Демченко. Из истории полемики Н. Г. Чернышевского с А. В. Дружининым. В сб.: Н. Г. Чернышевский и др. Статьи, исследования и материалы. Вып. 4. Изд-во Сарат. ун-та, 1965, с. 91).

дения у других критиков. Однако не только отсутствием вкуса объясняются его нападки на Гоголя.

Еще Белинский обратил внимание, что в «бранчливых приговорах» Сенковского, «кроме безвкусыя и неведения, высказывается еще и худо скрываема я враждебность, какое-то ожесточение против таланта Гоголя»¹⁸.

Чернышевский попытался выяснить «особенные причины» (3, 65) такого ожесточения. Одну из «основательных» причин он увидел в том, что Сенковский «считал» Гоголя «как юмористического писателя, своим соперником» (3, 70). Привлекая для выяснения известный пушкинский отзыв о «Вечерах» («Как изумились мы русской книге, которая заставила нас смеяться, — мы, не смеявшиеся со времен фон-Визина!»), Чернышевский высказывает догадку, что этот отзыв мог вызвать недовольство Сенковского: «Гоголь поставлен прямым наследником фон-Визина, без оговорки, что юмористические статьи барона Брамбеуса также превосходны» (3, 72). Эта догадка заслуживает самого тщательного рассмотрения.

7

В фельетоне Сенковского «Незнакомка», написанном в 1832 году, когда Гоголь только вступал в литературу, разговор с читателями ведет «сама Сатира». «Сатира» здесь — маска Сенковского, такая же, как барон Брамбеус, Тютюнджи-Оглу и т. п.; об этом говорит и характеристика «духа сатиры». Это «дух резвый, веселый, игривый, насмешливый, с розовыми крыльями, с змеиным жалом, с язвительною улыбкою, злой как черт, легкий как бабочка, полезный как яд в сильных болезненных припарках»¹⁹. Похоже, что Сенковский занят подробным описанием вдохновителя собственной литературной манеры. Однако говорилось, что «дух сатиры рождается во всяком человеческом обществе», что он «ангел-хранитель» этого общества. К писателям же сатирикам Сенковский отнес Кантемира, Фонвизина, Капниста, Крылова, Грибоедова и... Булгарина, автора «Ивана Выжигина»²⁰. Продолжить ряд он предоставил читателям. Нетрудно понять, что продолжение это обозначено уже в самом фельетоне — пусть не прямо, но достаточно подчеркнуто.

Между тем именно в Гоголе Пушкин увидел продолжателя традиций русских сатириков. Белинский говорил о Гоголе как о главе сатирического направления. Направление это отныне становится «гоголевским направлением», и Сенковскому в нем места не было. Его имя не названо среди «пред-

¹⁸ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 7, с. 41.

¹⁹ Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). СПб, 1857, т. 1, с. 359.

²⁰ Там же, с. 361—365.

шественников» Гоголя «в том направлении содержания, которое называют сатирическим» (3,17) и в «Очерках».

Хотя «в отзывах барона Брамбеуса о Гоголе участвовало оскорбленное самолюбие» (3, 72), Чернышевский не признает в них никакого дурного умысла. Для него «нравственный характер» Сенковского «выше подозрений» (3, 75).

Но объективно, независимо от намерений Сенковского, смысл уподобления Гоголя Поль де Коку сводился к тому, чтобы «вывести» Гоголя из сатирического направления. Или же свести значение «гоголевского направления» к «нравственному» влиянию на общество, «нравственному» — в духе Булгарина и Поль де Кока. Кстати, эта версия совпадала и с официальной версией роли сатирического направления в русской литературе.

В решении цензурного комитета, рассматривавшего в 1843 году Собрание сочинений Гоголя, было записано: «Явились Горе от ума, Ревизор Гоголя, Мертвые души его же, множество повестей и романов Булгарина, Сенковского, Бегичева, Загоскина, Даля и проч., которые все с большею или меньшею силою, с большим или меньшим талантом устремлялись к одной цели изображать в разных условиях то, что несомненно с их назначением»²¹. Сочинения всех упомянутых авторов допускались «как одно из средств к нравственному совершенствованию и очищению общества»²².

В этом цензурском приговоре все любопытно: и то, что имена Грибоедова, Гоголя и Булгарина с Сенковским поставлены рядом, и то, что различие между ними увидено лишь в «силе» и «таланте», а цель литературной деятельности признана общей. И то, как изнутри подрываются слова о «нравственном совершенствовании и очищении общества»: Пушкин уже выяснил, что из себя представляет булгаринская «нравственность». Любопытно и другое: ведь цензор — тоже читатель! Ведь он высказывает не просто свое мнение, но и мнение определенной части публики, в которой официальная версия имела силу закона, нормы.

8

Сенковский сопоставлял не только Гоголя с Поль де Коком, но и «публики» этих писателей. Гоголевская публика, утверждал Сенковский, «жестоко пахнет дегтем» и стоит «еще одной ступенью ниже знаменитой публики Поль де Коковой»²³. И в другом месте: «От мелочной лавки до ученого кабинета, от лакейской до будоара, поискав хорошенько, везде найдете творения Поль де Кока, везде их ждут, читают и

²¹ Литературный музей (цензурные материалы 1 отд. 4 секции Гос. архивного фонда). Пг. 1921, т. I, с. 62.

²² Там же, с. 60.

²³ «Библиотека для чтения», 1836, т. 15, отд. 6, с. 3.

прячутся с ними. «Похождениям Чичикова» я предсказываю такой же успех»²⁴. Заметим, что и Сенковский, утверждая это, выражал не только свое мнение, но и мнение той публики, интересы которой он представлял в литературе.

Действительно, Белинский отмечал, что часть публики, «преусердно читая Гоголя, уверилась, что имеет в нем русского Поль де Кока»²⁵; что «в Петербурге сочинений Гоголя не любят и его как автора считают наравне с Поль де Коком за то, что верно копирует только низкую природу»²⁶. Но дело в том, что «идеалом юмориста»²⁷ у этой публики был не кто иной, как барон Брамбеус.

Говоря о «провинциальном остроумии»²⁸ Сенковского, Белинский подразумевал под этим его ориентацию на вкус «провинциальной» публики²⁹. Какими же свойствами обладала публика Сенковского?

Одним из главных ее свойств было то, что составляло неотъемлемую черту духовного провинциализма: неумение смеяться, непонимание комического. Белинский недаром сетовал: «у нас вообще смеяться не умеют и всего менее понимают «комическое». Его обыкновенно полагают в фарсе, в карикатуре, в преувеличении, в изображении низких и пошлых сторон жизни»³⁰. Далее, в публике этой «требуют слов, а не идей, детских споров за имена, а не объяснения значений этих имен»³¹. И еще одно суждение Белинского: «Имена в нашей литературе—то же, что чины в нашей общественной жизни, т. е. легкое внешнее средство оценивать человека»³². В этом последнем суждении—суть дела. Речь идет о привычке публики мыслить литературными именами (и литературными рядами!) так же как «стереотипами» иного порядка—социальными, политическими, нравственными и т. д.

Развивая мысли Белинского о популярности Сенковского в определенной части публики, Чернышевский дал—с помощью Гоголя—выразительный портрет читателя Брамбеуса: «Как легко было прослыть тогда остроумцем в известном кругу читателей, об одном из которых упоминает несравненный лейтенант Жевакин: «У нас в эскадре капитана Волдырева был мичман Петухов, Антон Иванович; тоже этак был веселого

²⁴ «Библиотека для чтения», 1842, т. 53, отд. 6, с. 53.

²⁵ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 8, с. 80.

²⁶ Там же, с. 558.

²⁷ Там же, т. 7, стр. 675.

²⁸ Там же, т. 2, стр. 40.

²⁹ Как верно уточнил В. Лакшин, «слово «провинция» надо отнести не только к географии, но и к уровню духовных потребностей. Сенковский умел приноровиться ко вкусам толпы, умел занять ее и развеять, а кстати, и польстить ее самолюбию». (В. Лакшин. Пути журнальные (Заметки о книгах по истории журналистики). — «Новый мир», 1967, № 8, с. 231).

³⁰ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 5, с. 566.

³¹ Там же, т. 8, с. 76.

³² Там же, т. 9, с. 672.

нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этак один па-лец—вдруг засмеется, ей-богу! и до самого вечера смеется» (3, 55). Что же получается? Сенковский, выражая мнение своей публики, сравнивает Гоголя с Поль де Коком. Публика же эта состоит из гоголевских героев, Петуховых. Причем мнение Чернышевского — не только полемический ход, но и точный исторический штрих.

В повести Гоголя «Невский проспект» говорится об обществе офицеров, к которому принадлежал Пирогов. Эти офицеры «любят потолковать о литературе; хвалят Булгарина, Пушкина и Греча»³³. Булгарин, Пушкин и Греч — то же самое по смыслу, что Гоголь и Поль де Кок. Читатели, в сознании которых живет первый ряд, могут допустить и существование второго. Образ читателя из гоголевских героев, выведенный Чернышевским, тянул за собой цепь других гоголевских образов, — пошлых людишек, занятых чинами и именами, не умеющих смеяться и нападающих на Гоголя за то, что он высмеял их самих.

9

Как замечал Белинский, «повести Гоголя изменили вкус публики»³⁴. Означало это, между прочим, и то, что если в начале тридцатых годов «большая часть публики» предпочитала Сенковского Гоголю, то, «когда этому прошло с лишком десять лет, большинство и меньшинство публики совершенно переменялось в отношении к этим писателям»³⁵.

Этот же факт был отмечен и Чернышевским: «удивление барону Брамбеусу как «отличнейшему юмористу», сначала очень сильное в известном кружке читателей, с каждым годом ослабевало, а слава Гоголя быстро увеличивалась» (3, 72).

Почему же суждения барона Брамбеуса о Гоголе «не произвели на публику ровно никакого влияния» (3, 74)? В его деятельности не заметно было серьезных, глубоких убеждений, «тех возвышенных целей, без стремления к которым нельзя писателю достигнуть истинной славы» (3, 74). Публика шла в своем развитии к Гоголю, а Сенковский вел ее назад, к гоголевским героям, к их понятиям о жизни и литературе. «Мало уже нынче Петуховых, Антонов Ивановичей!» (3, 55), — писал Чернышевский. Неизбежно теряя свою публику, Сенковский тем самым был обречен на забвение; деятельность его оказалась бесплодной.

Произведения Гоголя создавали новую читательскую публику, в которую вошли «интеллигент-учитель, доктор, сту-

³³ Н. В. Гоголь, т. 3, с. 35.

³⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 8, с. 419.

³⁵ Там же, т. 9 с. 409—410.

дент», предъявлявшие «спрос» на книги определенного содержания, что вызывало, в свою очередь, «предложение в литературе»³⁶.

Своей критической деятельностью Белинский помогал Гоголю завоевывать публику. Но «после 1847 года (то есть после смерти Белинского — В. К.) русская критика... уже не шла впереди общественного мнения». (З, 135). В том, что «критика дурно исполняет свое дело», Чернышевский обвиняет читателей: «Ведь критика должна опираться на публику и совершенно зависит от настойчивых ее гребований» (З, 306). Между тем публика пятидесятых годов оставила литературу «без нравственной поддержки, на произвол случайных обстоятельств» (З, 307). Мысли о публике не случайно итожат предпринятый Чернышевским обзор мнений о Гоголе: «толки» «против так называемого отрицательного направления» (З, 292) не умолкали, более того, набирали силу, вновь и вновь проникали в читательскую среду³⁷.

10

Современному исследователю так представляется «диалектика концепции Чернышевского» в «Очерках»: «через развитие традиций Гоголя — к их преодолению на путях реализма»³⁸. В этом суждении допущена характерная неточность.

Обильно цитируя Полевого, Сенковского, Белинского и других критиков тридцатых-сороковых годов, Чернышевский напоминал читателям уроки борьбы за Гоголя. Он указывал истоки враждебного отношения к Гоголю; обращал внимание на характер истолкования его творчества, на то, что в «устах людей, повторяющих ныне» старые мнения о Гоголе, мнения эти «лишены всякого основания, всякого смысла» (З, 37), потому что они принадлежат к отжившей системе понятий.

Борьба против «гоголевского направления» видоизменялась, приобретала иные формы; в пятидесятые годы «гоголевскому направлению» стали противопоставлять «пушкинское». Но суть борьбы — и Чернышевский доказывал это всем ходом своих рассуждений — оставалась прежней: против изображения определенных сторон жизни, против литературы, служащей общественным интересам.

«Гоголевское направление», полагает Чернышевский, по-прежнему единственно верное, отвечающее задачам разви-

³⁶ М. Н. Куфаев. История русской книги в XIX веке. Л., 1927, с. 141.

³⁷ В заключительных отзывах Чернышевского о публике «угадывается грустно-тревожное чувство критика-максималиста, сознающего дистанцию между идеальными представлениями о публике и современным ее состоянием (...).» (В. В. Прозоров. Н. Г. Чернышевский о «власти публики в литературных делах», с. 57).

³⁸ М. Г. Зельдович. Чернышевский и проблемы критики, с. 42.

тия литературы. Поэтому именно Гоголь и мнения критики о его творчестве — в центре внимания автора «Очерков». Но и творчество Гоголя уже не целиком удовлетворяет Чернышевского. В произведениях некоторых писателей, появившихся после Гоголя, Чернышевский увидел «залог более полного и удовлетворительного развития идей, которые Гоголь обнимал только с одной стороны, не сознавая их сцепления, их причин и следствий» (3, 10). Речь идет не о «преодолении» гоголевских традиций, но о другом.

Со времени появления первых гоголевских произведений характер литературного процесса существенно изменился. Все большую роль в нем начинает играть публика, которая не осознала пока еще своей силы. Между тем именно от того, как выразятся ее желания, кого она поддержит, за кем пойдет, зависит «дальнейшее развитие литературы» (3, 304). Поэтому публике отводится столь важное место в историко-литературной концепции Чернышевского.

Диалектика же этой концепции такова: литература должна, находя сознательную поддержку в критике и публике и сохранив свойственный творчеству Гоголя критический пафос, так глубоко войти в изучение общества, чтобы понять и сознательно объяснить причины его теперешнего положения.

Чернышевский и Достоевский о принципах литературной критики

1

В последнее время усилиями советских ученых достигнуты серьезные успехи в изучении эстетики Достоевского. Значение исследований В. Я. Кирпотина¹, Б. С. Мейлаха², В. С. Нечаевой³, Г. М. Фридлендера⁴ заключается в том, что эстетические воззрения Достоевского рассмотрены в них на широком литературно-общественном фоне эпохи и — что самое главное — в соотношении не только с концепциями сторонников «чистого» или «аристического искусства», но и эстетикой революционных демократов.

Опровергнут, таким образом, распространенный в течение долгих лет «тезис о Достоевском — стороннике кантовской идеи «незаинтересованного созерцания», защитнике теории «чистого» искусства в борьбе с «утилитаризмом» революционно-демократической и народнической критики⁵. Определены линии соприкосновения литературно-эстетических взглядов Достоевского с теорией искусства Чернышевского и Добролюбова.

В то же время остается еще невыясненным важнейший и связанный с эстетикой Достоевского вопрос о методе и критериях литературной критики, как он понимался писателем

¹ В. Кирпотин. Достоевский в шестидесятые годы. М., «Художественная литература», 1966.

² Б. Мейлах. Талант писателя и процессы творчества. Л., «Советский писатель», 1969.

³ В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», 1861—1863, М., «Наука», 1972.

⁴ Г. М. Фридлендер. Эстетика Достоевского.—В сб.: «Достоевский — художник и мыслитель». М., «Художественная литература», 1972.

⁵ Г. М. Фридлендер. Наука о Достоевском сегодня. (Спорные вопросы. Искания. Проблемы). — «Русская литература», 1971, № 3, с. 8.

в 60-е годы⁶. Известно, что литературно-критические выступления Достоевского относились еще к 40-м годам, но тогда они носили разрозненный, несистематический характер. Теоретическое осознание значения литературной критики, критериев оценки художественных произведений происходит у Достоевского в 60-е годы, когда в пору издания «Времени» и «Эпохи» необходимо было определить литературно-критическое направление этих журналов и когда сам писатель активно заявил о себе как о критике.

«Критика пошлеет и мельчает»⁷, — констатировал Достоевский в объявлении о подписке на журнал «Время» (1861, № 1), оценивая состояние литературной критики после смерти Белинского. Исключением являлась для него «реальная критика» «Современника», т. е. критика Чернышевского и Добролюбова. Каковы исходные принципы литературно-критического анализа Достоевского в 60-е годы? Как соотносятся они с критериями «реальной критики»? В чем общность и различие теории критики Достоевского, с одной стороны, и Чернышевского и Добролюбова, с другой? Ответы на эти вопросы позволят выявить значение «реальной критики» в формировании «метода» критики Достоевского, тем самым уточнить его роль в литературно-критической борьбе 60-х годов.

До появления самого термина и концепции «реальной критики» Добролюбова основные принципы ее были выдвинуты Чернышевским в статье «Об искренности в критике» (1854), а затем в «Очерках гоголевского периода» (1855 — 1856). В центре внимания Чернышевского — определение сущности и целей литературной критики, критериев эстетической ценности художественных произведений, проблема творческой индивидуальности («искренности») критика. Эти же проблемы были коренными и для Достоевского.

2

«Критика есть суждение о достоинствах и недостатках какого-нибудь литературного произведения, — писал Чернышевский. — Ее значение — служить выражением мнения лучшей части публики и содействовать дальнейшему распространению его в массе»⁸. Тезис об общественном назначении

⁶ Отдельные наблюдения на эту тему содержатся в кн.: В. С. Нечаева. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», 1861—1863. М., «Наука», 1972.

⁷ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. художественных произведений, т. XIII. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. М.—Л., Гослит, 1930, стр. 500. В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.

⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. II, М., 1949, с. 254.

В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию.

критики, призванной разъяснить «людям, не привыкшим сосредоточивать своих мыслей на литературе», «характер» произведений искусства, лежит и в основе критики Добролюбова. Именно такое гражданское понимание роли литературной критики отстаивал в свою очередь Достоевский. «Искусство помогает сильным и могущественным образом человеческому развитию, действуя на человека пластично и образно, — утверждал он в статье «Рассказы Н. В. Успенского» (1861). — Но критика так же естественна и такую же имеет законную роль в деле развития человеческого, как искусство. Она сознательно разбирает то, что искусство представляет нам только в образах. В критике выражается вся сила, весь сок общественных выводов и убеждений в данный момент» (XIII, 551).

Существенно при этом то обстоятельство, что Достоевский, как и сторонники «реальной критики», был убежден в необходимости органической связи эстетических и публицистических начал в литературном анализе. Здесь обнаруживается принципиальное отличие мысли Достоевского от воззрений, например, сотрудника журнала «Время» А. Григорьева. По словам Достоевского, последний говорил о себе: «Я критик, а не публицист». Не соглашаясь с противопоставлением критики и публицистики, Достоевский писал в «Примечании» к статье Н. Страхова «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве»: «Всякий критик должен быть публицистом, в том смысле, что обязанность всякого критика — не только иметь твердые убеждения, но уметь и проводить свои убеждения. А эта-то уместность проводить свои убеждения и есть главнейшая суть всякого публициста» (XIII, 353). Признание публицистической критики, говорящей о насущных вопросах жизни на примере произведений, в которых ставится важная общественная мысль даже «в весьма недостаточной или ошибочной форме», содержится и в редакционном введении к отделу журнала «Время» «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой» (1861, март).

В концепции Чернышевского и Добролюбова проблема публицистичности критики тесно связана с осознанием роли творческой индивидуальности критика в процессе познания и разъяснения литературы. Отвергая попытку Гегеля подвести «все человеческие стремления под абсолют», Чернышевский выдвигал на первый план субъективный фактор в искусстве, создавал учение о «приговоре» художника действительности, о необходимости включения в искусство авторской эстетической оценки явлений жизни, отображенных в нем. Антропологическая теория познания распространялась Чернышевским и на литературную критику. Устанавливая диалектическую связь субъективных и объективных начал в критическом анализе искусства, Чернышевский акцентировал внимание на роли субъекта, т. е. личности критика, его убеждений, темпера-

раamenta, литературно-общественных пристрастий и антипатий. Уже в статье «Об искренности в критике» Чернышевский ратовал за «живую критику, которую <...> может писать только живой человек, т. е. способный проникаться и энтузиазмом, и сильным негодованием» (II, 255). Понятие «искренность в критике» означало защиту творческой индивидуальности истолкователя и судьи литературных произведений, неповторимой личности критика, обнаруживающей ее и в его системе мыслей, и в его «манере писать». Впоследствии Добролюбов энергично обосновывал право критика сосредоточиться не только на осмыслении «экстракта писателя», но и изложить «свои собственные соображения о причинах, породивших» того или иного литературного героя⁹.

Антропологическую концепцию искусства во многом разделял и Достоевский. «Творчество, — писал он в статье «Г.-бов и вопрос об искусстве» (1861), — основание всякого искусства, живет в человеке, как проявление части его организма, но живет нераздельно с человеком. А следственно, творчество и не может иметь других стремлений, кроме тех, к которым стремится весь человек» (XIII, 94). Как для Чернышевского и Добролюбова, авторское субъективное начало в литературе было в глазах Достоевского непременным признаком ее художественного и нравственного смысла. Достоевский писал: «В поэзии нужна страсть, нужна ваша идея и непременно указующий перст, страстно поднятый. Безразличное же и реальное воспроизведение действительности ровно ничего не стоит, а главное — ничего и не значит. Такая художественность нелепа: простой, но чуть-чуть наблюдательный взгляд гораздо более заметит в действительности».

Переходя к литературной критике, Достоевский выдвигал проблему творческой индивидуальности критика, теоретически узаконивал его право на самостоятельную роль в развитии духовной жизни общества. Писатель отвергал «бездарную и тупую мысль рабского и пассивного принижения перед матерьялом», т. е. авторской концепцией художественного произведения, полагая, что литературный критик должен «не только иметь твердые убеждения, но уметь и проводить их». Примечательна в этом отношении высокая оценка Достоевским «литературного таланта Г.-бова» — Добролюбова, его публицистической «страстности»: «В его таланте есть сила, происходящая от убеждения» (XIII, 73). В том же духе Достоевский отзывался и о Чернышевском, когда противопоставлял «ум и талант» «коновонов» «Современника» эпигонской критике Антоновича¹⁰.

Проблема творческой личности критика, тесно связанная

⁹ Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в девяти томах, т. 5, М.—Л., «Художественная литература», 1962, с. 20.

¹⁰ «Литературное наследство», т. 83, «Неизданный Достоевский». М., «Наука», 1971, с. 277.

в статьях Достоевского с вопросом об отношении к принципам «реальной критики» 60-х гг., включает и характеристику критериев литературного анализа Белинского¹¹. Здесь высказывания Достоевского объективно соотносятся с суждениями Чернышевского и Добролюбова о литературной деятельности Белинского.

Для Достоевского Белинский — ближайший предшественник «реальной критики», относящийся к «людям мысли и убеждений, отстаивавшим свои убеждения честно и смело и заставившим уважать себя» (XIII, 525; 199). С такой положительной оценкой Белинского, на первый взгляд, совпадали и мнения других сотрудников «Времени» — А. Григорьева и Н. Страхова. Но в действительности дело обстояло намного сложнее.

А. Григорьев, видевший в Белинском в 60-е годы «бесстрашного бойца за правду», считал важнейшим признаком его критики «яркое и истинно поэтическое понимание»¹². Критерий эстетической ценности художественного произведения как самый главный для Белинского А. Григорьев противопоставлял принципам критики Чернышевского, «обратившего искусство в орудие готовой теории». Имея в виду Чернышевского, А. Григорьев писал, что здесь «критика мешается не в свою область, оставляя области ей свойственные, историю мораль, политическую экономию и статистику, государственное право и психологию»¹³.

В то же время «историческая критика» Белинского рассматривается в статьях А. Григорьева в ряду, подготовившем появление критики «теоретиков» шестидесятых годов именно потому, что она «историческая». Изъян, «болезнь» исторической критики заключался, по А. Григорьеву, в «отсутствии прочного, не условного идеала», в признании «всякой минуты мировой жизни переходною формою к другой»¹⁴.

Нарушение диалектики общечеловеческого и социально-исторического привело А. Григорьева к противоречиям в истолковании исторического прогресса и задач литературы, соотношения критериев историзма и «вечности» в оценке художественных произведений. Так оказалось не понято важнейшее завоевание критики Белинского: исторический подход к искусству, осознание его движения, развития.

Между тем мнение о Белинском как о «низвергателе авто-

¹¹ О Достоевском и Белинском содержательно писал В. Я. Кирпотин в книге «Достоевский и Белинский» (М., 1960). Исследователь рассматривает преимущественно общественно-философские и литературно-теоретические воззрения писателя и критика в их эволюции. Отношение Достоевского к методу литературно-критического анализа Белинского оказалось вне поля зрения ученого.

¹² А. Григорьев. Литературная критика. М., «Художественная литература», 1967, с. 158.

¹³ Там же, с. 117.

¹⁴ Там же, с. 130.

ритетов» в литературе было подхвачено в 60-е годы «Отечественными записками», в частности С. Дудышкиным, «Русским вестником», в лице Каткова.

Достоевский защищает Белинского от нападок журналистики тех лет. В отличие от А. Григорьева он ценит в статьях Белинского последовательно применяемый критерий историзма в анализе литературных явлений как основу его литературного метода. В полемике с «Отечественными записками» Достоевский разъяснил свою мысль так: «Отечественные записки» ставят себе в особенную заслугу, что после Белинского критика приняла у них характер по преимуществу исторический и что Белинский, который низвергал авторитеты и занимался Жорж Зандом <...>, едва прикоснулся к исторической части русской литературы. Во-первых, это несправедливо, а если бы и было справедливо, то в двух страницах Белинского (издание сочинений которого приводится к окончанию) сказано больше об исторической же части русской литературы, чем во всей деятельности «Отечественных записок» с 48 года до наших времен» (XIII, 62—63). «Вы желчно завидуете Белинскому и несколько раз намекали, что он невежда и крикун», — иронизировал Достоевский над «Русским вестником» (XIII, 202).

Выделяя принцип историзма Белинского, сказавшийся и в его историко-литературной концепции, и в подходе к текущим явлениям искусства, Достоевский оказался солидарен с Чернышевским, который в «Очерках гоголевского периода русской литературы» подчеркнул ценность этого же критерия критики 40-х гг. в полемике с теми, кто обвинял Белинского в «шаткости мнений». Чернышевский связал «диалектический метод мышления» критика с усвоением им плодотворных тенденций гегелевской философии. Именно здесь коренной пункт расхождения Чернышевского с А. Григорьевым, например, отрицавшим гегелевское историческое воззрение за отсутствие «вечного» неизменного идеала.

Чернышевский вменял в заслугу Белинскому и «реальной критике» единство исторического и эстетического начал в анализе. В статье «Об искренности в критике», в «Очерках гоголевского периода» он писал о том, что «Современник» понимает последовательность «как верность своим эстетическим требованиям». Смысл этих «требований» сводился к мысли о необходимости прежде всего «содержания, здорового взгляда на жизнь как существенных достоинств литературного произведения», «вения в книге того субъективного начала, из которого возникает «содержание» (II, 255, 260). Но, ориентируя критику на истолкование содержания в первую очередь, Чернышевский исходил в данном случае из посылки о возможности разрыва «мысли» и «художественности», что он доказывал на примере «превосходной в художественном отношении», но «пустой», «жалкой и вредной по содержанию, по направле-

нию» поэмы Гете «Герман и Доротея», а также пьес Островского «Бедность не порок» и «Свои люди — сочтемся».

Свой тезис Чернышевский считал лишь развитием воззрения Белинского, «без околичностей», говорившего о произведениях с «фальшивой идеею», «что в них нет ничего хорошего» (II, 256).

Здесь Чернышевский в какой-то степени нарушал диалектический принцип единства тенденциозности и художественности в искусстве, тот принцип, который сам же он выдвигал как теоретическую основу «реальной критики».

Водораздел между Достоевским и «реальной критикой» 60-х годов определялся несовпадением их эстетических представлений в этом пункте. В статье «Г-бов и вопрос об искусстве» и в других выступлениях 60—70-х гг. Достоевский утверждал органический синтез «хорошего направления» и эстетического смысла литературы. Обращаясь к «реальной критике», он писал: «Художественность есть самый лучший, самый бесспорный и наиболее понятный для массы способ представления в образах именно того самого дела, о котором вы хлопчете» (XIII, 85). Достоевский нащупал уязвимое звено в суждениях «реальной критики». Но, чрезмерно утрируя и даже «выпрямляя» ее выводы, он оказался непоследовательным, когда объявил Белинского ответственным за «ошибки» шестидесятников. Так, в редакционном примечании, принадлежащем Достоевскому, к статье Д. Аверкиева об А. Григорьеве после слов автора: «Теория «полезного» искусства не в силах объяснить высших проявлений искусства, она их устраняет, не хочет знать» — следовали такие строки: «Она должна их устранить, чтоб быть логичною и с собой согласною — если б даже того и не хотела, если б сама натура критика лично вооружалась против того всею своею жизненностию. Пример, — Белинский в последние годы своей деятельности»¹⁵.

И все-таки трактовка деятельности Белинского конца сороковых годов в статьях Достоевского отличалась большей сложностью и диалектичностью, нежели точка зрения Н. Стрехова, например. Н. Стрехов прямолинейно отделял публицистические и эстетические начала в разборах Белинского: «В последние годы его критика вдалась в односторонность и потеряла чуткость, которою отличалась прежде»¹⁶. За внешним сходством определений Достоевского и Н. Стрехова скрывается серьезное различие. Оно заключалось прежде всего в том, что Достоевский не отвергал публицистических целей литературной критики. В этой связи редактор «Времени» признавал, хотя и с оговорками, актуальность и прогрессивность «свистящего направления «Современника»», «сурово-честного убежде-

¹⁵ «Эпоха», 1864, № 8. Ср.: Достоевский, т. XIII, 577.

¹⁶ Н. Стрехов. «Отцы и дети» И. Тургенева. — «Время», 1862, № 4, отд. «Критическое обозрение», с. 51—52.

ния» тех, кого в 60-е гг. реакционная журналистика презрительно именовала «мальчишками и крикунами» (XIII, 202 и др.). В тех же статьях, в которых Достоевский в начале 60-х гг., полемизируя с «Русским вестником», защищал «реальную критику», он вступился и за Белинского, переадресовав его врагам желчную формулу «крикун». «Русский вестник» «осклабляется при нашем слове о «величии Белинского»,—гневно писал Достоевский в 1861 году (XIII, 199). Н. Страхов вспоминал, что именно в ту пору Федор Михайлович сделал приписку к его статье «Нечто о полемике» («Время», 1861, август) о «похвале свисту вообще и Вольтера в частности»: эта вставка «нарушает тон статьи и выражает вовсе не мои вкусы» (XIII, 571). Сказав об исторической необходимости отрицания просветителей, Достоевский тем самым заявил о своем, ином, чем у Страхова, отношении к «реальной критике» «Современника» и косвенно к Белинскому.

Впоследствии, в 70-е годы, Достоевский резко противопоставил «искренность и увлечение честного критика» Белинского уклончивости Н. Страхова, который «в статьях своих говорил обиняком, по поводу, кружил кругом, не касаясь сердцевины»¹⁷.

Общность в теоретическом обосновании субъективного фактора в критике в известной мере определила близость позиций Достоевского и Чернышевского в частных вопросах, например, в отношении к литературной полемике. Чернышевский полагал, что «дельная критика» развивается в атмосфере споров, «преследования пустых произведений и, сколько возможно, обличения внутренней ничтожности и разладицы произведений с ложным содержанием» (II, 262). Чернышевский добавлял при этом, что критика, заботящаяся о «развитии и очищении вкуса в большинстве читателей», должна в особенности обращать внимание на «достоинства и даже (о, ужас!) недостатки литературных произведений, украшенных более или менее известными именами» (II, 245).

В полемике, в борьбе с «литературными странностями нашего времени» видел одну из задач художественной критики и Достоевский, о чем он писал в объявлении о подписке на журнал «Время» (1861, № 1): «Обходя молчанием все посредственное, если оно не вредно, «Время» будет следить за всеми сколько-нибудь важными явлениями литературы, останавливать внимание на резко выдающихся фактах, как положительных, так и отрицательных, и без всякой уклончивости обличать бездарность, злонамеренность, ложные увлечения, неуместную

¹⁷ «Литературное наследство». «Неизданный Достоевский», т. 83, с. 619. Иронизируя над «обильным надменным многословием» критики 70-х гг., Достоевский заметил: «В старину по крайней мере писали так, что читать можно было, — ну, Белинский, например, а ведь нынче иной, чтоб только самую крохотную мысленочку провести, целый воз сена привезет сначала». — Там же, с. 620.

гордость и литературный аристократизм, где бы они ни являлись» (XIII, 500—501).

Не случайно Чернышевский сочувственно откликнулся на появление первого номера журнала «Время». Критик понимал различие общественно-политических ориентаций «Современника» и «Времени», но приветствовал направление нового журнала, «достойное симпатии», увидел в нем «представителя честного и независимого мнения»¹⁸.

Таким образом, сходство и различие эстетических позиций Чернышевского и Достоевского определили некоторую общность в их понимании сущности метода и задач литературной критики. Критерии «истинной критики», начало которой и Чернышевский и Достоевский связывали с литературной деятельностью Белинского, осознавались ими как основа их собственных критических выступлений. Достоевский сближался с Чернышевским не только в признании просветительского, общественного смысла критики, значения публицистического начала в анализе искусства, но и в выделении могущественной роли личности критика. Постановка проблемы творческой индивидуальности критика во многом обуславливалась известным сходством антропологических представлений Чернышевского и Достоевского об историческом прогрессе и нравственных задачах литературы. Мысль Достоевского развивалась при этом в том же направлении, в каком шли раздумья Чернышевского, стремившегося преодолеть ограниченность антропологического взгляда на искусство, найти диалектическую связь между общечеловеческим и конкретно-историческим в общественных и художественных явлениях. Это обстоятельство объясняет глубину и сложность суждений Достоевского (что отнюдь не отменяет их противоречивости) о критериях литературного метода Белинского по сравнению с высказываниями о нем «почвеннических» критиков А. Григорьева и Н. Страхова. Небезытересно было бы проследить, как и насколько реализовались теоретические суждения Достоевского о литературной критике в его конкретных разборах художественных произведений. Но эта задача — предмет специального исследования.

¹⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, 1950, с. 949—956.

Чернышевский о любовной лирике Некрасова

Широко известна многократная и очень высокая оценка Чернышевским поэзии Некрасова. В разное время критик писал о Некрасове, в том числе и самому поэту, что он «одарен талантом первоклассным, вроде Пушкина, Лермонтова и Кольцова»¹; что он «на публику» имеет «влияние не менее сильное, нежели кто-нибудь после Гоголя»; что он «гениальнейший и благороднейший из всех русских поэтов» (XV, 88) и т. д.

Существует множество работ на тему «Чернышевский о Некрасове», среди них и те, где речь идет об отношении Чернышевского к интимной лирике поэта². Однако до сих пор не исследована специально сама природа очень заинтересованного, горячего отношения Чернышевского к этому роду поэзии

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., в 15-ти тт. М., Гослитиздат, 1939—1953. Т. XIV, с. 315. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

² В. Жданов и А. Лаврецкий. Революционные демократы и поэзия Некрасова. — «Литературный критик», 1938, № 2, с. 74—93; А. М. Гаркави. Поэзия Н. А. Некрасова в годы «мрачного семилетия» (1848—1855). — Ученые записки Калининградского пед. ин-та, вып. 2, 1956, с. 25—57; И. А. Битюгова. Н. Г. Чернышевский о Н. А. Некрасове. — В кн.: И. А. Битюгова. К творческому портрету Н. А. Некрасова и А. П. Чехова. Сталинир. Госиздат Юго-Осетии, 1959, с. 5—77; Б. О. Корман. Лирика Н. А. Некрасова. Изд-во Воронежского ун-та, 1964; он же. Лирическая система Некрасова. — В сб.: Н. А. Некрасов и русская литература. М., «Наука», 1971, с. 81—129; Н. Н. Скотов. Об интимной лирике Н. А. Некрасова и Н. А. Добролюбова. — В кн.: Историко-литературный сборник. Статьи и сообщения. Уч. записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 321, 1967, с. 106—121; он же. Некрасов и Тютчев. — В сб.: Н. А. Некрасов и русская литература. М., «Наука», 1971, с. 224—265. Гр. Тамарченко. Н. А. Некрасов и Н. Г. Чернышевский. — «Нева», 1971, № 12, с. 178—187 и др.

Некрасова, в частности к его известному любовному циклу стихов, связанному с именем А. Я. Панаевой³.

Действительно, Чернышевский различал два жанрово-тематических ряда стихов Некрасова, которые определяются, по мнению критика, «двумя потребностями» «натуры» поэта: «одна (потребность— Б. Л.) выражается пьесой «Давно, отвергнутый тобою...» и некоторыми другими; другая — большей частью» его «пьес» (XIV, 314). То есть Чернышевский различал у Некрасова «пьесы с тенденцией» — собственно «гражданское» творчество поэта и «пьесы без тенденции» — его любовную лирику⁴. Он, как известно, писал Некрасову: «Пушкин, Лермонтов, Кольцов как лирики не могут идти в сравнение с Вами. Не думайте, что я увлекаюсь в этом суждении Вашею тенденцией, — тенденция может быть хороша, а талант слаб, я это знаю не хуже других,—притом же, я вовсе не исключительный поклонник тенденции, — это так кажется только потому, что я человек крайних мнений и нахожу иногда нужным защищать их против людей, не имеющих ровно никакого образа мыслей. Но я сам по опыту знаю, что убеждения не составляют еще всего в жизни — потребности сердца существуют, и в жизни сердца истинное горе или истинная радость для каждого из нас. Это и я знаю по опыту, знаю лучше других. Убеждения занимают наш ум только тогда, когда отдыхает сердце от своего горя или радости. Скажу даже, что лично для меня личные мои дела имеют более значения, нежели все мировые вопросы — не от мировых вопросов люди топчутся, стреляются, делаются пьяницами, я испытал это и знаю, что поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли,—лично для меня первая привлекательнее последней, и потому, например, лично на меня Ваши пьесы без тенденции производят сильнейшее впечатление, нежели пьесы с тенденцией.

Когда из мрака заблужденье...

Давно отвергнутый тобою...

Я посетил твое кладбище...

Ах, ты, страсть роковая, бесплодная...

и т.п. буквально заставляют меня рыдать, чего не в состоянии сделать никакая тенденция. Я пустился в откровенности, — но только затем, чтобы сказать Вам, что я смотрю (лично я) на поэзию вовсе не исключительно с политической точки зрения.

³ Вряд ли можно теперь удовлетворить ставшее привычным мнение о том, что любовная лирика Некрасова потому так глубоко трогала Чернышевского, что в ней впервые было дано социальное объяснение чувств, психологии и характера «нового» человека, разночинца.

⁴ Определение «гражданская» поэзия здесь дано условно: имеется в виду основное творчество Некрасова с явно выраженной социально-политической тематикой. См. о неточности использования термина «гражданская» поэзия: И. Г. Ямпольский. Поэзия шестидесятых годов. — В кн.: История русской литературы. Т. VIII, ч. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, с. 10.

Напротив, — политика только насильно врывается в мое сердце, которое <...> хотело бы жить не ею» (XIV, 322—323).

Мы намеренно привели столь обширную выдержку из письма Чернышевского, потому что здесь, несмотря на известную заостренность, свойственную Чернышевскому при защите его «крайних мнений», больше, чем где-либо, раскрываются существеннейшие стороны и в оценке критиком поэзии Некрасова, и в облике самого ценителя. Чаще всего даже и теперь Чернышевский воспринимается только как революционер, публицист; если как литературный критик, то недооценивавший поэзию или судящий о ней односторонне, если как человеческая личность, то как «ригорист», вроде его Рахметова или вроде несколько смягченного, но все же однопланового Волгина.

Однако еще А. В. Луначарский, как известно, в целях реабилитации «человечности», эмоциональности Чернышевского, способного жить не только умом, но и сердцем⁵, привел это признание Чернышевского⁶. И здесь, действительно, раскрывается сложность характера Чернышевского (да и не только его, но, быть может, и других «шестидесятников», «новых» людей), самоотверженно, но свободно — по органичной ему потребности — отдавшего себя политической борьбе в ущерб «жизни сердца» — другой, естественной для человека, всегда живущей в Чернышевском и ощущаемой им в себе стихии⁷. Но к этому мы еще вернемся.

Какова же природа и в чем истоки именно такой оценки Чернышевским любовной лирики Некрасова?

Как справедливо заметил еще В. В. Гиппиус, вопреки установившемуся мнению, что Чернышевский не понимал и отрицал лирическую поэзию, последний в своих отношениях к поэтическому искусству «является лишь представителем» натуралистической (т. е. реалистической — Б. Л.) поэтики, а отнюдь не отрицателем и разрушителем», что Чернышевский вообще не участвовал в «походе против стихов», начавшемся в

⁵ Чернышевский «был по преимуществу эмоциональной, чувственной натурой, тем, что можно назвать — сердечный человек. Он был человеком больших страстей <...>, страстной влюбленности в живую жизнь, в реальные события интимной, даже личной жизни» (А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8-ми тт. М., «Художественная литература», 1963—1967, т. 7, с. 546).

⁶ Там же, с. 551.

⁷ Об этом отношении Добролюбова см.: Н. Н. Скатов. Об интимной лирике Н. А. Некрасова и Н. А. Добролюбова. — В кн.: Историко-литературный сборник. Статьи и сообщения. — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 321, 1967, с. 106—120. Здесь, быть может, уместно будет отметить, что в обширной литературе о Чернышевском нет монографической работы, которая воссоздала бы его социально-психологический портрет — личности, представляющей интерес по своей характерной принадлежности к определенной историко-культурной эпохе, к определенному социальному типу, ею рожденному.

критике во второй половине 40-х гг.⁸, что «стиховая форма не только не отрицалась Чернышевским, но и пользовалась его расположением»⁹ и что он «неоднократно рецензирует стихотворцев»¹⁰, несмотря на то, добавим, что основная направленность публицистики (и в том числе литературной критики) Чернышевского была по требованию времени, конечно, в стороне от собственно поэзии.

Критическим обзорам Чернышевского подвергаются стихотворения Кольцова, Огарева¹¹, Некрасова, Щербины, Никитина, Ростопчиной, Бенедиктова, он пишет работы о Пушкине и впоследствии, утвердив в русской литературе жанр просветительского публицистического романа, вводит в его текст для раскрытия внутреннего, эмоционального мира «нового» человека многочисленные цитаты из лирики Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Фета, Тютчева.

Важным является и то, что в своих суждениях о достоинстве поэзии Чернышевский останавливается не только на идейном содержании — «его критические мнения не сводятся к публицистике»¹². Никитин, Ростопчина, Бенедиктов были резко осуждены Чернышевским как плохие поэты (III, 467, 497, 610). С другой стороны, несмотря на то, что тематика лирики Фета не удовлетворяла Чернышевского (Фет пишет «пустяки»¹³ — XIV, 314), он оценил в Фете «однако же хорошего поэта» (XIV, 314), поэтический талант (IV, 508), о чем писал и позже: «г. Фет <...> после <Некрасова> даровитейший из нынешних наших лирических поэтов», «кто не любит его, тот не имеет поэтического чувства» (XII, 695).

Не случайно и такое сетование Чернышевского: «Давно мы не встречали в наших журналах таких стихотворений, кото-

⁸ В. В. Гиппиус. Чернышевский — стиховед. — В кн.: В. В. Гиппиус. От Пушкина до Блока. М.—Л., «Наука», 1966, с. 278—279.

⁹ Там же, с. 281.

¹⁰ Там же, с. 279.

¹¹ Интересно наблюдение А. А. Лебедева, что «общественный смысл творчества» «поэта-революционера» Огарева и значение «лучших людей» 40-х гг. «для выступления нового поколения революционеров» раскрывается Чернышевским «главным образом на материале «чисто лирической», а не собственно «гражданской» его поэзии (А. А. Лебедев. Эмансипация чувств. — В сб.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. 2. Изд.-во Саратов. ун-та, 1961, с. 138).

¹² В. В. Гиппиус. Чернышевский—стиховед, с. 280.

¹³ Можно предположить, что Чернышевский не усмотрел в поэзии Фета серьезности содержания — исследования правды человеческих чувств, передачи тончайших душевных движений, т. е. той «диалектики души», которую он ценит в литературе, из-за необычности самого метода фетовского поэтического исследования: как известно, глубокое человеческое чувство передается поэтом не само по себе, не целостно, а в ассоциативных намеках на него, в мимолетных ощущениях, изменчивых настроениях (Б. Бухштаб. А. А. Фет. — В кн.: А. А. Фет. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель», 1959, с. 40, 64). Поэтому Чернышевский писал о примитивном содержании стихов Фета, о том, что в них «везде речь идет лишь о впечатлениях и желаниях <...>» (XV, 193. Подчеркнуто нами—Б. Л.).

рые заслуживали бы особенного одобрения своими художественными достоинствами» (IV, 964). Примечательным также в нашем контексте является признание Чернышевского Некрасову: «Мне хотелось бы много поговорить о Ваших стихотворениях — не с политической, а с поэтической точки зрения» (XIV, 325).

Вся система суждений Чернышевского о поэтах и поэзии, включая специальные стиховедческие взгляды¹⁴, убеждает в том, что он ратовал за обновление русской классической поэзии (в частности лирической) и со стороны наполнения ее глубоким содержанием — драматизмом жизненной правды, страстным человеческим чувством, взятым в движении, внутреннем противоречии, — и со стороны самого стиха, в котором критик более всего ценил силу и энергию выразительности. В этих качествах он видел знак современности поэтического искусства. «Поэзия, — писал он в «Очерках гоголевского периода», — есть жизнь, действие, борьба, страсть» (III, 301); или позже, в «Заметках о журналах»: «ведь в поэзии жизнь и страсть» (III, 668); или еще позже, в рецензии на оды Горация в переводе Фета: «Мы привыкли искать в лирической поэзии... пафоса, пламенного одушевления, задушевного чувства, глубокой скорби или страстной жизни» (IV, 508); и наконец: «люди нашего века» «требуют» «от лирической поэзии огня страсти или глубины чувства» (IV, 509).

«От избытка сердца должны говорить уста поэта» (IV, 544), — писал Чернышевский, и с этих позиций он отвергал принадлежность к истинной поэзии, например, Е. Ростопчиной (поэзия ее «холодна и искусственна», «вместо пылкости», «зная страстей» «везде видна вялость» — III, 467), И. Никитина (в стихах его нет «мысли или чувства», от которых «бьется сердце» — III, 300), В. Бенедиктова (в его стихотворениях «чувства... нет», от них «веет холодом» — III, 610). В противоположность этому Чернышевский увидел в стихах Ю. Жадовской «искренность чувства», «голос страсти», «неподдельность тоски», и «потому... и нечто поэтическое» (III, 836).

Сам на своем опыте зная, какой познавательной и вместе с тем движущей силой в исследовании и воспитании натуры и характера человека является анализ его чувств, мыслей, побуждений и поступков¹⁵, Чернышевский с юности придавал большое значение психологическому анализу в литературе¹⁶ как «прочной основы для изучения человеческой жизни вообще» (III, 426). Так, еще читая Гизо, Чернышевский-студент отмечал, что ему не только «нравится чрезвычайно логическое

¹⁴ В. В. Гиппиус. Чернышевский—стиховед. с. 280—294.

¹⁵ См. Дневник Чернышевского — I, 147—148, 153—154, 192—193, 223 и др.

¹⁶ Т. И. Усакина. Чернышевский и петрашевцы. — В кн.: Т. И. Усакина. История, философия, литература. Саратов, Приволж. кн. изд-во, 1968, с. 238, 246—248.

развитие фактов», но и «великое знание человеческого сердца», то, что Гизо «истинно глубоко анализирует сердце человеческое» (1, 223). А, когда читал Купера, осуждал его: «вздор решительно относительно пользы и анализа души человеческой—ничего нет, ни характеров, ничего» (1, 154). И, видимо, именно потому, что ранний Достоевский уже исследовал «сердце человеческое», Чернышевский в эту же пору взволнованно воспринял «Двойника»: он «дрожащим голосом рассказывал «Двойника» В. П. Лободовскому (1, 365) и усматривал в творчестве Достоевского «и других ему подобных» «все больший прогресс перед тем, что было раньше» (1, 208).

В дальнейшем психологический анализ, «диалектика души» как метод исследования и познания драматической правды жизни и человека стал для Чернышевского-критика одним из самых важных критериев для определения достоинства литературного произведения. «Знание человеческого сердца, — писал он в статье о Л. Толстом, — способность раскрывать перед нами его тайны — ведь это первое слово в характеристике каждого из тех писателей, творения которых с удивлением перечитываются нами», «это качество едва ли не самое прочное из всех прав на славу истинно замечательного писателя (III, 426—427).

Знание интимной жизни человека, способность изучать «тайны жизни человеческого духа в самом себе», «движения человеческой мысли» — словом, мастерство психологического анализа было во многом мерилом для Чернышевского не только в оценке современной прозы, в первую очередь Л. Толстого, но и лирики Некрасова. И здесь поэтическое раскрытие истории души, жизни сердца лирических героев стало для критика «основой» «для разгадывания характеров и пружин действия, борьбы страстей и впечатлений» (III, 426).

Видимо, именно этими же свойствами — силой человеческих чувств и страстей, драматизмом их проявления — привлекала к себе внимание Чернышевского и поэзия Тютчева, во всем этом перекликавшаяся с лирикой Некрасова¹⁷.

¹⁷ О соотносении поэзии Тютчева и Некрасова см.: Г. А. Гук о в с к и й. Некрасов и Тютчев. К постановке вопроса. В кн.: Н. А. Некрасов. Научный бюллетень ЛГУ, № 16—17, 1947, с. 51—54; Б. Я. Бухштаб. Ф. И. Тютчев.—В кн.: Ф. И. Тютчев. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель», 1959, с. 49; Б. О. Корман. Некрасов и Тютчев.—В кн.: Некрасовский сборник. ПГ. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, с. 208—222; Е го ж е. Лирика Н. А. Некрасова. Изд-во Воронежского ун-та, 1964, с. 299—315; К. Пигарев. Жизнь и творчество Тютчева. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 240; Е. П. Никитина. Лирика Тютчева и Некрасова 40—60-х годов (историко-литературная параллель).—В кн.: Е. П. Никитина, Н. М. Белова, А. А. Жук, Г. В. Макаровская. Практические занятия, коллоквиумы, курсовые работы по русской литературе. Вып. I, XIX век. Изд-во Саратов. ун-та, 1970, с. 26—27; Н. Н. Скатов. Некрасов и Тютчев.—В сб. Н. А. Некрасов и русская литература. М., «Наука», 1971, с. 224—265.

Учитывая отмеченное названными авторами творческое своеобразие Некрасова и Тютчева, мы имеем в виду только то общее, что объединяет

У обоих поэтов (созвучно основной реалистической тенденции развития литературы середины века) общий характер изображаемой жизни значительно демократизирован. Это сказалося и в объекте поэтического изображения, и в самом творческом методе.

Кроме основного лирического героя любовной лирики, у Некрасова и Тютчева появляется образ лирической героини, любимой женщины, и ей уделено теперь главное внимание в развитии поэтического «сюжета» и отдано полное сочувствие¹⁸. Герой и героиня даны уже не как отвлеченный этический и эстетический идеал, а как конкретные, исторически объясненные, типичные для этого времени люди, взятые в обыденной, прозаической, бытовой обстановке, обладающие оба сложными, не однозначными характерами, также показательными для эпохи.

Социальные определения героев и жизненных ситуаций (бедность, несвобода, судьба падшей женщины) даны лишь в некоторых любовных стихотворениях Некрасова; которые не имеют отношения к панаевскому циклу (исключение составляет только «Тяжелый год — сломил меня недуг») — «Когда из мрака заблужденья», «Я посетил твое кладбище», «Еду ли ночью...», «Застенчивость»¹⁹.

И герою и героине обоих поэтов свойственны психологическая раздвоенность, рефлексия, самоанализ и самоосуждение, душевные диссонансы, противоречивость настроений, жизненного поведения²⁰. И у Некрасова и у Тютчева любовь лирической героини вне закона, вне общественных условностей, и вследствие этого и та и другая поставлены в «положение кризисное», отверженное²¹. Здесь, пожалуй, позволительно распространить социальную детерминацию отверженной обществом женщины, преступившей в своей страсти закон, на образ лирической героини не только Некрасова, но и Тютчева: она

любовную лирику обоих поэтов, в частности два лирических цикла, связанные с А. Я. Панаевой и Е. А. Денисьевой.

¹⁸ В. В. Гиппиус. Чернышевский — стиховед, с. 220; Н. Я. Берковский. Ф. И. Тютчев. — В кн.: Ф. Тютчев. Стихотворения. М.—Л., «Советский писатель», 1969, с. 66; Н. Н. Скотов. Некрасов и Тютчев, с. 240, 242—243.

¹⁹ Б. О. Корман вслед за Г. А. Гуковским (с. 53), но более определенно распространяет социологический принцип на всю любовную лирику Некрасова: «В лирике Некрасова дано социальное объяснение биографии и характеров героев. И это обуславливает содержание сцен» (Б. О. Корман. Лирика Некрасова, с. 300); то же см.: Б. О. Корман. Лирическая система Некрасова, с. 94—98. обстоятельная критика этой точки зрения дается Н. Н. Скотовым в статье «Некрасов и Тютчев» (с. 241—242).

²⁰ Г. А. Гуковский. Некрасов и Тютчев. К постановке вопроса, с. 53; В. В. Гиппиус. Чернышевский — стиховед, с. 220—221; Б. Я. Бухштаб. Ф. И. Тютчев, с. 49; Н. Я. Берковский. Ф. И. Тютчев, с. 69; Н. Н. Скотов. Некрасов и Тютчев, с. 241—242.

²¹ Н. Н. Скотов. Некрасов и Тютчев, с. 240—241; см. также: Б. Я. Бухштаб. А. А. Фет, с. 53; Н. Я. Берковский. Ф. И. Тютчев, с. 71.

бесчеловечно осуждена «толпой» («О, как убийственно мы любим». «Чему молилась ты с любовью») ²².

Сама любовь героев в том и другом лирическом цикле лишена ровной лучезарной радости, приносящей только удовлетворение и душевный покой любящим, она трагична, соединена с мотивами страдания, погубленной судьбы, даже смерти. Она отягощена запрещающими общественными условностями, но не только враждебными ей («роковыми») внешними обстоятельствами, а внутренним конфликтом, «поединком роковым» ²³, «мятежной» жизнью ²⁴ двух сложных характеров. Отсюда — драматизм в поэтическом воплощении любви-страсти, чувства психологически сложного, всепоглощающего, несущего счастье и муки, злобу и нежность, резность и всепрощенье — все то, что соотносилось с переживаниями и характерами героев Достоевского ²⁵.

Рассматриваемую любовную лирику Некрасова и Тютчева сближает и темпераментная, выразительная форма, страстность и энергия самого стиха, предельная лаконичность, фрагментарность, «сюжетная» незаконченность каждой поэтической пьесы и вместе с тем «продолжение» одного и того же любовного «сюжета», объединяющего пьесы в один цикл, своего рода лирический психологический роман, как бы отражающий и формой своей «любовь, не знающую конца» ²⁶.

Характерно и то, что оба поэтических цикла, в которых нашел высшее поэтическое выражение «мятежный жар» ²⁷ жизни человеческого сердца, появились почти в одно и то же время на страницах «Современника» ²⁸, и Чернышевский тогда же ²⁹ назвал стихотворения Тютчева «прекрасными», намереваясь

²² Н. Я. Берковский. Ф. И. Тютчев, с. 71.

²³ Ф. И. Тютчев. Предопределение. — В кн.: Ф. И. Тютчев. Лирика, I. М., «Наука», 1965, с. 142.

²⁴ Н. А. Некрасов. Да, наша жизнь текла мятежно. — В кн.: Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем в 12-ти тт., М., Гослитиздат, 1948—1953, т. I, с. 54.

²⁵ Б. Я. Бухштаб. А. А. Фет, с. 49; Н. Я. Берковский. Ф. И. Тютчев, с. 69; Н. Н. Скотов. Некрасов и Тютчев, с. 241.

²⁶ Н. А. Некрасов. Три элегии, т. II, с. 358.

²⁷ Ф. И. Тютчев. Итальянская villa, с. 91.

²⁸ Отмечено Н. Н. Скотовым (Н. Н. Скотов. Некрасов и Тютчев, с. 240). В «Современнике» были напечатаны такие стихотворения панаевского цикла: «Так это шутка? Милая моя» — 1854, № 1, с. 135—136; «Я не люблю иронии твоей» — 1855, № 11, с. 80; «Мы с тобой бестолковые люди» — там же, с. 90; «Давно отвергнутый тобою» — 1856, № 9, с. 89; «Как ты кротка, как ты послушна!» — 1856, № 8, с. 298; стихотворения денисевского цикла, напечатанные в мартовском «Современнике» 1954 г.: «Я очи знал — о эти очи» (с. 35), «Не говори: меня он, как и прежде, любит» (с. 36), «О, не тревожь меня, укорой справедливой» (с. 36), «Чему молилась ты с любовью» (с. 37), «О, как убийственно мы любим» (с. 37—38), «Предопределение» (с. 40).

²⁹ Н. Г. Чернышевский. Журналистика. — «Отечественные записки», 1854, № 4.

посвятить им отдельную статью (XVI, 28), что, однако, не было реализовано. Позже (в 1857 г.) Чернышевский опять называет новые «пьесы Тютчева»³⁰ «прекрасными», и это в то время, когда, по его мнению, «давно мы не встречали в наших журналах таких стихотворений, которые заслуживали бы особенно-го одобрения своими художественными достоинствами» (IV, 964).

Показательно и то, что, будучи в Петропавловской крепости, Чернышевский просил А. Н. Пыпина прислать ему вместе с другими книгами, в том числе со стихами Лермонтова, Кольцова, Фета, и сборник стихотворений Тютчева («если можно достать») (XIV, 488).

Таким образом, Чернышевский всегда видел в Тютчеве «истинного поэта» (X, 337), и любовная лирика его импонировала критику, вероятнее всего, как говорилось, интенсивностью мысли, гуманностью, глубокой диалектикой страстей, мятежной стихией человеческой души, энергичной, выразительной силой стиха³¹.

Все это, как видно, имеет непосредственное отношение к пониманию природы высокой оценки Чернышевским любовной лирики Некрасова. В ней привлекало его то, что он как литературный критик особенно ценил в литературе — реализм на современном этапе его развития: изображение правды жизни во всем ее разнообразии, противоречиях и драматизме, во всей ее исторической, бытовой конкретности, диалектику души, интимной жизни человеческого чувства. Но, кроме всего этого, Чернышевский усматривал в лирике Некрасова и то, что он считал необходимым для истинной поэзии — искренность, подлинность изображаемых чувств³², особенно чувства любви, страсти также во всей ее многосложности и противоречивости, даже трагичности проявления и, наконец, энергию, страстность самого стиха.

И импонировала Чернышевскому любовная лирика Некрасова не только потому, что в ней нашла отражение социальная

³⁰ В «Русской беседе», 1857, ч. II, кн. 6 были напечатаны стихотворения Тютчева: «Эти бедные селенья» (с. 143), «Вот от моря и до моря» (с. 143—144), «О, вещая душа моя» (с. 144).

³¹ Все эти качества находил в поэзии Тютчева и Добролюбов: «и знойную страстность, и суровую энергию, и глубокую думу, возбужденную не одними стихийными явлениями, но и вопросами нравственными, интересами общественной жизни» (Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 9-ти тт., М.—Л., Гослитиздат, 1961—1964, т. 5, с. 28).

³² По воспоминаниям Н. А. Панова, Чернышевский говорил в 1889 г.: «Хныканьем не заставить плакать других. Если хочешь, чтобы тебя слушали, надо рыдать и смеяться, как Байрон, Гейне, Гоголь, Некрасов». — «Записи двух бесед с Н. Г. Чернышевским о Некрасове. Публикация В. Евгеньева-Максимова. — В кн.: Литературное наследство. 49—50. М., Изд-во АН СССР, 1949, с. 602.

психология «новых людей», разночинцев³³. Такое понимание любовной лирики Некрасова несколько суживает, обедняет ее современную и историческую значимость. В любовной лирике Некрасова нашли отражение психология и мир чувств современника, человека середины XIX в. с его свойственным этой эпохе отношением к жизни, женщине, любви, с его усложнившейся внутренней жизнью, и соответственно со всем этим — новый, характерный для современной литературы метод поэтического исследования этого человека³⁴. Поэтому любовная лирика Некрасова отвечала тем общим требованиям, которые предъявляло к литературе передовое русское общество, в том числе и разночинцы.

Если что и привлекало Чернышевского в любовной лирике Некрасова как разночинца, «нового» человека то это некоторые черты разночинческой психологии и жизненного поведения («Застенчивость»)³⁵, и особенно уважительное и сочувственное отношение к женщине, а также взятая в основу поэтического «сюжета» любовь, не признанная обществом. В связи с этим следует еще остановиться на следующем известном в общих чертах обстоятельстве.

В цитированном письме к Некрасову среди 4-х «пьес без тенденции», посвященных «поэзии сердца», Чернышевский назвал «Давно, отвергнутый тобою», на которую дважды указывал как на типичную для любовной лирики Некрасова (XIV, 314; XV, 143—144). Кроме того, как свидетельствует М. П. Краснов, стихотворение Некрасова «Тяжелый крест достался ей на долю» Чернышевский «назвал лучшим лирическим произведением на русском языке»³⁶. Оба эти стихотворения входили в панаевский цикл, посвященный, как известно, многолетним, сложным и драматичным отношениям Некрасова с А. Я. Панаевой — «мятежной»³⁷, «мучительной и сладкой»³⁸, «в душе неистребимой» «любви, не знающей конца»³⁹.

³³ В. Жданов и А. Лаврецкий. Революционные демократы и поэзия Некрасова, № 2, с. 91—92, Гр. Гуковский, Некрасов и Тютчев. К постановке вопроса, с. 53; А. М. Гаркави. Поэзия Н. А. Некрасова в годы «мрачного семилетия» (1848—1855), с. 48, 50; И. А. Битюгова. Н. Г. Чернышевский о Н. А. Некрасове, с. 52; Б. О. Корман. Лирика Н. А. Некрасова, с. 120, 126, 300; Гр. Тамарченко, Н. А. Некрасов и Н. Г. Чернышевский, с. 183.

³⁴ И только в таком широком смысле можно утверждать, что Чернышевскому в любовной лирике Некрасова открылись «и новая мысль, и новая мораль, и новые чувства» (В. Жданов и А. Лаврецкий. Революционные демократы и поэзия Некрасова, с. 91).

³⁵ См.: Б. О. Корман. Лирика Н. А. Некрасова, с. 127—142.

³⁶ Записи двух бесед с Н. Г. Чернышевским о Некрасове, с. 602.

³⁷ Н. А. Некрасов. Да, наша жизнь текла мятежно — т. I, с. 54.

³⁸ Там же, с. 55.

³⁹ Н. А. Некрасов. «Три элегии», т. II, с. 358.

Чернышевский несколько раз свидетельствует об этом: Панаева была «предметом многих его (Некрасова — Б. Л.) лирических пьес» (I, 748); любовь к Панаевой «была темой стольких его лирических пьес» (I, 750); об отношениях с Панаевой у Некрасова «столько превосходных пьес» (XV, 143). Чернышевский видел, что непризнание обществом отношений между Некрасовым и Панаевой ведет к их усложнению: «неловкость положения перед обществом уязвляет сердца» (XV, 144—145). Он подчеркивал, что «недостаток формальности» в отношениях Панаевой к Некрасову для него «не существовал» (XV, 145) и что с этими отношениями были связаны его «собственные размышления о нравах общества, для которых формальность обряда в церкви — все» (там же).

И для Чернышевского, которому было свойственно высоко уважительное отношение к женщине, особенно гонимой общественным мнением, который был страстным сторонником идеи женской эмансипации и постоянно готов был поднять, защитить и возвысить женщину, Панаева была стороной страдающей, и он всегда был готов к защите: «Я был защитником — правого ли дела? — не умею сказать, но — защитником женщины», — писал Чернышевский по поводу отношений Некрасова и Панаевой. Он считал, что «Авдотья Яковлевна Панаева была безусловно права и перед мужем и относительно Некрасова» (XV, 144). О глубокой симпатии Чернышевского к Панаевой, любовь к которой вдохновила Некрасова на первоклассные лирические стихи — «стансы страстные»⁴⁰, свидетельствует и признание Чернышевского в том, что одной из тех трех, которых он «только» и возв<ел>... в сан женщин» и которых «душевно, душевно люби<л>», была Панаева (XV, 153), и он ей демонстративно целовал руку (что в принципе считал непозволительным!), тем самым желая выразить «честное сочувствие <...> вообще к женщине» (XV, 145).

Чернышевский считал, что Панаева, любовь к ней имели благотворное влияние на Некрасова: «любовь к Добролюбову могла освежать сердце Некрасова», сообщать ему «чувство отрады», а «чувство отрады благотворно. Оно укрепляет душевные силы», «подобное благотворное влияние имело на Некрасова знакомство с тою женщиною, которая была предметом многих его лирических пьес» (I, 748).

В панаевском цикле проявились особенно ярко характернейшие черты любовной лирики Некрасова, и «превосходные пьесы» его волновали Чернышевского самым чувством любви, сильным, всеобъемлющим, но сложным и трудным, сообщающим человеку великое счастье и великое страдание — «истинную радость» и «истинное горе» — все то, что

⁴⁰ Н. А. Некрасов. Три элегии, т. II, с. 357.

«буквально заставляя<ло>» Чернышевского «рыдать» (XIV, 322). В этом сказалось, быть может, особое, «ренессансное» отношение к чувству любви «новых людей» как к одному из главных проявлений естественной «натуры» человека, не скованной никакими условностями несвободного общества; для Чернышевского — «нового» человека в раскрепощении естественных эмоциональных потребностей «натуры» был необходимый элемент общего раскрепощения личности, следовательно, общества.

Но важно и другое. Самому Чернышевскому, его человеческой личности, его «натуре», по всей вероятности, тоже была свойственна энергия сердечной страсти, жизни сердца, способность сильно чувствовать. Как упоминалось, об этом говорит уже цитировавшееся письмо к Некрасову. Приведем и другие факты.

В дневнике 1848 г. Чернышевский записал: пел «песню Маргариты из Фауста — *Meine Ruh ist hin*⁴¹, которую я довольно часто пою» (I, 80); «эти стихи» его особенно трогали — «как-то расшевелили сердцем» (I, 187). Несклько позже в том же дневнике: «лег на диван и стал петь, сначала: «Ай, вдоль по улице молодчик идет», сколько знаю, «Ах, как пошел наш молодец», хотел «Сени» после, когда кончу, но запелось уже по-немецки *Wie herrlich leuchtet*⁴², после песни Маргариты <...>, Шиллеровой Теклы <...>. Когда пел эти песни, постепенно расчувствовался так, что стали катиться слезы. Так провел я с полчаса или более, лежал на диване, раскинувшись на спине и поя, слезы понемногу катились из глаз» (I, 103).

В 1850 г.: «Всю дорогу (из Москвы в Петербург по возвращении из Саратова — Б. Л.) я читал и напевал стихи Ант<онины> Григорьевны⁴³, лучшие <...>, которые, мне кажется, в самом деле замечательны, и я плакал почти каждый раз, как читал их» (I, 389).

Показательно в этой же связи и следующее признание Чернышевского Некрасову: «жить среди роскошной зелени — это высочайшее наслаждение после любви к женщине и по-

⁴¹ Мой покой исчез.

⁴² «Майская песнь» Гете. Об отношении Чернышевского к Гете см.: В. Жирмунский. Гете в русской литературе. Л., «Художественная литература», 1937, с. 368—373. Здесь важно отметить, что некоторые лирические произведения Гете (напр., песня Маргариты из «Фауста» и «Майская песнь») для Чернышевского были связаны «с переживаниями глубокой и подлинной любви» (В. Жирмунский, с. 370).

⁴³ Чернышевский пишет о сестре своей знакомой, дочери московского священника Клиентова Александры Григорьевны Клиентовой — Антонине Григорьевне, обладавшей поэтическим даром и умершей в ранней молодости (Е. С. Некрасова, Наталья Александровна Герцен в переписке с Александрой Григорьевной Клиентовой. — «Русская старина», 1892, март, с. 771—772).

сле наслаждений, по временам доставляемых умственной деятельностью» (XIV, 317).

И, наконец, такая самохарактеристика Чернышевского в предисловии к роману «Повести в повести»: «я, отставной титулярный советник Николай Чернышевский, семинарист, человек очень много учившийся, еще более думавший о предметах очень серьезных, между прочим о человеческом сердце и о любви, и о поэзии, публицист очень суровый и чрезвычайно грубый» (XII, 134, курсив наш — Б. Л.).

Приведенные факты убеждают еще раз в том, что «натура» Чернышевского отнюдь не проста, не однозначна, что ему был открыт мир сильных эмоций, что он был человеком, способным «рыдать» при чтении стихов о любви и не только о любви, глубоко чувствующим и понимающим значение любви в духовной жизни, человеком, который мог проникновенно, сердцем воспринимать природу и тосковать о ней и который при всем этом самозабвенно посвятил свою жизнь одним суровым требованиям разума. И для него любовная лирика Некрасова была настоящим откровением его собственной глубоко спрятанной душевной жизни, была поразительно ей созвучна.

Вот почему Чернышевский так высоко ее оценивал; здесь на литературно-критические суждения повлиял не только идейный, но сугубо личный, эмоциональный, психологический фактор⁴⁴. Вот почему перед отправлением в Сибирь в Петропавловской крепости в 1863 г. Чернышевский составил специальный список тех стихотворений двух своих любимых поэтов — Лермонтова⁴⁵ и Некрасова, которые знал наизусть («знакомых хорошо») и тех, которые хотел лучше помнить («надобно узнать», «не знаю, но стоило бы знать») ⁴⁶. Среди

⁴⁴ См. об этом в отношении Салтыкова-Щедрина: В. В. Прозоров. О художественном мышлении писателя-сатирика. Изд-во Саратов. ун-та, 1965, стр. 65; А. С. Бушмин. Этюды к психологии творчества сатирика. В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., «Наука», 1969, с. 131—132, 137.

⁴⁵ Как известно, Чернышевский «знал чуть не все лирические пьесы Лермонтова» (I, 634; см. также: XII, 696), в котором его привлекали «тонкость психологического анализа» (III, 421), «анализ чувства» (там же, 423), «энергия лиризма» (так же, как и у Кольцова (XIV, 515), «оригинальность» (III, 110), «звучность» (там же, 497), «энергия» (XIV, 315) стиха. Об отношении Чернышевского к поэзии Лермонтова см.: В. Ахрамеев. Мужичий демократ и великий поэт (Н. Г. Чернышевский и М. Ю. Лермонтов). — «Сибирские огни», 1939, № 5, с. 117—130; М. Дотцауэр. М. Лермонтов в оценке Чернышевского и его современников. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Сборник, посвященный 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского. Уч. зап. Саратов. пед. ин-та, вып. 5, 1940, с. 85—103; М. П. Николаев. М. Ю. Лермонтов и Н. Г. Чернышевский. — В сб.: М. Ю. Лермонтов. Материалы и сообщения. VI Всесоюзная Лермонтовская конференция. Ставрополь, Кн. изд-во, 1965, с. 160—173.

⁴⁶ М. Перпер. Чернышевский над страницами Лермонтова и Некрасова (Записи перед ссылкой. Неопубликованные материалы). — «Русская литература», 1960, № 2, с. 133—135.

них и пьесы панаевского цикла, которые восхищали Чернышевского. Вот почему память его сохраняла их и в Сибири (XV, 144). Вот почему Вязовский — герой повести «Вечера у княгини Старобельской», прототипом которого был Чернышевский (XIII, 733; XV, 782), говорит о Некрасове: «говорят: поэт народного быта, поэт прогресса. Разумеется. Но не умеет ценить его тот, кто не прибавляет: великий поэт любви. Со смерти Гёте, не было такого великого поэта любви» (XIII, 856).

Вот почему Вязовский — герой повести «Вечера у княгини Старобельской», прототипом которого был Чернышевский (XIII, 733; XV, 782), говорит о Некрасове: «говорят: поэт народного быта, поэт прогресса. Разумеется. Но не умеет ценить его тот, кто не прибавляет: великий поэт любви. Со смерти Гёте, не было такого великого поэта любви» (XIII, 856).

Н. Н. МОСТОВСКАЯ

Чернышевский на страницах журнала «Вестник Европы» в 70–80-е годы

«Я вижу, что мое имя не упоминается в русской печати. Мне ясно, что это значит», — писал Чернышевский в одном из писем к жене в 1875 году из Вилуйска¹. Однако передовая журналистика решительно боролась с официально поддерживаемым в течение десятилетий «заговором молчания» вокруг Чернышевского. На страницах «Отечественных записок» Некрасова и Щедрина использовался каждый удобный случай, чтобы напомнить России об опальном революционере². Его работы цитировались и пропагандировались в демократическом журнале «Слово»³.

Немаловажную роль в разъяснении прогрессивного значения идейного наследия Чернышевского сыграл и журнал «Вестник Европы». Основанный в 1866 году в Петербурге профессором истории М. М. Стасюлевичем, этот журнал благодаря участию в нем крупных писателей и публицистов — И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. К. Толстого, А. Н. Островского, А. Н. Пыпина, П. В. Анненкова, Е. И. Утина, В. В. Стасова и др., пользовался заслуженным авторитетом в передовых читательских кругах. Либерально-просветительское западническое направление утвердило за ним в правительственных сферах репутацию «серьезного» благонамеренного органа⁴ и давало вместе с тем известную свободу в обсуждении острых общественно-политических вопросов времени.

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15 тт., т. XIV. М., Гослитиздат, 1949, сс. 584. В дальнейшем это издание цитируется с указанием тома и страницы.

² См. об этом: Е. Покусаев. Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и деятельности. Изд. 4-е, испр. и доп. Саратов, 1967, с. 235—236.

³ См. В. В. Прозоров. Эпизод из пропаганды эстетических идей Чернышевского. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, вып. 4, Изд-во Сарат. ун-та, 1965, с. 118—125.

⁴ См. Донесение цензора по поводу апрельской книги «Вестника Европы» за 1880 г.—ЦГИА, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 87, л. 81 об.

Одной из злободневных проблем для русского общества 70-х годов оставалась проблема взаимоотношения поколений 40-х и 60-х годов. В споры об исторической ценности идейного наследия деятелей 40-х годов и шестидесятников включился и «Вестник Европы».

В трудах ведущих авторов журнала А. Н. Пылина, В. В. Стасова, в статьях Е. И. Утина, М. К. Цебриковой, в «Воспоминаниях о Белинском» Тургенева и в других работах сотрудников «Вестника Европы» содержались иносказательные упоминания о Чернышевском, чье имя было строго запрещено цензурой, порой сочувственно цитировались его произведения. В ряде случаев отдельные положения критика оспаривались на страницах журнала. Но самое обращение к разным сторонам творчества «вилюйского узника» означало стремление отстаивать право Чернышевского на участие в общественной и литературной жизни страны.

Была ли единой позиция «Вестника Европы» в оценке шестидесятников, в особенности Чернышевского? Каков круг авторов журнала, апеллировавших по разным поводам к имени «государственного преступника»? В каком «журнальном контексте» рассматривались произведения Чернышевского? Осветить эти вопросы, на которые еще нет достаточно ясного ответа в научной литературе, а тем самым охарактеризовать роль журнала в пропаганде наследия Чернышевского в 70—80-е годы — задача настоящей работы.

Наиболее ревностным защитником Чернышевского на страницах «Вестника Европы» был один из ведущих сотрудников журнала А. Н. Пыпин. Двоюродный брат Чернышевского, испытавший в юности воздействие его идей, соредактор М. М. Стасюлевича и вместе с тем «человек «Современника»⁵ по своим демократическим убеждениям, А. Н. Пыпин мужественно использовал любую возможность (часто рискуя навлечь на себя и журнал цензурные гонения), чтобы напомнить передовому читателю о литературно-критической деятельности осужденного на забвение «вилюйского узника»⁶.

Несмотря на строжайшие правительственные запреты после ареста Чернышевского, А. Н. Пыпин энергично боролся за его освобождение и публикацию его работ. Известно, что

⁵ См. Письмо М. Е. Салтыкова к А. Н. Пыпину 1876 г. — Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX, М., 1939; с. 81.

⁶ Н. Ф. Даниельсон сообщил К. Марксу в 1872 г. о том, что А. Н. Пыпин получил предупреждение: в случае появления в печати статей Чернышевского издатель будет немедленно выслан из столицы. («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, с. 82—83). По документам III отделения А. Н. Пыпин, благодаря связям с Чернышевским, считался в глазах правительства «человеком самого крайнего направления». Цитирую по публикации: П. С. Ткаченко. Новые материалы о А. Н. Пыпине. — «Русская литература», 1967, № 4, с. 120.

в 1865 году А. Н. Пыпин переиздал запрещенную цензурой диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности» без упоминания автора, но с его поправками на отдельных листах в самом тексте. В этом же году были изданы в Петербурге переведенные Чернышевским «Основания политической экономии». Д.—С. Милля (т. I—II). В 1874 году благодаря А. Н. Пыпину в типографии Стасюлевича было напечатано второе полное издание этой книги в двух томах в переводе Чернышевского с его примечаниями без указания имени переводчика. В течение 1868 — 1871 гг. не без участия А. Н. Пыпина вышла в свет подготовленная Чернышевским «История XVIII и столетия XIX до падения французской империи. С особенно подробным изложением хода литературы» Ф. К. Шлоссера. Благодаря усилиям А. Н. Пыпина на страницах «Вестника Европы» была опубликована одобрительная рецензия на первые пять томов этого труда⁷.

Через А. Н. Пыпина Чернышевский систематически получал необходимую ему литературу, русскую и европейскую периодику, в том числе журнал «Вестник Европы» и газету Стасюлевича «Порядок»⁸. В 80-е годы А. Н. Пыпин выполнял роль посредника между Стасюлевичем и Чернышевским, пытаясь привлечь последнего в «Вестник Европы».

В многочисленных историко-литературных трудах самого А. Н. Пыпина, опубликованных в «Вестнике Европы», Чернышевский открыто не назывался. Но именно в работах Пыпина, посвященных проблеме преемственности поколения 40-х и 60-х годов и обсуждению принципов «новой критики», деятельность шестидесятников — Добролюбова и его современников — стала предметом специального исследования («Очерки общественного движения при Александре I», «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов», «Опыт биографии Белинского», «Об упадке

⁷ См. «Вестник Европы», 1869, № 2, с. 983.

⁸ Известно, что Чернышевский был внимательным читателем «Вестника Европы». Так, в одном из писем к жене 1878 г. ссыльный революционер рекомендует детям прочесть в ноябрьской книжке «Вестника Европы» за 1877 г. воспоминания С. Солнцевова об ее знакомстве с Ф. Лассалем: «Ничего равного этому рассказу нет на русском языке» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. XV, с. 212). Характерно, что отмеченный Чернышевским рассказ вызвал аналогичную реакцию и у Тургенева: «Исповедь» Лассала—это такая удивительная вещь, подобной которой я ни в одной литературе не знаю» (И. С. Тургенев. Письма, т. VII, М.—Л., «Наука», 1966, с. 226). Известно сочувственное высказывание Чернышевского о статье А. Н. Пыпина, посвященной народничеству и опубликованной в № 2 «Вестника Европы» за 1884 г. (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. XV, с. 458). Одобрительная оценка «Вестника Европы» как «хорошего журнала, пользующегося заслуженным уважением хорошей части публики», содержится в письмах Чернышевского к А. Н. Пыпину и К. Т. Солдатенкову (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. XV, с. 657, 784—785).

современной критики» и др.). Причем в ряде вопросов автор откровенно защищал позиции шестидесятников.

Утверждение идеи исторической преемственности поколений являлось центральным положением исследований А. Н. Пыпина, разъяснявшего роль Радищева, Чаадаева, декабристов, Белинского в литературно-общественном движении эпохи. «Целое поколение исчезло из общества, — писал автор «Очерков общественного движения при Александре I» по поводу трагической судьбы декабристов, — но идеалы его остались достоянием мыслящих людей и продолжали жить и развиваться в их среде»⁹. Под «мыслящими людьми» Пыпин подразумевал преемников декабристов, лучших представителей поколения 40—50-х годов, традиции которых, по его справедливому утверждению, продолжали шестидесятники. Явным намеком на судьбу Чернышевского и других деятелей революционного лагеря звучало в 70-е годы напоминание об остракизме, который «пал на целое поколение людей прежнего времени (декабристов — Н. М.) и надолго закрыл его даже от исторического исследования и воспоминания»¹⁰.

Исследуя историю развития русской литературы в связи с историей становления общественной мысли в России, Пыпин в «Характеристиках литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов» выделил «так называемое отрицательное направление» в русской литературе и критике, четко определив его хронологические истоки, — конец 50-х годов. Так автор обозначил идеологию и практику шестидесятников, революционеров-демократов. В этой работе прямо перечисляются имена писателей и критиков, возглавивших «так называемое отрицательное направление» и определивших своей деятельностью качественно новый этап в развитии русской общественной мысли. В их ряду, безусловно, подразумевался Чернышевский. «Прежде всего, — писал Пыпин, — так называемое отрицательное направление имело различные предметы и уровни; с конца пятидесятих годов в числе его представителей стояли несколько замечательнейших писателей наших (начиная, например, с Добролюбова и кончая новейшей сатирой г. Салтыкова), из которых не все уже действуют теперь

⁹ «Вестник Европы», 1871, № 2, с. 751.

¹⁰ А. Н. Пыпин. Очерки общественного движения при Александре I.—«Вестник Европы», 1870, № 12, с. 681. Ср. с заключительными строками «Письма двенадцатого» М. Е. Салтыкова, опубликованного в это же время в «Отечественных записках» (1870, № 9): «Люди и даже дела их исчезают на наших глазах поистине беспримерно. Точно в яму, наполненную жидкой грязью, нырнут, и сейчас же над ними все затянет и заплывет. Вчера еще был человек, а сегодня его уже нет. Не только из жизни, но даже из хрестоматий и курсов словесности исчезают люди. И за каждым исчезновением молчок»,—писал М. Е. Салтыков, намекая на преследования известных деятелей литературы, в том числе Чернышевского, Михайлова, Серно-Соловьевича.

в литературе»¹¹. В заключительных словах содержался прямой намек на Чернышевского.

Пыпин не только верно определил расстановку сил в литературе и обществе накануне 1861 года, но и отнесся критически к «обличителям отрицания». «В числе обличителей «отрицания», которые теперь так размножились, — писал он, — стали в первом ряду даже лучшие писатели прежнего периода, как автор «Отцов и детей», который сам еще незадолго перед тем с сочувствием рисовал отрицательные типы прошлого периода и который теперь в личности Базарова, конечно, изображал (неверно понятых им) людей, действовавших около 1860-го года — такая разница легла между двумя поколениями»¹². В этом частном, на первый взгляд, замечании отчетливо выражено стремление Пыпина защитить позиции шестидесятников, намечено и направление полемики с Тургеневым в освещении проблемы «отцов и детей».

Поводом для энергичного выступления А. Н. Пыпина в защиту поколения шестидесятников, Добролюбова и Чернышевского явились опубликованные в апрельском номере «Вестника Европы» за 1869 год «Воспоминания о Белинском» Тургенева. Полемичность и злободневность «Воспоминаний» были сразу же отмечены современниками. М. А. Антонович например, упрекнул Тургенева в том, что тот «бросает несколько камешков в чей-то огород»¹³. В критической статье, посвященной обзору «Вестника Европы», П. Л. Лавров прямо указал адресатов, к которым, как он полагал, были обращены «Воспоминания о Белинском». «В апреле нынешнего года, — писал П. Л. Лавров, — «Вестник Европы» поместил Воспоминания г. Тургенева о Белинском. Здесь, казалось бы, не могло быть места оценке позднейшего периода, которому «журнал истории, науки и жизни» не нашел нужным посвятить особой статьи. Но г. Тургенев не мог не воспользоваться случаем, чтобы отвечать замолчавшим»¹⁴. К последним, безусловно, относились ушедшие из жизни Добролюбов, Писарев и вынужденный замолчать Чернышевский.

Пыпин также почувствовал тенденциозность Тургенева, сделавшего из Белинского полемическое «оружие против новой критики». Свои возражения по этому поводу историк литературы изложил в труде «В. Г. Белинский. Опыт биографии», опубликованном на страницах «Вестника Европы» (1874—1875 гг.).

Оценивая по достоинству «Воспоминания о Белинском», Пыпин не согласился с тургеневской характеристикой лите-

¹¹ А. Н. Пыпин. Характеристики литературных мнений от двадцати до пятидесяти годов. — «Вестник Европы», 1872, № 5, с. 201—202.

¹² «Вестник Европы», 1872, № 5, с. 201—202.

¹³ М. А. Антонович. Новые материалы для биографии и характеристики Белинского — «Космос», приложение № 1, 1869, с. 98.

¹⁴ Литературное наследство, т. 76, М.—Л., «Наука», 1967, с. 186.

ратурной критики Чернышевского и Добролюбова как отступления от завоеваний эстетики Белинского в сторону «утилитаризма». Пыпин справедливо полагал, что здесь автор «Отцов и детей» не объективен в своих суждениях. «Нет сомнения,—писал Пыпин,—что Белинский, на которого так несправедливо ссылаются *против* новой критики (намек на Тургенева. — Н. М.), сохранил бы эту связь, — он остался бы и для следующего поколения нравственным авторитетом и сам сумел бы понять стремления, отличавшие последующую эпоху»¹⁵.

Примечательно, что в оценке критики Белинского и его личности полемист Тургенев опирался на основные положения Чернышевского, высказанные им о Белинском несколько лет назад¹⁶. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский назвал Белинского «главою» «нашего литературного движения», а существенную особенность его критики увидел в том, что «она все более и более проникалась живыми интересами нашей действительности»¹⁷.

Обращение к наследию Белинского и истории русской общественной мысли 30—40-х годов органически соотносилось в «Очерках гоголевского периода» с утверждением преемственных связей между Белинским и последующим революционно-демократическим направлением, к которому примыкал сам Чернышевский. Аналогичные суждения (подчас и текстуальные совпадения с Чернышевским) находим в «Опыте биографии» Пыпина. В противоположность Тургеневу здесь высказана мысль об общественной направленности критики Белинского. «Он рвался говорить о жизни, об обществе, о том, что именно выходило из круга чисто литературной критики», — писал Пыпин, отмечая, что в последние годы критика Белинского «в самом деле больше и больше покидала чисто литературную почву и обращалась к вопросам общественной жизни»¹⁸. Вслед за Чернышевским, хотя и с большей осторожностью, Пыпин утверждал, что «новая критика была не только не различна, но совершенно однородна с критикой Белинского, была прямым ее наследием и дальнейшим историческим развитием»¹⁹.

В «Опыте биографии» не обойдена молчанием и полемика Тургенева с Чернышевским как автором «Эстетических отно-

¹⁵ «Вестник Европы», 1875, № 6, с. 592.

¹⁶ Отметим, что ссылка на «Очерки гоголевского периода», в которых имя Белинского «названо было в первый раз в 1856 году, содержится в 10-й главе «Опыта биографии». — «Вестник Европы», 1875, № 6, с. 578.

¹⁷ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. III, с. 226.

¹⁸ «Вестник Европы», 1875, № 6, с. 585. Ср. с цитированным выше высказыванием Чернышевского о Белинском в «Очерках гоголевского периода». См.: Т. А. Никонова. «Воспоминания о Белинском». — Из истории полемики вокруг очерка Тургенева. — Тургеневский сборник, III, Л., 1967, с. 126—130.

¹⁹ Там же, с. 592.

шений искусства к действительности». Известно, что, возражая против тезиса Чернышевского — искусство есть подражание природе, — Тургенев настаивал на коренном различии между Белинским и революционно-демократической критикой 60-х годов в решении основного вопроса эстетики, в понимании сущности искусства и его отношения к действительности. «Воистину детское и к тому же не новое, подогретое объяснение искусства подражанием природе, — писал Тургенев по поводу эстетической позиции Чернышевского на страницах «Вестника Европы», — не удостоилось бы от него (Белинского. — Н. М.) ни возражения, ни внимания»²⁰.

Намек на Чернышевского Пыпин понял и процитировал именно это место из «Воспоминаний о Белинском». Не давая по цензурным соображениям развернутой характеристики спора о природе искусства в 50-е годы, Пыпин энергично возразил Тургеневу, высказав тем самым сочувственное отношение к эстетической позиции «одного из новых критиков», т. е. Чернышевского. «Мы опять думаем совершенно напротив. Мы не находим достаточного повода защищать здесь эти мысли об искусстве, осуждаемые г. Тургеневым, но полагаем, что Белинский очень достоин бы их внимания: он без сомнения понимал бы, что в новейшее время для идеи искусства наступает такая же очередь пересмотра и нового исследования, какая вообще наступила для всех прежних философских построений»²¹. Пыпин полагал, что Белинскому не был бы чужд пересмотр идеалистических воззрений на искусство, предпринятый Чернышевским.

Упреки Пыпина, адресованные Тургеневу, не остались незамеченными. «Я прочел статью Пыпина, — сообщал Тургенев Стасюлевичу в 1875 году, — и, по зрелом соображении фактов, должен сознаться, что едва ли он не вернее моего взглянул на деятельность Белинского. Стало быть, полемизировать мне с ним нельзя — а скорее нужно сделать оговорку в будущем издании моих «Воспоминаний»²².

Впоследствии такая поправка и ссылка на Пыпина, свидетельствующая о согласии с его оценкой деятельности Белинского, были сделаны Тургеневым во «Втором прибавлении к «Воспоминаниям о Белинском». От обсуждения же концепции Пыпина об исторической преемственности поколений 40-х и 60-х годов и принципов революционно-демократической критики писатель отказался. Лишь в 1880 году, в «Речи о Пушкине», Тургенев уточнил свою позицию в этом вопросе.

В 1876 г. Пыпин вновь обращается к проблеме исторической преемственности критики 60-х годов и критики Белин-

²⁰ «Вестник Европы», 1869, № 4, с. 715, см. также: И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем, т. XIV. М., «Наука», 1967, с. 46.

²¹ «Вестник Европы», 1875, № 6, с. 588.

²² И. С. Тургенев. Письма, т. XI, с. 95.

ского. И опять для доказательства своей мысли автор опирается на работы Чернышевского. В статье Пыпина «Об упадке современной критики», опубликованной в январском номере «Вестника Европы», утверждается, что сами шестидесятники — имеется в виду автор «Очерков гоголевского периода в русской литературе» — первыми заговорили о Белинском, как о своем «предшественнике и учителе». Содержание этой статьи не исчерпывается прогрессивной для 70-х годов мыслью о несомненной связи двух поколений критиков. В ней сделана смелая попытка определить значение литературно-критической деятельности Добролюбова и Чернышевского для развития русской литературы и общества. Заслугой «Добролюбова и друзей его, — пишет Пыпин, — является усиление «в литературе и в лучших людях общества внимания к серьезным интересам общественного быта»²³. Так, оценивая роль Добролюбова и Чернышевского в истории развития русской критики и общественной мысли в России, Пыпин в известной мере приближался к позициям революционных демократов.

Обсуждение сравнительной исторической ценности идейного наследия 40—60-х годов было тесно связано с другим не менее актуальным в 70-е годы вопросом о типе нового русского деятеля в литературе. Проблема нового литературного героя широко ставилась в литературе и публицистике; решалась она и на страницах «Вестника Европы».

Старый тип «лишнего человека» обветшал, исчерпан до конца, утверждал критик «Вестника Европы» Е. И. Утин в статье «Литературные споры нашего времени», «ему давно пора уступить место в жизни новым людям, в литературе новым типам»²⁴. В самой постановке проблемы «нового человека» в литературе Е. И. Утин опирался на соответствующую концепцию Добролюбова и особенно Чернышевского в годы первой революционной ситуации. В статье «Литературные споры нашего времени» имя Чернышевского не упоминалось, но, защищая нравственные и общественные принципы «новых людей» (людей «новых идей», «нового миросозерцания», «новых понятий» — так автор называл деятелей революционного типа), Е. Утин косвенно учитывал и публицистические выступления Чернышевского («Русский человек на rendez — vous», «Не начало ли перемены?») и его художественную практику — роман «Что делать?», который стал выдающимся

²³ «Вестник Европы», 1876, № 1, с. 418.

²⁴ «Вестник Европы», 1869, № 11, с. 372. Отметим почти буквальное совпадение суждений Е. Утина с аналогичным высказыванием М. Е. Салтыкова, который утверждал в статье «Напрасные опасения» («Отечественные записки», 1868, № 10), что «тип лишнего человека исчерпан до дна и потерял даже право на самостоятельное существование» (см. М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. 9. М., «Художественная литература», 1970, с. 20).

событием эпохи, оказавшим влияние на всю последующую литературу о «новых людях».

Изменились общественные условия, и на смену «породе недовольных людей» в литературе должна прийти «другая порода людей», «смелые бойцы за новую жизнь», — писал Е. Утин, самой фразеологией напоминая читателям роман «Что делать?».

Первоочередной задачей передовых русских писателей Е. И. Утин считал изучение характера, понятий, стремлений «людей новых идей», которые во всех сферах жизни, политической, общественной, семейной, сделали шаг вперед, «всюду стараясь заменить основания старого времени более справедливыми началами, более современными воззрениями»²⁵. Одновременно критик упрекал писателей старшего поколения, Тургенева и Гончарова, за искаженное, по его мнению, изображение молодого поколения в лице Базарова и Марка Волохова, облик которых не соответствовал, как писал Е. Утин, «стремлениям людей новых идей».

Е. Утин защищал молодое поколение и от обвинений реакционной критики в том, что это поколение до сих пор не выдвинуло из своей среды «ни одного замечательного публициста, критика, романиста». Достаточно припомнить, — писал критик «Вестника Европы», — «имена <...> тех литературных деятелей молодого поколения, которые так или иначе сошли уже с литературного поприща, так и тех, которые продолжают работать на нем»²⁶. Здесь звучит скрытый намек на литераторов из среды революционных деятелей 60-х гг.: Добролюбова, Чернышевского, Михайлова.

В связи с обоснованием проблемы «нового героя» в литературе 70-х годов имя Чернышевского не раз открыто называлось на страницах «Вестника Европы». В частности, М. К. Цебрикова, автор статьи «Из огня да в полымя», опубликованной в июньском номере «Вестника Европы» за 1871 год, обратилась к роману «Что делать?» как к программному произведению, противопоставляя нравственные и общественные нормы поведения «новых людей», изображенных Чернышевским, опошленным представлениям о них в повестях М. В. Авдеева²⁷.

В 70-е годы спорам об исторической значимости наследства 40—60-х годов, о типе человека 40-х годов и противопоставленном ему шестидесятнике неизменно сопутствовала полемика по эстетическим вопросам. Не ослабела она и в 80-е

²⁵ «Вестник Европы», 1869, № 11, с. 359—360.

²⁶ Там же, с. 362.

²⁷ См. об этом в статье: Ж. В. Кулиш. Традиция Чернышевского в литературно-критических выступлениях М. К. Цебриковой. — Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, вып. 6, Изд-во Сарат. ун-та 1971, с. 154—169.

годы. Именно в эти годы на страницах «Вестника Европы» сочувственно цитируются «Эстетические отношения искусства к действительности», упоминается Чернышевский как автор статей о Пушкине.

В речи Тургенева о Пушкине, прочитанной на открытии памятника поэту в Москве в 1880 году («Вестник Европы», 1880, № 7), не только оценивалась роль Пушкина в развитии русской и мировой литературы. В ней ставился вопрос о значении искусства и его месте в общественной жизни. Тургенев подводил итоги борьбы вокруг имени поэта, исторически объяснял и причины временного охлаждения революционно-демократической молодежи к Пушкину. Тургенев метил в Чернышевского и революционно-демократическую критику 60-х годов, когда писал, что «главный первоначальный истолкователь Пушкина, Белинский, сменился другими судьями, мало ценившими поэзию»²⁸.

Однако критическое замечание по адресу шестидесятников, недооценивавших поэзию Пушкина, корректировалось в речи Тургенева признанием исторически неизбежного появления нового взгляда на искусство, которое стало «служить другим началам, столь же необходимым в общественном устройении», поскольку сама жизнь вступила «из литературной эпохи в политическую»²⁹.

В этом же седьмом номере журнала была опубликована редакционная статья о пушкинском празднике, написанная А. Н. Пыпиным³⁰. Являясь своеобразным комментарием к речи Тургенева, статья раскрывала представления либеральной общественности о смысле праздника, который носил характер широкой литературно-общественной демонстрации и должен был, по замыслу его устроителей, способствовать единению сил интеллигенции. Здесь же была предпринята попытка наметить первые вехи в изучении Пушкина. В этой связи на страницах «Вестника Европы» упоминались не только статьи Белинского и труды Анненкова о Пушкине, но и «особенно замечательные статьи в «Современнике» 1856 года», принадлежавшие Чернышевскому. Высокая оценка статей Черны-

²⁸ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, с. 73—74.

²⁹ Там же. Poleмические выступления Тургенева против шестидесятников, отражавшие сложность мировоззрения писателя, ни в коей мере не снимали его сочувственного отношения к ссыльному Чернышевскому. В 1881 году Тургенев выступил в поддержку передовой статьи в газете «Страна» (от 15 января, № 7, издатель — прогрессивный деятель Л. А. Полонский), ставившей вопрос об освобождении Чернышевского. Писатель назвал это выступление «благородным поступком честного человека» и под впечатлением его написал не дошедшее до нас письмо к Л. А. Полонскому (см. И. С. Тургенев, Письма, т. XIII, с. 45—46).

³⁰ Авторство А. Н. Пыпина подтверждается письмом К. К. Арсеньева к Стасюлевичу от 13 (25) июля 1880 года, в котором К. К. Арсеньев писал: «Статья Пыпина по поводу Пушкинского праздника очень хороша». ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, № 165, л. 42.

шевского о Пушкине сочеталась с разъяснением их значения, которое, по мнению А. Н. Пыпина, заключалось в осмыслении поэзии Пушкина «в ее современной общественно-литературной обстановке и в биографии»³¹.

Откровенным защитником и пропагандистом эстетического учения Чернышевского явился в журнале Стасюлевича В. В. Стасов. В ноябрьской книге «Вестника Европы» за 1882 год было опубликовано начало труда В. В. Стасова «Двадцать пять лет русского искусства», в котором автор утверждал, что борьба за реализм против «искусства для искусства» началась в России в 50-е годы, в связи с выходом в свет «Эстетических отношений искусства к действительности». В. В. Стасов открыто писал о положительном значении эстетических идей Чернышевского для развития русского искусства: «...У нас помимо всех Прудонов и Курбэ был свой критик и философ искусства, могучий, смелый, самостоятельный и оригинальный. <...> Это <...> автор, который еще в 1855 году выпустил в свет юношескую, но полную силы мысли и энергической независимости книгу: «Эстетические отношения искусства к действительности». <...> Проповедь ее не была потеряна в пустыне, и если ее не читали художники, зато читали другие, публика, и, после того <...> то, что в ней было хорошего, важного, драгоценнейшего <...>, просачивалось и проникало туда, где всего более было нужно — к художникам»³². Во второй статье, опубликованной в декабрьской книге «Вестника Европы» за 1882 год, В. В. Стасов, раскрывая содержание эстетического трактата Чернышевского, цитировал основные его положения без указания имени автора с сокращенной подстрочной ссылкой на «Эстетические отношения искусства к действительности». Таким образом, В. В. Стасов выступал на страницах «Вестника Европы» как защитник реалистического искусства и продолжатель демократических идей Чернышевского в области эстетики³³.

Менее последовательной, хотя и сочувственной по отношению к эстетическому учению Чернышевского, была позиция либерального публициста и критика В. А. Гольцева. В его статье «По вопросу о прекрасном» («Вестник Европы», 1884, № 6) одобрительно оцениваются две работы Чернышевского: «Эстетические отношения искусства к действительности» и книга о Пушкине. Обосновывая историческую правоту эстетического учения Чернышевского, В. А. Гольцев защищал тезис «прекрасное есть жизнь». «Такой взгляд, — писал В. А. Гольцев, — был естественным протестом против искусства,

³¹ «Вестник Европы», 1880, № 7, с. XXIV.

³² «Вестник Европы», 1882, № 11, с. 249.

³³ В письме к Чернышевскому от 2 января 1889 г. В. В. Стасов писал: «Я ставлю выше всех русских книг об искусстве—«Эстетические отношения искусства к действительности», хотя в ином тут и иначе думаю». (Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. III, М.—Л., 1930, с. 598).

которое пренебрегало величайшими жизненными задачами <...> Автор «Эстетических отношений искусства к действительности» ясно понимал и открыто признавал значение прекрасного», — писал далее критик, защищая эстетические позиции Чернышевского как от искаженных истолкований их сторонниками «чистого искусства», так и от апологетов вульгарно-материалистических теорий, утверждавших, что «прекрасное есть полезное — есть специфически полезное»³⁴.

В защиту эстетических идей Чернышевского и его литературно-критических взглядов «Вестник Европы» выступал и позднее, в начале 90-х годов. В частности, к трактату Чернышевского обращался Вл. Соловьев при подготовке для «Вестника Европы» одной из глав своей книги «Основания эстетики». В связи с этим он писал Стасюлевичу по поводу своей работы «Первый шаг к положительной эстетике» («Вестник Европы», 1894, № 1): «В ней есть нечто специально приятное для нашего приятеля А. Н. Пыпина, именно некоторое заступничество за Чернышевского против Боборыкина, который недавно боборыкнул покойника в нашем московском философском журнале»³⁵. Эту свою работу Вл. Соловьев называл статьей «о Чернышевском и эстетике»³⁶.

В майской книге «Вестника Европы» за 1892 год была опубликована положительная рецензия на «Очерки гоголевского периода русской литературы», изданные сыном Чернышевского М. Н. Чернышевским при содействии А. Н. Пыпина.

Рассмотренные факты уточняют сложившиеся в научной литературе представления о литературно-общественной позиции «Вестника Европы» в 70-80-е гг. В целом эта позиция была просветительской, либерально-умеренной. Но решение такого важного вопроса, как отношение к идейному наследию Чернышевского, свидетельствует о неоднозначности воззрений сотрудников журнала в трактовке коренных идеологических и литературно-эстетических проблем эпохи. Благодаря энергичным усилиям ведущих сотрудников «Вестника Европы» — А. Н. Пыпина, Е. И. Утина, В. В. Стасова и других — журнал в 70—80-е годы объективно сыграл прогрессивную роль, напомнив передовому читателю о значении литературно-критической деятельности осужденного на вынужденное молчание революционера-демократа.

³⁴ «Вестник Европы», 1884, № 6, с. 740, 743.

³⁵ М. М. Стасюевич и его современники в их переписке, т. V, СПб., 1913, с. 376.

³⁶ Там же, с. 377. Эстетические воззрения Чернышевского в интерпретации Вл. Соловьева — тема специального исследования.

«Заряд на всю жизнь»

(о судьбе наследия шестидесятников
в России конца XIX в.)

Живой литературный процесс — это не только история писательских судеб, преемственность различных школ, направлений и методов, но и в неменьшей степени история читателя. Постоянное расширение круга читателей — одно из специфических преломлений общей тенденции к демократизации освободительной борьбы в России прошлого века. Перемены в составе читающей публики существеннейшим образом влияли на общественное развитие страны и — в первую очередь — на отечественную словесность, которая именно в конце XIX века приобрела «всемирное значение». Отмечая это, В. И. Ленин в 1901—1902 годах в работе «Что делать?» не случайно настоятельно советует читателям вспомнить «о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов...»¹.

В 1868 году М. Е. Салтыков-Щедрин в статье «Напрасные опасения» со страниц радикально обновленных «Отечественных записок» заговорил о кровной зависимости, которая существует между писателем и его читателями. Он предлагал «взглянуть на состав нашей читающей публики» и с горечью констатировал, что ядро ее «находится и донныне (со времени 1840-х годов — В. П.) в той небольшой и замкнутой среде, к которой мы издавна до такой степени привыкли приурочивать все проявления нашей умственной деятельности, что, в строгом смысле, и самую литературу нашу можно почти назвать кастическим достоянием»². Но, признавая бесспорное для него преобладание в публике дворянских читателей, М. Е. Сал-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. VI, с. 25.

² М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20-ти тт., т. 9, М., «Художественная литература», 1970, с. 7.

тыков-Щедрин же без оснований верил, что «семена самосознания, брошенные в последнее время на почву русской жизни, значительно расширят границы этой среды в будущем...»³.

Крестьянские брожения 1860-х годов нашли самоотверженное сочувствие в среде «народных заступников». «Падение крепостного права, — писал В. И. Ленин, — вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля... освободительного движения...»⁴. Русский интеллигент-разночинец быстро обрел свой неповторимый облик, свою социальную биографию, свои этические и эстетические представления. Совсем молодые, но уже достаточно зрелые, много перевидавшие, передумавшие и перечувствовавшие, они нередко учились по книжкам журнала «Современник», хорошо знали «Что делать?», и роман Чернышевского, как это было, к примеру, с юным Вс. Гаршиным, становился их любимой книгой вместе с «Хижиной дяди Тома» Г. Бичер-Стоу или «Собором Парижской богородицы» В. Гюго⁵. В сознании новых поколений читателей, как будет вспоминать о собственных гимназических годах В. Г. Короленко в «Истории моего современника», Рахметов быстро стал одним из популярнейших героев⁶. Роман Чернышевского был в числе «до невозможности истрепанных, зачитанных книжек»⁷. Не случайно ведь заметно поправевший Б. Н. Чечерин в 1881 году с плохо сдерживаемым раздражением рассуждал о том, что «в России периодическая печать в огромном большинстве своих представителей явилась элементом разлагающим; она принесла русскому обществу не свет, а тьму. Она породила Чернышевских, Добролюбовых, Писаревых и многочисленных их последователей, которым имя ныне легион»⁸.

«Жить зря», бродить «разочарованным» без всякого дела он (разночинец — В. П.) не может уже потому, что он не помещик, а пролетарий, хотя бы и дворянского происхождения. Он должен в поте лица своего зарабатывать хлеб свой», — так воспроизводил социальный портрет поколения 70-80-х годов Г. В. Плеханов⁹. Дух демократизма, поиски настоящего, практического, общественно-полезного дела, способного решить «проклятые» вопросы жизни, стремление не только связать, но в буквальном смысле отождествить слово с делом — вот что в самом общем виде характеризует русского разно-

³ Там же, с. 8.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

⁵ См.: Г. А. Бялый. Всеволод Михайлович Гаршин, Л., «Просвещение», 1969, с. 11.

⁶ В. Г. Короленко. Собр. соч. в 10-ти тт., т. V, М., 1954, с. 318—319.

⁷ Ал. Алтаев. Памятные встречи. Серия лит. мемуаров. Гослитиздат, 1957, с. 326.

⁸ К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. I, полутом 1-й М.—Пг, Госиздат, 1923, с. 107.

⁹ Г. В. Плеханов. Литература и эстетика, т. II, М., Гослитиздат, 1958, с. 222.

чинца конца XIX века и вот где истоки глубокой внутренней связи его с революционно-демократической традицией 1860-х годов. «Когда-то, — заметит В. Г. Короленко, — Иван Аксаков писал отцу и брату о настроении тогдашнего общества: если нужно найти в провинции честного человека, то следует искать его среди поклонников Белинского... То же, конечно, можно было сказать о следующем поколении, воспитавшемся на Добролюбове и Чернышевском»¹⁰. Подобно герою «Записок степняка» А. И. Эртеля, многие русские интеллигенты 1880-х годов с завистью думали о годах сороковых-шестидесятых: «Счастливые люди жили в те годы! ...Вера в них была, цельность была, врага они ясно видели, идеалы свои ощупывали руками»¹¹.

В том, что идеи и образы Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и других «шестидесятников» — живой факт литературного процесса 1870—1890-х годов, убеждают и некоторые печатные публикации той поры, и дошедшие до нас читательские письма, и многочисленные свидетельства заинтересованно наблюдавших за умонастроеннием публики жандармов, и многие другие документальные материалы.

«Шестидесятые годы так близки к нам, — писал в 1881 году журнал «Дело», — что вопрос об идеалах тогдашнего поколения можно с полной справедливостью считать злобой дня... Последователи Белинского провели в сознание общества такие идеи, которые показались бы опасными передовым людям сороковых годов»¹².

Сама по себе избирательность в чтении, не совпадавшая с официозной, могла стать основанием для явных или тайных преследований. Любопытное на этот счет умозаключение сделал в 1882 году жандармский штабс-капитан из Сердобского уезда Саратовской губернии, некто Н. Лихтанский, донося на двух студентов, Н. Ненарокова и П. Гуглинского (полностью сохраняется описание подлинника): «В политической неблагонадежности оба они фактически хотя и не были замечены; но судя по их беспорядочной жизни, избеганию знакомств и даже встреч с людьми своего круга и наконец по имени у себя книг изъятых из обращения и отобранных мною при обыске, дают возможность предполагать, что образ мыслей их не вполне надежен и направление более свободно, чем следует»¹³.

Когда в том же 1882 году у молодого саратовского врача В. Д. Ченькаева при обыске нашли клочок бумажки, на кото-

¹⁰ В. Г. Короленко. Собр. соч. в 10-ти тт., т. VI, М., Гослитиздат, 1954, с. 190.

¹¹ А. И. Эртель. Записки степняка. Очерки и рассказы, М., Гослитиздат, 1958, с. 3—4.

¹² «Дело», 1881, № 10, Совр. обозрение, с. 72.

¹³ ГАСО, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 46 (1882 г.) л. 10, об.

ром написаны были «стихи возмутительного содержания», обвиняемый, чтобы отвести от себя подозрения в прямой неблагонамеренности, вынужден был заявить, что авторство найденных строк принадлежит не ему: «Помнится, что в 1876—1877 году эти стихи очень нравились петербургской молодежи, почему, вероятно, и я их записал себе на память; автором этих стихов, если не ошибаюсь и если не наврали товарищи, называли какого-то поэта Михайлова»¹⁴. Стихи в деле, к сожалению, не сохранились, но, по всей вероятности, речь шла о друге и сподвижнике Чернышевского и Добролюбова М. И. Михайлове.

Знаменательно, что при обысках вместе с антиправительственными политическими брошюрами, листовками, оружием конфисковывались и приобщались к следственным делам «преступные» подцензурные издания Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина или выписки из их сочинений. В 1900 году на квартире одной из учениц Саратовской фельдшерской школы Т. В. Карауловой была отобрана, к примеру, рукопись «Опыт программы для систематического чтения», начинавшаяся с таких общих зрелых суждений: «Составляя программу для чтения, необходимо прежде всего решить вопрос, каким требованиям должен удовлетворять каждый практический прогрессивный деятель, одних знаний, одного умственного развития недостаточно. Что бы мы ни говорили о зависимости нравственного уровня личности от ее умственного развития, — необходимо признать, что очень и очень многие «образованные люди» оказываются неспособными провести в жизнь то, что считают хорошим. Первое основное требование, без которого немислим действительно прогрессивный деятель, это высокое нравственное развитие, готовность отдать ему все свои силы, самого себя...

Одним из условий, благоприятных для такого развития, нужно признать чтение, целесообразно направленное. Раз у такого нравственно развитого человека является неясная на первых порах мысль об общественном деле, немедленно возникает желание определить точнее, конкретнее, что именно нужно делать, куда приложить свои силы». Рассуждениям этим предпосылались созвучные строки из стихотворения Некрасова 1859 года «Песня Еремушке»:

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.
С ними ты рожден природою —
Возделей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они¹⁵.

¹⁴ ГАСО, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 49 (1882 г.), л. 50—50, об.

¹⁵ ГАСО, ф. 53 опр. 1 ед хр. 42, т. 1 (1900 г.), лл.79—80.

От усердного внимания жандармов не ускользнуло и то, что на одном из листов, изъятых у 17-летнего гимназиста А. Альтовского, ученика 2-й Саратовской гимназии, начертаны фразы, служившие ключом для ведения шифрованной переписки, и среди них цитаты из «Железной дороги» и строки из «Размышлений у парадного подъезда» Некрасова, ставшие, как известно, распространенной студенческой песней¹⁶.

Среди многочисленных источников изучения читателя (укажем хотя бы на поэтически опосредованные сведения, которые можно почерпнуть из круга и характера чтения героев художественных произведений; прямые и косвенные обращения к читателю, включенные в повествовательную структуру; критико-публицистические, эпистолярные признания литераторов, материалы периодики, мемуарные свидетельства и др.) особое место по праву следует закрепить за своего рода первоисточниками — дошедшими до нас читательскими письмами, адресованными художникам, критикам, публицистам, педагогам, пропагандистам книги, редакциям журналов и газет. Между тем «до сих пор еще не собраны и не обнародованы ценнейшие материалы... особенно письма читателей, а также и другие документы, которые свидетельствуют об активном, необыкновенно действенном влиянии сочинений Чернышевского на умонастроения демократической интеллигенции семидесятых-восьмидесятых годов»¹⁷.

Велико было воздействие на умы и сердца русской молодежи Н. К. Михайловского, особенно в пору сотрудничества его в «Отечественных записках» Некрасова и Салтыкова-Щедрина. В письмах читателей к Н. К. Михайловскому (хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР) содержится немало ярких свидетельств неослабевающего в последние десятилетия прошлого века интереса к революционно-демократическому наследию 60-х годов.

Авторы писем рассказывают о себе, делятся своими мыслями о современной русской жизни, интересуются наиболее рациональными способами самообразования. Молодые люди негодуют на то, что в гимназиях им «преподают историю царей, историю эксплуатации сильным слабого, выставляя ее за справедливость», в то время как их неудержимо влечет к сочинениям Чернышевского, Герцена, Белинского, Писарева, Добролюбова¹⁸.

Учитель из Харьковской губернии А. Н. Дядиченко просит

¹⁶ Там же, л. 251.

¹⁷ Е. Покусаев, Н. Г. Чернышевский. Очерки жизни и деятельности. Изд. 4-е, испр. и доп. Саратов, 1967, с. 236—237. В этой же книге впервые упомянуты и процитированы некоторые отзывы о Чернышевском, адресованные Н. К. Михайловскому, и, в частности, приводимые ниже письма К. Борецкого и Воробьева (с. 237—238).

¹⁸ ИРЛИ, ф. 181, оп. 2, ед. хр. 23, л. 5, об.

Михайловского дать «указания для самостоятельного развития» и добавляет: «Не сообщите ли (Вы коротких сведений о Н. Г. Чернышевском. Посоветуйте, как добыть и за сколько все «О <течественные> 3 <аписки>» 68—84 годы»¹⁹. Бывший сельский учитель К. Борецкий, в 1886 году обращаясь к Михайловскому за помощью и поддержкой, решает поведать ему свою, характерную для 80-х годов, историю, одну из тех, о которых рассказывал Салтыков-Щедрин в цикле очерков «Мелочи жизни»: «Дело, видите, вот в чем. Был я народным учителем. Год служу, — скверно: народ-приказчик, школа построена купцом-крестьянином, инспектор-рутинер и формалист. Хотел оставить школу с первого же года, да как-то не ловко показалось отступать; решил еще года два-три проучительствовать в ней: авось, думаю, что-нибудь да успею сделать. Но во второй год еще хуже. Инспектор становится поперек дороги даже в самых невинных начинаниях, как напр., в устройстве детской библиотеки, в ремесленных занятиях и т. п. Пробовал приспособиться — все толку мало. В довершение всего мои сослуживцы — второй учитель и поп — делают на меня инспектору донос, что религиозные мои убеждения не согласны с учением православной церкви, что читаю Чернышевского, Отечеств. Записки и даже «Народную Волю» и пр. Ну, понятное дело, меня немедленно уволили от занимаемой должности, не потребовав даже предварительно никаких объяснений. Мало этого, дело было передано полиции; меня арестовали. По указанию учителя-доносчика начались аресты моих знакомых.... Словом, вышла одна из тех грустных, безобразных историй, которые возможны только у нас»²⁰.

Воспитанник Учительского института Воробьев (из Оренбурга) задается вопросом, что собственно способствует в жизни «восприятию благородных идей», Он пишет Михайловскому (письмо датировано 25 августа 1882 года): «<...> изучил я прошлую жизнь Рахметова, кажется, безобразна очень, а тем не менее Рахметов оказался способным к восприятию идеи. Почему? Какие элементы способствовали восприятию идеи?»²¹. Читатели спрашивают, где и что можно прочесть о Добролюбове, Писареве, Варфоломее Зайцеве, «который ведь уже тем замечателен, что был человеком 60-х годов и очевидно любим Д. И. Писаревым»²².

Были письма, авторы которых, несмотря на то, что касались вопросов сложных и запутанных, ждали откликов скорых, незамедлительных. Но чаще встречались такие читательские обращения, которые не требовали прямого, непосредственного ответа. Это письма-исповеди, признания, объяс-

¹⁹ ИРЛИ, ф. 181, оп. 2, ед. хр. 45, л. 10, об.

²⁰ ИРЛИ, ф. 181, оп. 2, ед. хр. 28, л. 4, об.

²¹ ИРЛИ, ф. 181, оп. 2, ед. хр. 17, л. 1

²² ИРЛИ, ф. 181, оп. 2, ед. хр. 59, л. 26.

нения. «Вы так же дороги мне, — пишет Евг. Коверенков из Рузы, — как Добролюбов и Гл. Успенский <...> Если это письмо скажет Вам, что у Вас есть, по выражению Щедрина, читатель-друг, то цель моего письма будет достигнута»²³. В апреле 1879 г. читатель из Петербургского уезда А. Н. Копыткин так отзовется о литературных и политических врагах критика и публициста «Отечественных записок»: «Вам, Николай Константинович, выпала на долю завидная участь сделаться предметом их ненависти и литературных преследований. Вы можете гордиться этим наравне с Добролюбовым, Писаревым и др.». Вспоминая 60—е годы и сравнивая их с современностью, имея в виду героев Чернышевского, Тургенева, Оммулевского, автор письма продолжает: «Чем-то великим, недосыгаемо высоким казалась деятельность Лопуховых, Базаровых и т. п.; а между тем жизнь наполнялась исключительно людьми этого сорта, так что стоило явиться только в эту самую жизнь, как со всех сторон сбегались Кирсановы, Светловы и вообще все, с кем сроднился, читал рассказы об их жизни»²⁴.

А. С. Бурмакин, рабочий-самоучка из Златоуста, «по бедности» не кончавший никаких школ, но ценой огромного упорства приобщившийся к чтению, замечает в 1891 г.: «Напрасно наш великий сатирик Михаил Евграфович однажды усомнился в существовании <...> читателя, он живет «в каждом глухом городишке», он знает своих лучших людей, всегда помнит о них, благоговевает перед ними, усиленно воплощает в своей жизни идеи добра и правды». О своем круге чтения А. С. Бурмакин говорит так: «Учиться начал, когда мне было 17—18 лет. В 1867—8 гг. как-то сам собой образовался кружок таких же, как и я, жаждущих знаний. Учили все без разбора, без системы: и арифметику, и химию, и геометрию, грамматику и зоологию. Читали и Писарева, и «Неделю» первых годов ее существования, тогда очень либеральную, даже радикальную, а потом, с 1868 г., обновленные «От. зап.» «Современник» читали мало. В то время, когда ум озарился некоторыми знаниями, негде было взять старых книжек этого журнала. Некрасовские и Салтыковские От. Зап. читал до конца»²⁵.

Шестидесятники, среди них прежде всего Чернышевский, в последнюю треть века продолжали быть духовными наставниками русской молодежи, а их труд и борьба воспринимались как идеал гражданского служения России, народу, родной литературе. Чтобы как можно лаконичнее и яснее представиться Михайловскому, читатели нередко замечают лишь, что относятся к числу тех, «кому дороги имена Г. З. Елисева и Н. Г. Чернышевского»²⁶. Давая оценку эклектичной и

²³ ИРЛИ, ф. 181, оп. 2, ед. хр. 30, л. 2.

²⁴ ИРЛИ, ф. 181, оп. 2, ед. хр. 62, лл. 33, 35.

²⁵ ИРЛИ, ф. 181, оп. 2, ед. хр. 20, л. 2.

²⁶ Там же, ед. хр. 67, л. 2, об.

неразборчивой в средствах либеральной русской печати, читатель П. Кувайцев в 1898 г. высказывает сожаление, что «нет, кажется, ни отдельных сочинений, ни журнальных статей о ведении газетного дела, редактировании и издательстве газет, способах наибольшего влияния на читателей <...>, о том, что нужно помещать в газете, что не нужно, что важно для умственного и нравственного развития читателя, что нет. А это жаль очень и очень». И следует примечательное добавление: «Припоминается, Чернышевский говорил, что нужно как можно меньше «лимфы», припоминается строгое до придирчивости отношение к делу Добролюбова, и становится грустно»²⁷.

Читатель из Харькова в конце 70-х гг. обращается к Михайловскому с призывом ответить на вопрос, волнующий Россию: «Что делать современному молодому поколению, чем оно должно быть, к чему оно должно стремиться», «старые ответы на вопрос, которые давались Писаревым и Чернышевским, этими лучшими моими учителями, все ли годны для «детей» всех времен». Пусть Михайловский выскажет «свое мнение печатно», «так, как это делал дорогой наш учитель — Чернышевский, между строк»²⁸.

Подобную независимость суждений и вкусов, постоянство идейно-эстетических привязаностей, шедших вразрез с официальными, настойчивую активность читательских высказываний и читательского, гражданского поведения сам Н. Г. Чернышевский называл «живым влиянием общественного мнения на литературу»²⁹.

Огромным смыслом наполнен тот факт, что именно в 1880-е годы происходит близкое и давшее «заряд на всю жизнь» знакомство Владимира Ульянова с сочинениями Чернышевского, Добролюбова, с публикациями «Современника». Ленин решительно ограждал труды Чернышевского от несправедливых наскоков красноречивых эстетов, от всяких попыток преуменьшить роль автора «Что делать?» — не только политика, философа, экономиста, но и художника. Нужно хорошо знать, учил Ленин, когда и что читать. Преждевременное, раннее и, как правило, поверхностное знакомство с серьезными и сложными книгами, рассчитанными на зрелость восприятия, бесполезно. Другое дело, когда приходишь к художнику внутренне подготовленным, когда обращаешься к нему, обогащенный собственным жизненным опытом. «После казни брата, — рассказывал В. И. Ленин, — зная, что роман Чернышевского был одним из любимых его произведений,

²⁷ ИРЛИ, ф. 181, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1, об.

²⁸ Там же, ед. хр. 114, лл. 1; 1, об; 3, об.

²⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. 3, М., Гослитиздат, 1947, с. 307.

я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Тогда только я понял глубину»³⁰.

В. И. Ленин — читатель произведений революционно-демократических авторов — тема, требующая своего специального и обстоятельного литературоведческого освоения.

³⁰ В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 3-е, доп., М., «Художественная литература», 1967, с. 653.

ПУБЛИКАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ

Мировоззрение Чернышевского-семинариста

Среди многочисленных книг, брошюр и статей, посвященных жизни и творчеству Чернышевского, сравнительно скромное место занимают работы, анализирующие начальные этапы жизни и деятельности великого русского революционера¹. В подавляющем большинстве общих работ о Чернышевском саратовский период его жизни характеризуется, в основном, в биографическом плане². Используются, как правило, мемуарные источники³ и немногочисленные упоминания самого Чернышевского.

Трудности анализа самого раннего периода становления мировоззрения будущего великого русского мыслителя упираются прежде всего, казалось бы, в отсутствие произведений самого Чернышевского. Отсюда, естественно, возникает необходимость обращения к косвенным источникам, прежде всего к мемуарной литературе. Но в том-то и дело, что есть довольно обширный источник для характеристики мировоззрения молодого Чернышевского, мимо которого фактически прошли исследователи наследия русского мыслителя. Это — многочисленные семинарские сочинения Чернышевского, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства⁴. Не следует думать, что найден документальный

¹ См. Н. М. Чернышевская. Н. Г. Чернышевский в Саратове. Саратов. кн. изд-во, 1952. Книга эта — фактически единственная работа, специально посвященная начальному этапу жизни Чернышевского.

² См., например, А. П. Скафтымов. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского, изд. 2. Саратов. кн. изд-во 1947; Е. И. Покусаев. Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и деятельности. М., 1960 и другие.

³ Сейчас они систематизированы и изданы (см. Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. 1, 2. Саратов. кн. изд-во, 1958).

⁴ См. ЦГАЛИ, фонд 1 — Н. Г. Чернышевский. Опись документальных материалов фонда личного происхождения, № 1, М., 1955.

источник, ранее неизвестный исследователям. Семинарские сочинения упоминаются в литературе о Чернышевском⁵.

Но подавляющее большинство семинарских сочинений Чернышевского осталось неопубликованными. Их как-то попросту забыли. Если на них и ссылались, то чаще всего в поисках подтверждения отдельных мыслей, умонастроений, но не как на источник, дающий возможность охарактеризовать в целом мировоззрение Чернышевского этого периода⁶. Отсутствие публикаций подавляющего большинства семинарских сочинений приводило к тому, что некоторые исследователи стремились, ссылаясь на них, модернизировать мировоззрение будущего великого русского материалиста⁷. Зачастую получалось так, что исследователи этого периода жизни Чернышевского не столько внимания уделяли анализу содержания его взглядов, сколько выявлению тенденций, которые характеризовали бы будущего Чернышевского-революционера. Наиболее верная общая характеристика взглядов Чернышевского-семинариста была дана В. Е. Евграфовым⁸.

Таким образом, нет систематического исследования семинарских сочинений, а ведь это единственный документальный источник для характеристики мировоззрения молодого Чернышевского. Его значение трудно переоценить, хотя сам Чернышевский дает уничижительную оценку своим семинарским сочинениям. В полемике с П. Д. Юркевичем он обращает внимание своего противника на то, что его аргументы азбучны, несостоятельны и затасканы даже семинаристами⁹. И все же он имеет в виду не столько себя, сколько типичного дюжинного семинариста в типичных семинарских условиях, лишенно-

⁵ Так один из первых исследователей, получивший доступ к архивам семьи Чернышевских, Е. А. Ляцкий в одной из публикаций приводит отрывки из семинарского сочинения (см. «Современный мир», 1908, июнь, с. 40). Периодически появились публикации отдельных семинарских сочинений Чернышевского (см. книги: Н. М. Чернышевская. Н. Г. Чернышевский в Саратове, с. 139—142; Е. же. Н. Г. Чернышевский в Саратове, Детские и юношеские годы, Саратов, кн. изд-во, 1948, с. 138, 142—143; Литературное наследство (т. 25/26, М., 1936), «Звенья» (№ 8, М., 1960); Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. 16).

⁶ См., например: Н. М. Чернышевская. Н. Г. Чернышевский в Саратове, Саратов, кн. изд. и другие.

⁷ Это особенно ярко проявилось в монографии В. Г. Баскакова «Мировоззрение Н. Г. Чернышевского» (М., 1956, с. 330 и др.) Правда, нельзя согласиться и с противоположной тенденцией увидеть в семинарских сочинениях «вполне ортодоксальные положения православного религиозного мировоззрения», хотя и осложненные «критическим» элементом (см. Литературное наследство, 25—26, с. 122; статья Е. А. Ляцкого и др.)

⁸ См. его вступительную статью к XVI тому Полного собрания сочинений, где справедливо доказывается, что Чернышевский не мог быть в семинарский период «материалистом в области философии». С подобных в принципе правильных позиций характеризуется формирование идей Чернышевского и в «Истории философии в СССР» (т. 3, М., 1968).

⁹ Чернышевский прямо ссылается на свой семинарский опыт, оценивая его схоластичность, примитивность аргументации и т. д. (см. Полн. собр. соч., т. 6, с. 725 и след.)

го «порядочных книг», «беспомощного» в самообразовании. Условия жизни и умственного развития молодого Чернышевского, как известно, подобные (типичные для массы семинаристов) обстоятельства исключают.

Анализируя многочисленные семинарские сочинения Чернышевского (их свыше 200), не трудно отметить разнокачественность их содержания. Встречаются чисто учебные произведения, на темах которых происходила тренировка ума семинариста для обоснований ортодоксально христианских догм и правил¹⁰. Но есть среди семинарских автографов и другие: они посвящены широким проблемам — сущности мира, природы человека, закономерностям человеческого познания, своеобразию истории человечества. Насквозь пронизанные богословскими выводами и постуляциями, они вместе с тем давали простор для ищущей мысли семинариста, отражали его размышления. Разумеется, даже по такого рода сочинениям затруднительно дать развернутую характеристику миропонимания семинариста Чернышевского, так как на них лежит печать учебной, тематической ограниченности, возрастных особенностей автора и т. д. Но главные моменты его мироощущения, основные представления о мире, человеке, истории сочинения воспроизводят точно. Анализируя их, нельзя забывать условий, в которых формировался молодой Чернышевский. А. Н. Пыпин, воспитывающийся в аналогичных с Чернышевским условиях, отмечал отрезвляющее действие «мрачных картин насилия, жестокости, подавления личного и человеческого достоинства», а также различных «проявлений крепостного произвола»¹¹. Аналогичную роль «опытов жизни» отмечал Чернышевский в своих незаконченных автобиографических заметках¹². «Личное знакомство с обыденною жизнью массы», по словам Чернышевского, определяло его взгляды на жизнь, ибо среда, в которой он воспитывался и жил, была «хаотически» противоречивой: религиозно возвышенное прихотливо сочеталось в ней с реалистически земным; теоретически господствовавшее оказывалось в противоречии с «обыденною жизнью»¹³. Громадную роль играло чтение: юный «пожиратель книг», по свидетельству родных и всех знавших его в это время, был блестяще знаком с религиозной литературой и лучшими реалистическими произведениями всех времен.

¹⁰ Так чисто логически постулируется «силлогизм философский» (ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 293, л. 1), обосновываются темы «Хрий порядочных» — счастье делает человека веселым, а несчастье мудрым; должно обуздать страсти и т. д.

¹¹ А. Н. Пыпин. Мои заметки, М., 1910, с. 9—10.

¹² См. Н. Г. Чернышевский. Из автобиографии. — Полн. собр. соч., в 15-ти тт., т. 1.

¹³ См. там же, с. 614, 632, 642-3, 671-2, 680 и др. Большой материал о социальном окружении и влиянии его на Чернышевского собран Н. М. Чернышевской (см. Н. М. Чернышевская. Н. Г. Чернышевский в Саратове).

Эти и другие влияния определяли противоречивое мировоззрение семинариста, в значительной степени зафиксированное в его семинарских сочинениях.

В одном из сочинений Чернышевский характеризует «бытие мира» как результат действия двух сил — «сжимательной и расширительной», взаимодействие которых и «есть основной закон бытия вещей»¹⁴. Чернышевский делает попытку объяснить мир, сославшись на автономные законы самого мироздания. Подобный вывод не случаен. Чернышевский неоднократно будет его повторять¹⁵. Ссылка на естествоиспытателей и конкретный естественнонаучный материал, приводимый им, показывает силу и проницательность молодого семинариста, не желающего ограничиться догмами откровения и схоластическими доказательствами, но не снимает религиозно-идеалистических решений. В сочинении «Аналогия между образованием суждения и творением мира» так характеризуется процесс образования мира: Мир в течение длительного времени был «мертвой грудой» без «качества» и «внутренней связи». Это и есть то состояние хаоса, о котором писали многие философы и естествоиспытатели. Но бог, по Чернышевскому, сказал: «Да будет», — и эта «бескачественная и мертвая масса» «получает определенные качества и жизнь»¹⁶. Хаос превращается в детерминированный порядок, развивающийся по собственным законам. Поэтому бог не только является творцом, начинающим процесс образования мира, но сама вселенная оказывается воплощением божественной идеи (идеи, разумеется, с большой буквы)¹⁷. Так и получается, что у Чернышевского, с одной стороны, бог предстает творцом и сущностью мира, с другой — мир все более рассматривается в качестве автономного, саморазвивающегося явления, в котором богу отводится в лучшем случае место первотолчка.

Подобные выводы были далеки от традиционного богословского взгляда. Это и естественно, ибо молодой семинарист стремится опереться не только на «голую» веру, но и на достоверное знание, не понимая, разумеется, их несовместимости. С этой точки зрения, показателен и конспект курса «Записки на метафизику. Профессора философии Московской духовной академии Ф. А. Голубинского», который находится в архиве Чернышевского¹⁸. В «Записках на метафизику» находим прямое опровержение мнения, что «каждая поодиночке вещь отдельно, прямо и вдруг была создаваема Богом из ничего: напротив того, мы должны полагать, что прежде всего сотворе-

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 310, л. 9 об—10.

¹⁵ Там же, л. 14 об.

¹⁶ См. ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 310, л. 8 об—9.

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 1, ед. хр. 310, оп. 1 л. 14 об.

¹⁸ Лекции Голубинского не входили в семинарский курс (см. Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, т. 2, Изд-во Саратов. ун-та, 1961, с. 202).

но первоначальное и всеобщее вещество мира, а потом уже из этого вещества образован постепенно *по законам физическим и механическим* как мир вообще, так и каждая в отдельности часть его»¹⁹. «Первозданным веществом», сотворенным богом и в дальнейшем развивающимся совершенно самостоятельно, является эфир. Мировые формы эфира — свет, теплота и тяжесть²⁰. В «планетных формах бытия» эфир становится электричеством и воздухом, химизмом и водою, кристаллизмом и землею. Нисходя в «земную область бытия», эфир превращается в атмосферу, море и материю. В основе развития мирового эфира лежат три основных акта — «три акта *силы природы* в творении мира»²¹: «1. Возбуждение. 2. Движение. 3. Притягивание»²². Благодаря последовательному и закономерному развитию сил природы мир обладает «внутренней связью», которая и делает его «гармоническим целым». Акцентирование внимания на «силах природы», их закономерностях (наряду с признанием первоначального акта божественного творения) приводило Чернышевского к утверждению объективности лежащего вне нас мира. Для него совершенно очевидно, что «мир внешний конечный неоспоримо существует предлежательно... он действует на нас... мы можем познать и познаем его»²³. В основе процесса познания человеком лежащего вне его мира лежит «чувственное познание». Чувственные органы человека дают в основном правильную и адекватную картину объективного мира. Он резко выступает против Эккартсгаузена, доказывающего, что «чувственные органы» часто превратно дают «отражение предмета», и поэтому человек не может «полагаться на те познания о предметах, которые получаем при посредстве чувств»²⁴. Чернышевский не считает, что доказательства для подобного мнения «вовсе нет». Но в целом, полагает он, чувства позволяют узнать истину²⁵. В обоснованиях Чернышевского много патетики и риторики, так как он сам еще не может привести убедительных доказательств достоверности наших познаний. В этот период Чернышевский еще не сумел подняться до понимания практики как критерия истины и вынужден был искать априорных доказательств. Он их и находит в телеологическом принципе: бог создал мир и человека, он же дал «чувства» человеку для познания мира²⁶. Ар-

¹⁹ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 305, л. 98. подчеркнуто мною.

²⁰ Там же, л. 104.

²¹ Там же, л. 108, подчеркнуто мною.

²² Там же, л. 109.

²³ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 296, л. 161.

²⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. 16, с. 374.

²⁵ Там же, т. 16, с. 374—375.

²⁶ Там же, т. 16, с. 375.

гументация эта ошибочна, но главное — вера Чернышевского в возможность познания мира, в безграничность человеческого действования. Он пытается опровергнуть агностиков, хотя ему явно не хватает естественнонаучных, опытных доказательств. С позиции последовательного объективного идеализма (осложненного теологией) Чернышевский резко критикует «идеалистов», утверждающих, что «душа сама из себя создает весь мир внешний, конечный»²⁷.

В сочинениях семинарист неоднократно выступает против философов, доказывающих, что «умственный мир душа наша создает сама из себя, независимо ни от чего постороннего», что «все наши познания суть не что иное, как самообольщение и призраки... существующие только в нашем воображении»²⁸. Для него совершенно ясно, что подобный подход отвергает и логику и науку²⁹. А логика есть воплощение человеческого разума. Отказ от логики есть отказ от разума и от науки вообще. Чернышевский строит целую систему градаций идеалистов, опровергающих возможность познания мира³⁰, и всем им противопоставляет убеждение, что «конечные внешние предметы суть причины наших представлений о них»³¹. Он апеллирует к наглядности представляемых человеком лежащих вне его предметов³². Все человеческие представления (даже ложные) отражают действительный мир; душа бессильна произвести что-либо из себя³³.

Основные силы, действующие в природе, утверждает Чернышевский, не стабильны; они постоянно взаимодействуют друг с другом, создавая только временное равновесие — конкретный предмет, который человек и познает. Беспреданное изменение предметов реального мира, казалось бы, начисто опровергает возможность их познания человеком. Чернышевский же полагает, что «предметы мира физического действительно должны непрестанно изменяться», но «верности наших познаний о них» это не вредит, так как «полученное чувствами впечатление от предмета сообщается сознанию с быстротою молнии». Если в предмете происходит существенное изменение, «то это изменение чувства наши должны заметить — и представление предмета должно измениться тотчас же». Если в предмете изменяются «только незначительнейшие, незаметные для чувства части», то это для сложившегося пред-

²⁷ ЦГАЛИ, ф. 1 оп. 1, ед. хр. 310, л. 18 об.

²⁸ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 296, л. 158.

²⁹ См. там же, л. 159.

³⁰ См. там же, л. 159, об—160.

³¹ См. там же, л. 161.

³² Там же, л. 165.

³³ Там же, л. 167—167 об. Ср. с «Эстетическими отношениями искусства к действительности», где аналогичные представления вытекают и обосновывались с позиций последовательного материализма. Здесь же апология действительности при общем идеалистическом подходе характеризует реалистичность его позиции.

ставления о предмете неважно, так как «эти части... не участвовали в произведении понятия»³⁴. Приведенная аргументация наивна и абстрактна. Чернышевский еще не может конкретно, на основании точных естественнонаучных фактов раскрыть процесс отражения постоянно изменяющегося материального мира в психике человека. Но последовательно отстаивая возможность и безграничность познания объективного мира, он пытается реалистически, на конкретных фактах, известных науке его времени, доказать антинаучность субъективного идеализма и доводов агностиков.

Чернышевский довольно большое место в своих представлениях отводит богу,³⁵ хотя постоянно стремится рассмотреть мир с точки зрения его внутренних законов развития. Реалистические аргументы соседствуют с религиозными обоснованиями. Но мир для него не только вне человека лежащая действительность, это и сам человек. Поэтому он стремится выяснить характер взаимоотношений между богом и человеком. Отношение бога к человеку рассматривается прежде всего в морально-этическом аспекте: бог (религия) дает моральный кодекс, выполнение которого закономерно должно привести человека к подлинной свободе и счастью; человеческое общество существует и развивается благодаря этическим нормам религии³⁶. Чернышевский в этом вопросе стоит на ортодоксально-религиозных позициях³⁷. Человек для Чернышевского фактически есть единство двух начал, хотя зачастую он сам не может уяснить, как «существо духовное» (душа) сочетается в человеке с «материальными чувственными органами». Подчеркивая зависимость человека от бога, семинарист вместе с тем утверждает относительную самостоятельность человека — высшего порождения природы, обладающего разумом: «... разумные твари, — утверждает он, — должны иметь природу самовластную и действовать свободно при руководстве разума»³⁸. Но природа человеческая двойственна — она и материальна, и духовна (разумна). Пытаясь объяснить это, Чернышевский наивно полагает, что «тело человеческое происходит от семени Адамова, а душа дается от бога»³⁹.

В сочинении «Смерть есть понятие относительное»⁴⁰ Чернышевский разбирает две точки зрения на смерть и жизнь: 1) в мире нет ничего мертвого — все живет; 2) в мире нет ничего живого — все умирает. Юноша приходит к выводу, что,

³⁴ См. ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 296, лл. 169—169 об.

³⁵ См., напр. ЦГАЛИ, ф. 1 оп. 1, ед. хр. 310, л. 15, 15 об., 17 и др.

³⁶ См., напр., ЦГАЛИ, ф. 1 оп. 1, ед. хр. 296, 1—2; л. 40 об и др.

³⁷ Именно бога как высшую морально-этическую инстанцию изживал он мучительнее всего (см. дневники университетских лет).

³⁸ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 296, л. 40.

³⁹ Там же, кстати, появление человеческого телесного организма относит за счет длительной и самостоятельной эволюции материальных начал («семена Адама»).

⁴⁰ См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. 16.

собственно, о смерти говорить не приходится — и духовное, и материальное в человеке и в мире в целом не уничтожается. Доказательства бессмертия души, разумеется, не являлись ни новыми, ни оригинальными. А вот утверждение бессмертности тела, которое после смерти человека продолжает существовать в «измененном, разрозненном виде»⁴¹, безусловно, интересное достижение молодого Чернышевского, контрастирующее с его идеалистическими выводами. Чернышевский начинал с утверждения двойственности человеческой природы, а кончает доказательством монизма природы человека. И этот монизм человеческой природы он видит в духовности. Дух — вот основа и отличительная особенность человеческой субстанции. Эта особенность опосредует познавательные способности человека, который прежде всего должен познать самого себя, так как «...тайны бога и природы, которые может познать человек, заключаются для него в нем самом...»⁴². Здесь явный зачаток идеалистического антропологического принципа, сводящий любое философское рассмотрение к антропоцентрическому началу. Именно поэтому историю человечества Чернышевский рассматривает по аналогии с развитием отдельного индивидуума⁴³. Следует отметить существенную сторону антропологических идей молодого Чернышевского — познание самого себя необходимо не только для познания природы, общества, но и бога⁴⁴. Человек, тем самым, превращается в центр мироздания. Только сквозь призму человеческой природы становится возможным представить истинную картину мира. Здесь начинают завязываться представления, которые позже приведут к фейербахианскому решению: бог создан по образцу и подобию человеческому. Но до подобных материалистических выводов лежит еще перед талантливым юношей тернистый путь размышлений, разочарований, открытий.

Соотношение веры и знания занимает Чернышевского постоянно. Реалистичность его позиций сказывается и при решении этого вопроса. Чернышевский подразделяет все науки на две категории — на опытные и умозрительные⁴⁵. Опытные науки основываются «на вере и авторитете», так как колоссальный фактический материал, которым они оперируют, практически не проверяем каждым человеком в отдельности. В данном случае «вера и авторитет» в опытных науках понимаются как согласие с научно проверенными фактами других и не имеет ничего религиозно-мистического. Человек принимает на веру массу знаний, исходя из авторитета соответствующих специалистов. Полученные таким образом знания позволяют

⁴¹ Там же, с. 376.

⁴² ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 310, л. 11 об.

⁴³ См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. 16, с. 382.

⁴⁴ См. ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 310, л. 16 об.

⁴⁵ См. «Звенья», № 8, М., 1950, с. 502.

ему успешно двигаться вперед по пути познания окружающего мира. Иное положение, по Чернышевскому, в так называемых умозрительных науках, где нет места авторитету. Подчеркивание невозможности «принимать на веру решение задач, относящихся к умозрительным наукам»⁴⁶, симптоматично. Это требование сразу ставит вопрос о смысле и методах доказательства религиозного миропонимания, строящего свои догмы на слепой вере и априорности авторитета. Именно этому вопросу и посвящено сочинение под названием «Дозволительно ли сомнение касательно истин религии». Чернышевский выступает как против слепой веры, так и против неограниченного скептицизма. Он пишет: «Как одна безотчетная вера, не поверяемая ни здравым рассудком, ни опытом, так и одно неограниченное сомнение, если мы будем все без исключения и разбора подвергать ему, не ведет человека к истине»⁴⁷. Чернышевский, как видим, выступает против «безотчетной веры» и считает необходимым веру проверять «рассудком» и «опытом». И хотя сам он субъективно верит в религиозное откровение, объективно требование проверки веры ведет к опровержению призрачных догм религии. Безусловно, нельзя в данном случае преувеличивать значение этого утверждения. Субъективно Чернышевский хочет только подтвердить наукой (т. е. рассудком и опытом) божественный догмат, но объективно это стремление ведет к уничтожению самой веры⁴⁸. Чернышевский стремится знанием подтверждать веру, старается объединить их, выделить нечто общее, лежащее в их основе. Это общее он находит в основных законах формальной логики, являющихся для него воплощением человеческого разума и имеющими аподиктическую достоверность⁴⁹. Он приходит к выводу, что «знание основывается на одних подлежательных доказательствах, а Вера в основании своим непосредственно имеет чуждый Авторитет, а он уже основывается, точно так же, как знание, на одних подлежательных доказательствах»⁵⁰. Попытка Чернышевского поднять веру до уровня знания терпит крах. В своих рассуждениях он вынужден сам, противореча себе, фактически нарушать незыблемые логические законы. Здесь важны не столько его заблуждения, сколько сама попытка рационально объяснить веру. Подобная постановка вопроса неизбежно — рано или поздно — должна привести к атеизму.

Рационализм и реалистичность во многом определяют взгляды ищущего семинариста и на историю общества. Не-

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 310, л. 65.

⁴⁸ Пример самого Чернышевского, мучительный путь отхода от религии которого зафиксирован в дневниках университетских лет, наглядное тому доказательство.

⁴⁹ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 310, л. 68 об-69.

⁵⁰ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 310, л. 69.

смотря на антиисторическое религиозное объяснение развития человеческого общества, Чернышевский стремится разобраться в пестрой картине жизни человечества. Он много читает и размышляет в этот период над историческими темами. И хотя, как правило, остается на религиозно-философских позициях во взглядах на историю человечества, многие вопросы решаются им вполне реалистично, на основе фактических данных. В сочинении «Возможна ли совершенная анархия?» выясняется два смысла, в которых употребляется это слово: 1. «Состояние общества, когда законы существуют и исполняются, но есть граждане совершенно равные между собою; вся решительно законодательная и исполнительная власть принадлежит народу вообще, и начальников решительно никаких нет»; 2. «пороки и страсти ...разрушили все законы и гражданское благоустройство»⁵¹. Уже сама постановка вопроса показательна. На первый план выдвигается логически постулированное положение теории естественного права об обществе, где «граждане совершенно равны между собой». Но человеческая история не дает никакого материала для подобного утверждения, которое бы выводилось априори, и сам Чернышевский вынужден констатировать, что анархия в первом смысле слова невозможна⁵². Говоря об анархии во втором смысле, семинарист стоит уже вполне на почве конкретных исторических фактов и на их основании заключает, что подобного рода анархия «возможна, в том удостоверяет нас история. Самый разительный и пагубный пример ее — некоторые времена французской революции»⁵³. Стремление опереться на конкретно-исторические факты при анализе исторических явлений, безусловно, показательно и прогрессивно.

Политические взгляды Чернышевского-семинариста, в основном, консервативны. В сочинении «Почему монархическое правление выгоднее республиканского» рассматривается два вида республиканского правления — аристократическое и демократическое. Первое, «хоть очень редко, может еще благо-разумно управлять государством», хотя фактически постоянно раздирается «междоусобными бранями»⁵⁴. Второе же совсем худо, так как «народ всегда и везде легкомыслен, непостоянен, жесток, малодушен и своенравен»⁵⁵. Следовательно, нуждается в руководстве. Поэтому монархическое правление предпочтительнее для общества — в нем «единая воля со-вокупляет и ведет всех к одной благой цели»⁵⁶. Клерикаль-

⁵¹ ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 299, л. 20.

⁵² Там же, л. 21. Абстрактность в объяснении исторических закономерностей зачастую типична для рассуждений Чернышевского.

⁵³ Там же, л. 20 об. Здесь, по-видимому, нет огульного отрицания Великой французской буржуазной революции 1789 г., историческое значение которой было оценено Чернышевским позже, в университетские годы.

⁵⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 293, л. 8.

⁵⁵ Там же, л. 8 об.

⁵⁶ Там же, лл. 9—9 об.

ный и монархические принципы соединяются, воплощаясь в монархическом правлении. Правда, следует обратить внимание на то, что Чернышевский имеет в виду просвещенное монархическое правление, которое ведет *всех* граждан государства к «одной благой цели». Его привлекает в монархизме принцип единовластия. Искренне заблуждаясь, он считает, что единовластие больше всего соответствует характеру русского народа⁵⁷.

Одновременно Чернышевский зачастую высказывает плодотворные реалистические, основанные на фактах суждения. Так, говоря о силе и могуществе того или иного государства, подчеркивает, что «должно обращать внимание: на дух народа; на сравнительную силу государств, силу армий, климат земли, свойства ее, величину, степень народонаселения»⁵⁸. Как видим, ничего не говорит ни о религии, ни о монархическом правлении, которые в его теоретических рассуждениях определяют могущество государства.

В своих многочисленных семинарских сочинениях Чернышевский довольно часто касается истории средних веков, и, естественно, феодализма. Он резко выступает против мнения ведущих историков-специалистов по средним векам, рассматривающих «феодальную систему» правления «как порожденные веков безумств»⁵⁹. Критически оценивает мнение историков, утверждающих, что феодальная система «замедлила восстановление просвещения и торговли, подавила среднее сословие... стеснила столь благодетельные для народов права монархической власти»⁶⁰. Чернышевский опровергает подобные мнения и наглядно показывает, что исторический процесс — процесс закономерный и необходимый. Это утверждение, правда, подкрепляется ссылкой на телеологический принцип⁶¹. Главное же — «феодальная система была необходима этим народам (Западной Европы — УР), а что необходимо, то не может не быть и полезно»⁶².

На основе конкретных фактов Чернышевский умеет объяснить многие деяния периода средних веков. Так, в сочинении «О причинах крестовых походов»⁶³ наряду с религиозно-богословскими мотивами в качестве причин крестовых походов выдвигает следующие: «Желание государей освободиться от опасных вассалов и желание освободиться от опасных для них государей»; «преувеличенные рассказы о богатстве Азии и легкости завладеть этим богатством», участни-

⁵⁷ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт. т. 16, с. 372. Только на университетской скамье под влиянием революционных событий середины XIX в. Чернышевский изживает свои монархические иллюзии.

⁵⁸ Там же, т. 16, с. 369.

⁵⁹ Там же, с. 360.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, с. 369.

⁶³ См. ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 293, лл. 16—17.

ки походов «освобождались от грехов, долгов и рабства, избегали всех гонителей и заимодавцев». В сочинении «О причинах введения удельной системы в России»⁶⁴ подчеркивает «пагубные следствия удельной системы», ставящей государство на край гибели.

Таким образом, совокупный анализ семинарских сочинений Чернышевского позволяет дать качественную характеристику его мировоззрения этого периода, в котором религиозно-идеалистические идеи совмещаются с реалистически плодотворными решениями, абстрактные постулаты органически увязываются с конкретно-историческим, фактологическим анализом. Здесь завязываются узелки решений, плодотворно расцветших в последующих этапах интенсивно развивающегося мировоззрения молодого Чернышевского.

⁶⁴ См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., в 15-ти тт., т. 15, с. 372.

В. С. ЧЕРНЫШЕВСКАЯ

Из истории родственных отношений

Н. Г. Чернышевского

*(Материалы к родословной
Васильевых и Казачковских)*

Первыми исследователями семейного архива и составителями родословной Чернышевских и Пыпиных были младший сын Н. Г. Чернышевского Михаил Николаевич и дочь академика А. Н. Пыпина Вера Александровна Пыпина-Лядская.

Интерес к этой работе пробудился после того, как в руках В. А. Пыпиной оказалось, по завещанию отца А. Н. Пыпина, его богатое рукописное наследие (1905 г.). После смерти двоюродной сестры Н. Г. Чернышевского Полины Николаевны Пыпиной — Фан-дер-Флит (1916 г.) Михаилу Николаевичу также удалось обнаружить объемистое собрание семейной переписки, а после Октябрьской революции, когда семья Чернышевских переехала в Саратов, оказалось, что в небольшом флигельке над Волгой, где проживала другая двоюродная сестра Чернышевского Екатерина Николаевна Пыпина, хранилось многие десятки лет еще одно обширное собрание семейных писем. Оно было ею передано Дому-музею Чернышевского в 1921 году вместе с другими семейными реликвиями.

Чтобы как следует разобраться в эпистолярном наследии, которое заключало в себе 13 тысяч писем более чем за столетие — с начала XIX века до первой четверти XX, Михаил Николаевич вместе с Верой Александровной приступили к изучению адресатов и корреспондентов, составлению хроно-

логической канвы и описи писем в хронологическом порядке. В результате осталась опись, составленная В. А. Пыпиной за 1847—1883 гг. (в работе над ней принимала участие и Н. М. Чернышевская), а также листки семейной хроники, над которой трудился М. Н. Чернышевский.

В годы гражданской войны и экономической разрухи не удалось использовать эти интересные работы для создания настоящей семейной хроники разночинцев. Правда, опись весьма пригодилась в дальнейшем для установления, например, таких дат, как личное знакомство Н. Г. Чернышевского и Т. Г. Шевченко, а также для создания книги «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» (М., 1933 и М., 1953).

Но листки, посвященные хронологическим записям М. Н. Чернышевского о семье Васильевых, остались на много лет забытыми в домашнем архиве В. А. Пыпиной. Они поступили в музей много лет спустя после ее смерти и ухода из жизни хранительницы ее наследия П. Ф. Калнынь (1967 г.).

Между тем, эти рукописи М. Н. Чернышевского представляют большой интерес, так как проливают свет на биографию предков О. С. Чернышевской, вышедшей из рода Васильевых — Казачковских.

На основании изучения семейных материалов М. Н. Чернышевскому и В. А. Пыпиной удалось составить родословную Чернышевских и Пыпиных.

Эта родословная дважды появлялась в печати. Сначала она составила приложение к книге В. А. Пыпиной «Любовь в жизни Чернышевского» (изд-во «Прибой», П. 1923). Через несколько лет Н. А. Алексеев поместил эту же родословную (без перемен) в приложение ко II тому «Литературного наследия» (Соцэргиз, 1928).

При позднейшей проверке в обеих публикациях были обнаружены неточности, и появилась необходимость создания проверенной по источникам общей родословной.

Такая общая родословная была составлена нами в Доме-музее Н. Г. Чернышевского в 1963—1972 гг. Она представляет собой картотеку, насчитывающую 848 карточек, и посвящена семьям Чернышевских, Пыпиных, Васильевых и предков последних — Казачковских. Особый раздел посвящен однофамильцам, непроверенным лицам, считающим себя родственниками Н. Г. Чернышевского, невыясненным родственникам и побочным ветвям всех фамилий.

Карточки в картотеке расположены в алфавитном порядке. Чтобы выявить непосредственную преемственную связь лиц, автором картотеки составлен чертеж родословного древа как вообще, так и применительно к семье Казачковских — Васильевых. Родословное древо доведено до потомков 5 поколения.

Несмотря на существование печатных и рукописных источников, о некоторых лицах имеются очень скудные сведения:

только фамилия или только национальность, не для всех удалось установить даты рождения и смерти. Существенную помощь автору в его работе оказали записи, находящиеся в папке основного фонда Дома-музея под названием: 1. Материалы по родословной Чернышевских, Пыпиных, Васильевых и др., собранные М. Н. Чернышевским (автограф) из архива В. А. Пыпиной, О. Ф.¹ музея инв. № 2722 (1—18 л.), 2. Сведения о рождении и смерти Чернышевских, Пыпиных, Васильевых, записанные О. С. Чернышевской (автограф), О. Ф. музея, инв. № 2723 (1, 2). Сверху на папке рукой В. А. Пыпиной написано: «Памятки».

Названия этих источников далее даются в сокращенном виде в примечаниях: «Записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722» (с указанием листов) и «Записка О. С. Чернышевской, инв. № 2723» (указаны листы).

Настоящая работа представляет собой извлечение из общей родословной и как первый опыт такого рода посвящена семье Васильевых и их ближайших предков Казачковских. Задачей автора является собрать в единый свод данные о семейном окружении Н. Г. Чернышевского и его жены Ольги Сократовны.

Это окружение могло питать литературные замыслы Н. Г. Чернышевского, поскольку действительность всегда была основой его беллетристического творчества, откладывая в его сознании огромные запасы материалов для художественной обработки. В этом смысле родословная могла бы послужить источником для литературоведческих обобщений в будущем.

ВАСИЛЬЕВЫ

Родословная Васильевых начинается с Алексея Васильева. Он приходился дедом отцу О. С. Чернышевской Сократу Евгеньевичу. Никаких сведений о нем, кроме имени, не сохранилось. У него были сыновья: Евгений, Леонид и Алексей². Сын его Евгений Алексеевич, статский советник, дворянин, был дважды женат. Первая жена его, по национальности полька (имени и отчества не сохранилось), имела от него сына Александра. От второй жены Виктории Матвеевны (француженки по национальности) у Евгения Алексеевича было двое детей: дочь Евфимия (впоследствии была замужем за профессором Харьковского университета Венедиктовым Александром Саввичем) и сын Сократ Евгеньевич (родился в 1796 году умер 10 ноября 1860 г.). Последний был женат на Анне Кирилловне Казачковской, дочери генерал-лейтенанта Кирилла

¹ О. Ф. — Основной фонд музея, здесь и далее.

² М. Н. Чернышевский записывает: «может быть, одно и то же?» — О. Ф. инв. № 2722, л. 11.

Федоровича Казачковского³. Портрет Сократа Евгеньевича в молодости работы неизвестного художника (масло) находится в Доме-музее Н. Г. Чернышевского⁴.

Сблизился с семьей Казачковского Сократ Евгеньевич Васильев в г. Камышине Саратовской губернии, куда он был отправлен уездным медиком 25 марта 1818 г., после окончания Харьковского университета кандидатом медицины. Через 4 года он уже был штаб-лекарем. Кроме этой должности, ему было поручено заведывание уездами: Аткарским с 1818 по 1822 гг. и Царицынским с 1828 по 1830 гг.⁵ В этот период, видимо, Сократ Евгеньевич женился, так как рождение старшего сына (Ростислава) приходится на 1830 г. Учитывая также, что он женился на Анне Кирилловне Казачковской с разрешения и благословения ее отца, который умер 24 июля 1829 г.⁶, можно предположить, что женитьба их относится к 1828 году.

В семье сохранилось предание, что Сократ Евгеньевич получил руку генеральской дочери за то, что вылечил К. Ф. Казачковского от какого-то серьезного заболевания, спас его от смерти.

В Камышине в 1830 г. свирепствовала холера, борьбе с которой молодой доктор Васильев отдал все силы. За это он был «всемилоостивейше награжден бриллиантовым перстнем с хризолитом 1831 года апреля 28». В 1831 г. снова вспыхнула эпидемия. Сократ Евгеньевич опять вступает в борьбу с ней, и 18 марта 1834 г. им получен другой бриллиантовый перстень.

Далее формулярный список Сократа Евгеньевича заполнен благодарностями и наградами за беспорочную службу.

16 ноября 1838 г. он произведен в надворные советники. В 1839 г. — награжден Орденом Св. Станислава 4-й степени. В 1844 г. он уже коллежский советник, получивший за усердную службу золотые часы. И последнее, что мы находим в формулярном списке, выданном 16 мая 1849, г., — это получение Сократом Евгеньевичем ордена св. Анны 3-й степени⁷.

Н. Г. Чернышевский в своем дневнике 1853 г. оставил описание своих встреч с будущим тестем. «Он мне нравится», — таков там последний отзыв Н. Г. Чернышевского о Сократе Евгеньевиче⁸.

У Сократа Евгеньевича и Анны Кирилловны Васильевых

³ Записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722, лл. 10, 11, 12, 12 об. 15 об.

⁴ О. Ф. инв. № 151.

⁵ ГАСО, ф. 19 «Саратовского Дворянского Депутатского Собрания», оп. 2, ед. хр. 1151, лл. 8—9. (Сведения получены от А. А. Демченко).

⁶ Послужной список К. Ф. Казачковского. — ЦГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7062, л. 535 об., копия и/всп, фонд музея № 6788/1.

⁷ ГАСО, ф. 19 «Саратовского Дворянского Депутатского Собрания», оп. 2, ед. хр. 1151; лл. 4—7 и 7 об.

⁸ Литературное наследие, т. 1, М.—Л., 1928, с. 549. (Сл. по указателю имен и записи М. Н. Чернышевского № 2722, лл. 10—11).

было много детей. В записях М. Н. Чернышевского их насчитывается тринадцать. Некоторые из них умерли в младенчестве (Леонид, две Зинаиды, Мавра (Маргарита), Анна и др.⁹. Все они родились в Саратове, кроме Ростислава, Венедикта и Ольги, которые были уроженцами г. Камышина Саратовской губернии¹⁰.

Старший сын Ростислав (28 января 1830 — октябрь 1885 гг.), как и отец, был врачом в Сибири, до этого служил в Казенной палате в Саратове. Был женат два раза. Первую жену звали Екатериной Платоновной, вторую — Юлией Матвеевной. Была у него дочь Елизавета, умершая двух лет от роду; от какой жены была эта дочь, не удалось установить¹¹. В 1853 г. Н. Г. Чернышевский постоянно встречался с ним как со старшим братом своей невесты¹². В 1855 г. Р. С. Васильев жил некоторое время в Петербурге на квартире у Н. Г. и О. С. Чернышевских, которые пригласили его погостить у них. Он приехал к ним из Новгорода, куда повел партию рекрут из удельных крестьян (письмо Н. Г. Чернышевского к отцу от 12 апреля 1855)¹³.

В 1857 г. Ростислав Сократович опять жил у Чернышевских, будучи студентом Медико-хирургической академии. Вместе с Н. Г. и О. С. Чернышевскими он был в Петербургском университете на защите диссертации А. Н. Пыпина как своего товарища по гимназии (см. письмо А. Н. Пыпина к отцу от 25 марта 1857 г.)¹⁴.

Вероятно, по окончании академии Ростислав Сократович был направлен в качестве военного врача, по выражению Н. Г. Чернышевского, «на край света в какой-то городок Кокбеты... Семипалатинской области, на границах киргизской степи» (письмо к отцу от 2 августа 1860 г.)¹⁵.

Второй сын С. Е. и А. К. Васильевых Евгений Сократович был офицером (род. 4 августа 1831 г. — умер во Владикавказе в 1887 г.)¹⁶. Жену его звали Анастасией Александровной. У них было шестеро детей: сыновья Евгений и Леонид и дочери Александра, Валентина, Елена (род. 1886) и Анаста-

⁹ Записи М. Н. Чернышевского, ед. хр. 2722, лл. 11 и 15.

¹⁰ ГАСО, ф. 19, оп. 2, ед. хр. 1151, лл. 12 и 12 об.

¹¹ Записи М. Н. Чернышевского, ед. хр. 2722, лл. 11 и 15.

¹² См.: Литературное наследие, т. I (Примечания М. Н. Чернышевского). См. также: «Из рассказов бабушки Кати», ЦГАЛИ, ф. № 395, ед. хр. 665. Дополнение, кадр 329 а). Микрофильм, н/всп. фонд музея № 9533. Далее: «Из рассказов бабушки Кати».

¹³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт. т. XIV, с. 295.

¹⁴ Опись писем В. А. Пыпиной, л. 59, п. № 333. См. также: Литературное наследие, т. I, с. 549 (Примечания М. Н. Чернышевского к дневнику отца 1853 г.).

¹⁵ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. XIV с. 400.

¹⁶ Литературное наследие, III, с. 220. См. также ГАСО, ф. 19, оп. 2, ед. хр. 1151, лл. 13—13 об..

сия¹⁷. После смерти Евгения Сократовича Н. Г. и О. С. Чернышевские оказывали материальную помощь его семье¹⁸.

Третий сын С. Е. и А. К. Васильевых Венедикт Сократович (22 марта 1834 — 30 января 1857)¹⁹ был учеником Н. Г. Чернышевского по саратовской гимназии в 1852—1853 гг. О нем неоднократно упоминается в дневнике Н. Г. Чернышевского 1853 г.²⁰ Это был любимым брат Ольги Сократовны, умерший в возрасте 23 лет от сильного ожога²¹.

Последний сын Сократа Евгеньевича Николай (р. 21 ноября 1841)²² с детства был трудновоспитуемым мальчиком²³. По-видимому, Н. Г. и О. С. Чернышевским удалось после смерти отца (1860) взять его к себе в дом и дать ему образование: в выписке из домовладельческой книги по дому Есауловой «лицом, проживающим в квартире г. Чернышевского в 1861 и 1862 гг.» числится брат О. С. Чернышевский гимназист Николай Васильев²⁴. Что случилось с ним потом — неизвестно. В записке О. С. Чернышевской значится: «Брат Николай неизвестно когда умер»²⁵.

Старшей дочерью С. Е. и А. К. Васильевых была Ольга Сократовна (15 марта 1833 — 11 июля 1918)²⁶. Она родилась в Камышине, двухлетней девочкой переехала в Саратов в связи с переводом отца по службе. Одно время училась в пансионе пастора Конради. В основном получила домашнее образование, как и сестры: обучалась музыке, рукоделию и французскому языку, которому учил престарелый француз Савэн, оставшийся в Саратове после войны 1812 года.

В 1852 году Ольга Сократовна встретила с Н. Г. Чернышевским. 29 апреля 1853 г. состоялась их свадьба²⁷.

Ольге Сократовне посвящены три дневника Н. Г. Чернышевского и его романы «Что делать?» и «Пролог». Из Сибири Н. Г. Чернышевский написал ей 300 писем²⁸.

¹⁷ Записи М. Н. Чернышевского, № 2722, л. 11.

¹⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. XV, т. 671—672. См. также: «Из рассказов бабушки Кати».

¹⁹ Записи М. Н. Чернышевского, № 2722, л. 11. См. также: ГАСО, ф. 19, оп. 2, ед. хр. 1151, лл. 14—14 об.

²⁰ Литературное наследие, т. I, с. 550—598. (Примечания М. Н. Чернышевского). См. также: «Из рассказов бабушки Кати».

²¹ Записи М. Н. Чернышевского, № 2722, л. 11.

²² Там же и ГАСО, ф. 19, оп. 2, ед. хр. 1151, л. 15—15 об.

²³ См. «Из рассказов бабушки Кати».

²⁴ См. сб.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. 2, Изд-во Сарат. ун-та, 1961, с. 225.

²⁵ Записка О. С. Чернышевской, инв. № 2723, л. 2.

²⁶ Свидетельство о рождении. ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 34, л. 16. См. также: Из архива М. Н. Чернышевского. ЦГАЛИ, ф. 668, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 221 (микрофильм), н/всп. фонд музея № 6937; записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722, л. 11.

²⁷ М. Н. Чернышевский. Жена Н. Г. Чернышевского. — «Современник», 1925, № 1.

²⁸ Первоначально опубликованы в трехтомнике «Чернышевский в Сибири». Переписка с родными. СПб. 1912—1913.

Ольга Сократовна дожила до Октябрьской революции и была с почетом похоронена в Саратове 11 июля 1918 года на средства первого Губисполкома как жена великого революционера.

У Н. Г. и О. С. Чернышевских было три сына: Александр (5 марта 1854 — 1 января 1915) — математик и поэт, Виктор (20 января 1857 — 19 ноября 1860), умерший четырех лет, и Михаил (7 октября 1858²⁹ — 3 мая 1924³⁰), железнодорожный служащий (до 1917 г.), затем — основатель и первый директор Дома-музея Н. Г. Чернышевского в Саратове³¹.

Второй дочерью С. Е. и А. К. Васильевых была Анна Сократовна (1842—23 февраля 1866)³² (в замужестве Малиновская). В 1860-х годах жила на квартире Н. Г. и О. С. Чернышевских и вместе с ними на даче. К этому периоду относится увлечение Н. А. Добролюбова Анной Сократовной, разделенное ею, но закончившееся разрывом по инициативе О. С. Чернышевской. После этого Анна Сократовна уехала в Саратов, где совершенно неожиданно вышла замуж за военного телеграфиста Каспара Павловича Малиновского, спасшего ее, когда она тонула в Волге во время купанья. Анна Сократовна не была счастлива в замужестве с ним и, по рассказам родных, вскоре после рождения дочери, на 25-м году покончила жизнь самоубийством.

По словам Н. Г. Чернышевского, «это была добрая девушка живого характера»³³.

Дочь Малиновских Аллу Каспаровну Малиновскую (род.

²⁹ Записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722, л. 3.

³⁰ Памяти М. Н. Чернышевского. — «Былое», 1924, Л., № 25. с. 278—279.

³¹ Записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722, л. 12. О детях Н. Г. Чернышевского см. также Н. А. Пыпин. Сыновья Чернышевского. — В сб. «Звенья», вып. 1, М., 1932 г., с. 266—281; Н. М. Чернышевская. Младший сын Чернышевского. — В сб. Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», 3., Изд-во Сарат. ун-та, 1962, с. 183—212.; Н. М. Чернышевская. У истоков. (К истории создания Дома-музея Н. Г. Чернышевского). — В сб.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. 4. Изд-во Сарат. ун-та, 1965, с. 254—278; Н. М. Чернышевская. Из рассказов о Чернышевском. — «Волга», 1971, № 10, с. 168—182; Н. М. Чернышевская. Старший сын Чернышевского (рукопись).

³² Записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722, ил. 11, 12—15. Записка О. С. Чернышевской, инв. № 2723, л. 1.

³³ Н. М. Чернышевская. Невеста Н. А. Добролюбова. — В сб.: «Звенья», М., 1934, № 3—4, с. 554—563. Даты, полученные от дочери Анны Сократовны — В. А. Буковской, не сходятся. Об А. С. Васильевой см. письмо Н. Г. Чернышевского к А. Н. Пыпину от 25 февраля 1878 года (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. XV, с. 139. Рукопись Н. М. Чернышевской «Саратовские годы Н. Г. Чернышевского» с примечаниями (архив Н. М. Чернышевской, л. 54), со слов Ек. Ник. Пыпиной. Записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722, л. 11. Записка О. С. Чернышевской, инв. № 2723, л. 2 (о смерти).

нач. января 1866³⁴—1933³⁵) усыновили саратовские помещи- ки А. И. и М. И. Котлубай, дали ей имя Варвара, отчество Александровна и свою фамилию. Варвара Александровна вышла замуж (в 1885 г.) за саратовского помещика Констан- тина Николаевича Буковского (май 1858—3 марта 1933), слу- жившего в земстве³⁶.

О. С. Чернышевская, приезжая в Саратов из Астрахани в 1880-х годах, постоянно виделась со своей племянницей «Ва- ренькой» и гостила у них на даче, сообщая об этом в письмах к Николаю Гавриловичу, который в свою очередь неизменно отвечал: «Целую племянницу Вареньку»³⁷.

После переезда Н. Г. Чернышевского из Астрахани в Са- ратов они с Ольгой Сократовной постоянно встречались с семьей Буковских. По просьбе Николая Гавриловича муж Варвары Александровны К. Н. Буковский принял на себя организацию его похорон и оставил об Н. Г. Чернышевском воспоминания³⁸.

От семьи Буковских отошли в дар Дому-музею такие цен- ные вещи, как письменный стол писателя и его кресло³⁹.

Младшая дочь Сократа Евгеньевича Васильева Эрмения (Ерминия, Миночка (1845—1895)⁴⁰ одно время (в начале 1860-х годов) жила на квартире Н. Г. и О. С. Чернышевских в Петербурге. О ней с большой симпатией упоминает Н. Я. Ни- коладзе в своих воспоминаниях⁴¹. Вернувшись в Саратов, жи- ла на иждивении родных, одно время находилась в монасты- ре, осталась одинокой. После отравления серными спичками у нее отнялись ноги, и она зарабатывала жалкую плату вя- занием салфеток. Н. Г. и О. С. Чернышевские поддерживали материально Ермению Сократовну, выплачивая ей неболь- шую пенсию и предоставив для жилья флигель Ольги Сокра- товны на участке будущего Дома-музея после того, как Ольга Сократовна переехала в Астрахань к вернувшемуся из сибирской ссылки мужу. Имя «Миночки» постоянно упоми- нается в переписке Н. Г. и О. С. Чернышевских⁴². Так, 31

³⁴ Письмо Варвары Пыпиной — Пелагее Пыпиной от 31 января 1866 г. Саратов. Опись писем, сост. В. А. Пыпиной, № 1347.

³⁵ Письмо Н. К. Мининой (дочери К. Н. и В. А. Буковских) к Н. М. Чернышевской от 16 февраля 1970 г.

³⁶ То же и записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722, л. 14; см. также: письмо Н. Г. Чернышевского к жене от 30 апреля 1889. Примечание Н. М. Чернышевской к письму. — Литературное наследие, III, М., 1930, с. 693.

³⁷ Письма Н. Г. Чернышевского 1889 г. с 30 апреля по 17 июня (XV, стр. 851—880).

³⁸ См. «Звенья», № 3—4. М., 1934, с. 902—907.

³⁹ Там же, примечания Н. М. Чернышевской.

⁴⁰ Записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722, л. 11.

⁴¹ Воспоминания о шестидесятих годах. — В кн.: Н. Г. Чернышев- ский в воспоминаниях современников, т. I. Саратов. кн. изд-во, 1958, с. 391—392 и 397.

⁴² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. XV, с. 469—880. Литературное наследие. III, с. 694 (сведения, записанные об

августа 1884 года Николай Гаврилович пишет: «Голубочка моя, постарайся устроить, чтобы бедняжке Миночке можно было жить получше. Люблю ее, бедняжку, за то, что она благородная девушка» (XV, стр. 473). «Если не согласится она ехать сюда жить с тобою, то не придумаешь ли ты чего-нибудь другого для улучшения ее жизни?»⁴³.

СЕМЬЯ КАЗАЧКОВСКИХ

В фондах Дома-музея Н. Г. Чернышевского хранится фотоконпия с послужного списка генерал-лейтенанта Кирилла Федоровича Казачковского. Это дед Ольги Сократовны Чернышевской по материнской линии. Он дослужился до своего высокого чина, начав военную службу в качестве сержанта при Суворове в 1744 году. Участвуя в сражениях, он несколько раз был ранен, и последнее самое тяжелое ранение (был ранен картечью в живот) он получил как герой Отечественной войны 1812 г. За свои боевые заслуги К. Ф. Казачковский был награжден многими орденами и золотой шпагой с алмазами с надписью «За храбрость»⁴⁴. Портрет К. Ф. Казачковского (масло) находится в Эрмитаже (Ленинград), в галерее героев Отечественной войны 1812 года⁴⁵. Два других портрета (литография Клюквина и миниатюра акварелью неизвестного художника) хранятся в фондах Дома-музея⁴⁶.

Интересно отметить, что в схемах родословной К. Ф. Казачковского во всех четырех случаях его имя упоминается как Кирила, а не Кирилл. На литографии Клюквина даже Кирило. Фамилия его в записях М. Н. Чернышевского значится Козачковский, на литографии Клюквина — Казачковский, а в послужном списке и Козачковский и Казачковский.

Мать Ольги Сократовны Чернышевской — Анна Кирилловна — была одной из дочерей К. Ф. Казачковского.

На ком был женат К. Ф. Казачковский — точных сведений не сохранилось, за исключением указаний на национальность невесты. Во всех четырех схемах родословной М. Н. Чернышевский указывает только: «итальянка»⁴⁷. В семье Черны-

Ерминии Сократовне со слов Ек. Ник. Пыпиной. — См. также: Н. М. Чернышевская. Саратовские годы Н. Г. Чернышевского, архив Н. М. Чернышевской, л. 55. Рукопись.

⁴³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. XV, с. 475.

⁴⁴ ЦГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7062, лл. 531—536; н/всп. фонд музея, инв. № 6788/1—2.

⁴⁵ Копия с портрета (работы неизвестного художника), хранившегося у полковника М. Каховского, друга К. Ф. Казачковского, в Вязме. Подлинный портрет был предоставлен Каховским для снятия копии в Петербург по запросу Инспекторского Департамента Главного штаба в мае 1825 г. (Сведения получены от В. М. Глинки, автора книги о Военной галерее 1812 г. Письмо к Н. М. Чернышевской от 23 февраля 1973 г.).

⁴⁶ О. Ф., инв. №№ 382 и 226.

⁴⁷ Записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722, л. 10.

шевских существовало предание о том, что итальянка была красавица и что Кирилл Федорович похитил ее после того, как вместе со своим полком под командой Суворова совершил знаменитый поход через Альпы. Этот рассказ ведет свое начало от воспоминаний Ольги Сократовны Чернышевской, по-видимому, услышавшей его из уст матери. Может быть, рассказывалось и больше, и точнее, но некому было в свое время записать эти сведения и тем самым установить корни родословной. Ольга Сократовна родилась почти в половине XIX века, а дед жил во второй половине XVIII века.

Поскольку имена Казачковских, то есть сыновей и дочерей Кирилла Федоровича, постоянно упоминаются в переписке Н. Г. Чернышевского как имена ближайших родственников жены, нам приходится ввести их в особую главу нашей родословной, прежде чем говорить о жене Сократа Евгеньевича Васильева Анне Кирилловне.

У К. Ф. Казачковского и его жены было шестеро детей, имена которых записаны М. Н. Чернышевским⁴⁸.

О дядях Ольги Сократовны Чернышевской Михаиле Кирилловиче и Алексее Кирилловиче Казачковских не сохранилось точных сведений за исключением факта, известного из содержания писем Н. Г. и О. С. Чернышевских раннего периода их совместной жизни к родным в Саратов. Оба брата были равнодушны к Генриетте Андреевне Михельсон. Один из них (Алексей) умер раньше, а другой на ней женился. О. С. и Н. Г. Чернышевские предоставили им комнату в своей квартире после их свадьбы в 1854 году.

Отношения М. К. Казачковского и его семьи с Н. Г. и О. С. Чернышевскими были самые дружественные. Дядя предоставил им свою дачу в Лесном (Беклешовский сад) в 1855 г., вместе встречали и Новый 1856 год⁴⁹.

Дочерей у К. Ф. Казачковского было четыре: Мария, Дарья, Ольга и Анна⁵⁰.

Из них Анна, как указано выше, стала женой врача Сократа Евгеньевича Васильева и матерью жены Н. Г. Чернышевского Ольги Сократовны, Чернышевский не раз пишет о ней и в дневнике 1853 года, и в письмах из Сибири, и наделяет некоторыми ее чертами героя своего рассказа «На правом боку», написанного в Петропавловской крепости⁵¹. По просьбе Анны Кирилловны Чернышевским было написано замеча-

⁴⁸ Там же, инв. № 2722, лл. 10, 12, 12 об., 15 об.

⁴⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. XIV, с. 272, 287, 297, 308—309. (О женитьбе М. К. Казачковского на невесте брата Н. Г. Чернышевский пишет отцу по-латыни).

⁵⁰ Записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722, лл. 10, 12, 12 об.

⁵¹ Чернышевский в Сибири. Переписка с родными. СПб, 1913, т. III, с. 70 (письмо от 1 марта 1878). См. также: Дневник Н. Г. Чернышевского 1853 г.—Литературное наследие, т. I, с. 640—650 (расшифровка и примечания М. Н. Чернышевского).

тельное письмо (перед женитьбой на Ольге Сократовне) «Матери невесты», в котором он высказал свои взгляды на супружескую жизнь⁵². В сибирских письмах писателя сквозит неприязненное отношение к Анне Кирилловне как к матери, которая, по-видимому, жестоко наказывала старшую дочь за ее живой и свободолюбивый характер. Н. Г. Чернышевский считал ее также женщиной «недюжинного ума».

О Дарье Кирилловне сохранилось чрезвычайно мало сведений. Но она была ближе всех теток к Ольге Сократовне, жила в доме Сократа Евгеньевича, и с ней Ольга Сократовна должна была официально посетить мать Н. Г. Чернышевского, будучи его невестой⁵³. В письме к отцу от 11-го января 1855 г. Н. Г. Чернышевский выражает сожаление в связи с известием о ее смерти: «Жаль Дарью Кирилловну, — пишет он, — она была добрая старушка, и Олинька ее любила искренно»⁵⁴. В другой раз Н. Г. Чернышевский в письме к жене из Сибири от 1 марта 1878 г. уговаривает ее заботиться о своем здоровье и напоминает, что ее отец и мать были люди «железного здоровья». Он вспоминает, что и «Дарья Кирилловна могла бы с успехом пристыжать здоровенных мужиков, таская, для шутики, кули с мукою....»⁵⁵

О муже Дарьи Кирилловны известно только, что это был казачий полковник по фамилии Елизаров⁵⁶.

Тетка Ольги Сократовны Мария Кирилловна Казачковская была замужем два раза: за Акимовым Василием Акимовичем (из солдатских детей; он участник войны 1812 г., штабс-капитан в отставке⁵⁷, который, по словам Екатерины Ник. Пыпиной, «был важным чиновником и взяточником»⁵⁸, и за Гороховым Иоакимом Дмитриевичем. От последнего имела дочь Калерию Иоакимовну, вышедшую замуж за Булгакова Николая Алексеевича. У них были две дочери Александра и Мария⁵⁹. От первого брака у Марии Кирилловны детей не было. Об ее муже Горохове известно, что он был человеком плохого характера, обижал свою жену, за что даже был бит плетью ее братом Михаилом Кирилловичем, человеком от

⁵² Литературное наследие, т. I, с. 699—701.

⁵³ Н. Г. Чернышевский. Дневник, ч. II. 1850—1853 гг. М. 1932, с. 235.

⁵⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. XIV, с. 283.

⁵⁵ Там же, т. XV, т. 163.

⁵⁶ Записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722, л. 10.

⁵⁷ «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г.», сост. Н. Ф. Хованским, изд-во Сарат. Ученой Архивной Комиссии, 1912, с. 100—101.

⁵⁸ Рукопись Н. М. Чернышевской «Саратовские годы Н. Г. Чернышевского» (архив Н. М. Чернышевской, л. 51), со слов Ек. Ник. Пыпиной.

⁵⁹ Записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722, л. 10, 12, 12 об, 15 об.

природы добрым и мягким. Об этом инциденте рассказывает в одном из своих писем Н. Г. Чернышевский⁶⁰.

Тетка Ольги Сократовны Ольга Кирилловна Казачковская вышла замуж за Ивана Николаевича Рычкова, дворянина, участника Отечественной войны 1812 года. Он сражался под командованием Багратиона и получил чин штабс-капитана, поступив на службу в 1804 году унтер-офицером. Уволен в чине подполковника⁶¹.

У О. К. и И. Н. Рычковых было два сына — Виктор и Вениамин⁶². Этот последний, будучи офицером, жил как двоюродный брат Ольги Сократовны на квартире Чернышевских в доме Есауловой за Большой Московской улице в Петербурге в 1862 г. Он присутствовал при аресте Николая Гавриловича 7 июля 1862 г. «Николаю Гавриловичу удалось сказать ему несколько слов так, чтобы их не слышал Ракеев... сказать, чтобы я не беспокоился и передал бы Н. Утину, чтобы и он не беспокоился»⁶³, — так вспоминал М. А. Антонович.

Кроме сыновей, у О. К. и Н. И. Рычковых было две дочери: Лидия и Полина (Пелагея). Последняя вышла замуж за агронома Фогеля (или Фогелева — на русский манер) Вениамина Александровича⁶⁴.

Имена этих двоюродных братьев и сестер Ольги Сократовны встречаются в описании саратовских молодежных вечеринок, на которых бывал Н. Г. Чернышевский — учитель гимназии. Их родство с его невестой было выяснено М. Н. Чернышевским в беседах с матерью, когда он, в процессе расшифровки саратовского дневника 1853 г., обращался к ней за разъяснениями⁶⁵.

⁶⁰ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч. в 15-ти тт. т. XV, стр. 163 (письмо от 1 марта 1878 года к жене).

⁶¹ См. кн.: «Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г.», сост. Н. Хованским, с. 100—101. Записи М. Н. Чернышевского. инв. № 2722; л. 12 об.

⁶² Записи М. Н. Чернышевского, инв. 2722, лл. 10 и 15 об. См. также: «Из рассказов бабушки Кати».

⁶³ М. Антонович. Арест Н. Г. Чернышевского. — В сб.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. 1, с. 419.

⁶⁴ Записи М. Н. Чернышевского, инв. № 2722, лл. 12 и 15 об. См. также: «Из рассказов бабушки Кати».

⁶⁵ Литературное наследие, т. 1 (примечания М. Н. Чернышевского к дневнику отца 1853 г.).

Новые документы о семье Чернышевских

Материалы о семье деда Н. Г. Чернышевского и его родном селе содержат сведения, представляющие несомненный интерес. До настоящего времени о возникновении села Чернышево, происхождении его названия и ранней истории ничего не было известно. Публикуемые материалы помогают воспроизвести обстановку, в которой жили предки Николая Гавриловича, выяснить полный состав этой семьи. О происхождении Чернышевских известно главным образом из монографий Н. М. Чернышевской [1] и В. А. Пыпиной [2], использовавших семейные предания. Согласно этим сведениям, родителями Гаврилы Ивановича Чернышевского были дьякон Иван Васильевич и его жена Евдокия Марковна, отец которой Марк был священником в Пензенской губернии, [2]. Документ о семье Ивана Васильевича, выявленный в пензенском госархиве, впервые документально подтверждает «семейную хронику» и существенно ее дополняет.

1

В государственном архиве Пензенской области (ГАПО) выявлен документ пятой ревизии (1795 г.), в котором содержатся новые сведения о семье деда великого русского демократа Н. Г. Чернышевского [3]:

«Подано 1795 году февраля 23 дня.

1795 года февраля... дня Рязанской епархии Пензенского наместничества Чембарской округи села Архангельского, Сюверенья тож церкви архистратига божия Михаила священнослужители после состоявшегося 1794 году июня 23 дня Ея Императорского Величества и в народ опубликованного манифеста подали сию скаску в Шацкое духовное правление о напи-

санных при оной церкви по последней 1782 года ревизии людях с показанием из того числа разными случаями убылых и после ревизии вновь рожденных и прибылых по самой истине без всякой утайки, а буде кем впредь обличены явиться или по свидетельству найдется, что кого либо утаили то повинны положенном по указам штрафу без всякого милосердия, а именно означенная Архангельская церковь во время прежней ревизии имелось и ныне состоит одноприходная. При ней приходских двести двадцать дворов.

Священно и церковно служители и прочия написанныя с последнюю 1782 года ревизию и после оной убыльи и вновь пришлыя нижеозначенныя статныя Иерей Феодот Марков 45 лет, жена его Феодосия Васильевна 44 лет, у них дети написанныя в последнюю перед сим ревизию: Василий 21 год, произведен после 4-й ревизии на место нижеписанного пономаря Федора Матвеева в пономари,

Иван 18 лет, Стефанида 16 лет, Матрена 14 лет.

Одного иерея Федота сестры девицы.

Наталья 40 лет. Васса (в 1782 г. ей было 19 лет) — вышла замуж в город Керенск за однодворца.

У пономаря Василия жена Марья Леонтьева, взятая после 4-й ревизии Тамбовской епархии из села Поиму дьячкова дочь. У них дети, рожденные после ревизии: Василий 2 года, Праксевия 1 год.

Диакон Симеон Федоров (в 1782 году ему было 28 лет) — зачислен в 791 году Касимовской округи в село Мельхово. Жена, его Анна Евдокимовна (27 лет) выбыла со своим мужем. У них дети написанныя с последнего перед сим ревизиею: Василей 19 лет, произведен после 4-й ревизии в дьячки на место нижеписанного дьячка, Иван (5) — выбыл с отцом своим, Марфа (2) — умре в 789 году.

Дьячка Василия жена взятая после 4-й ревизии Астраханской епархии из села Карсаевки попова дочь Мария Алексева 18 лет.

Диакон Иван Васильев 30 лет произведен после 4-й ревизии на место вышеописанного диакона Семена из дьячков того же села.

Жена его Евдокия Макарова 30 лет; у них дети:

Степанида 4 года,

Гаврила 2 года,

Фома полугоду.

Пономарь Федор Матвеев (54 года) умре в 787 г., жена его Прасковия Васильева 66 лет.

Итого: по последней ревизии в подушный оклад написаны были 8 мужчин, 9 женщин; Из того числа после ревизии до ныне разными случаями выбыли 3 муж., 3 жен.; ныне налицо с прибылыми и вновь роженными 8 муж., 10 жен.

Чембарской округи села Архангельского, Сюверинье тож

Иерей Федот Марков руку приложил, тоя ж церкви диакон Васильев руку приложил, дьячок Василий Семенов руку приложил, пономарь Василий Федотов руку приложил;

Дворянский заседатель Семен Разгильдеев».

2

По архивным данным можно воспроизвести основные этапы истории села Чернышево, Архангельское и Сюверня тож — родины Гаврилы Ивановича Чернышевского — отца великого русского демократа. Название села послужило основой и для фамилии Чернышевских.

Село было основано в 1707 году крепостным крестьянином Чернышевым, по имени которого и названо было селение. Его родина — село Томниково, расположенное у реки Цны в Моршанском районе Тамбовской области. Вот как об этом записано в переписной книге Шацкого уезда 1714 года [4]:

«Во дворе Евстрат Мартынов сын Чернышев штидесят пяти лет. У него жена Пелагея Васильевна дочь штидесят лет. Сын Микифор двадцати лет. У него жена Василиса Харланова дочь дватцати двух лет. У него Евстрата дочь девка Арина пятнадцати лет. На том же дворе в другой избе живет вдова Федоровская жена Евстратова сына Чернышева Авдотья Прокофьева дочь пятидесят лет, у ней дочери Хавронья пятилет, Авдотья четырех лет.

А родина его Евстратова з детьми была в Шацком уезде в селе Томникове, крепостной крестьянин Александра да Ивана Львовичев. Из этого села сшел и поселился на дикой степи на реке Вороне по указу государев своих Александра да Ивана Львовичев Нарышкиных, а в переписи и в книгах 710 году написан и всякие Великого Государя подати платил во все годы в Шацком».

«...Евстрат Мартынов сын Чернышев в распросе сказал себе штидесят лет. У него жена Пелагея Васильевна дочь пятидесяти пяти лет. Сын Микафор двадцати лет. У него жена Василиса Варламова дочь двадцати двух лет. У него ж Евстрата патчерица девка Арина Федоровна дочь пятнадцати лет. Да у него ж Евстрата сноха, сына ево Федорова жена вдова Авдотья Микифоровна дочь сорок трех лет. У нее дочери: Февронья пяти, Авдотья четырех лет.

Родина же ево в Шацком уезде в селе Томникове, Александра да Ивана Львовичев Нарышкиных крепостной крестьянин. И в прошлом де 707 году из того села сшел он Евстрат в Шацкой же уезд в вотчину Александра да Ивана Львовичев в новоселебную деревню Сюревку, Чернышево тож и в переписных книгах 710 году в той деревне Сюровки написан и всякие Великого Государя подати платил в Шацком, а в драгунах и в солдатах он Евстрат никогда не бывал.

К сему распросу Евстрата Мартынова сына дьяк Абросимов руку приложил».

Из того же документа следует, что в 1710 году в деревне Чернышеве было всего 2 двора.

В августе 1714 года было 20 дворов, в которых уже жили 67 человек (33 — мужского и 34 женского пола). В ревизской сказке 1722 года [5] в деревне было записано 115 ревизских душ (мужского пола). Ко второй ревизии 1747 года [6] Чернышево уже стало селом и насчитывало 350 ревизских душ. По третьей ревизии 1763 года [7] в селе было зарегистрировано 336 жителей мужского и 352 — женского пола.

По данным экономических примечаний в Генеральному межеванию [8], относящихся к 1785 г., село Чернышево расположено «на левых берегах реки Вороны и речки Сюверени и при безымянном заливе. Церковь Архангела Михаила деревянная...». Далее упоминается мучная мельница на реке Вороне против села «с толчеею». В 1795 году в селе было уже 220 дворов [3].

Как уже отмечалось выше, село Чернышево вначале принадлежало братьям Ивану и Александру Нарышкиным, двоюродным братьям царя Петра I. Затем село перешло к Екатерине Ивановне Нарышкиной, фрейлине царицы Елизаветы Петровны. Царица высватала свою внучатую племянницу за младшего брата своего фаворита Алексея Разумовского — графа Кирилла Григорьевича Разумовского (1728—1803), последнего украинского гетмана, а затем президента Академии наук, к которому перед 3-й ревизией и перешло село в качестве приданого за Нарышкиной.

Литература и источники

1. Чернышевская Н. М. Очерки жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953.

2. Пыпина В. А. Любовь к жизни Чернышевского. Пг, 1923.

3. ГАПО, фонд 60, опись 4, ед. х. 139, л. 496.

4. ЦГАДА, фонд 350, опись 1, ед. х. 5488, лл. 868 (об.) и 942.

5. Там же, ед. х. 4819.

6. Там же, ед. х. 4822, л. 237.

7. Там же, ед. х. 4833, лл. 389—424.

8. Там же, фонд 1355, ед. х. 1081.

А. Л. КАРАМЫШЕВ

Рукопись Н. Г. Чернышевского
«Программа риторики и теории прозы»

В отчете по Казанскому учебному округу за 1851 год, напечатанном в типографии Казанского университета, сказано, что «старший учитель Саратовской гимназии Чернышевский составил программу для преподавания в гимназиях словесности, которая и введена в руководство по округу».

Многочисленные поиски названной программы Н. Г. Чернышевского до последнего времени желаемого результата не приносили. Некоторые из исследователей приходили к выводу об ее утрате.

В Казанских архивах нам удалось обнаружить этот замечательный труд педагога-революционера. Вот его содержание:

ПРОГРАММА РИТОРИКИ И ТЕОРИИ ПРОЗЫ,

составленная сообразно новым учебникам, введенным в гимназии в 1851. году по предписанию Министерства народного просвещения.

Класс четвертый
(год первый)

РИТОРИКА

1. Речь; риторика; теория прозы; пиитика. Изображение, расположение, выражение. Основания мышления: сознание и мышление. Ум, система и логика. Память и воображение. Воля, благо и этика. Изящное и эстетика. Внешнее чувство. Психология. Законы мышления: закон тождества и противоречия; закон достаточного основания; закон исключительного третьего.

2. Формы мысли. Понятие и речение. Содержание и объем понятий и отношения их между собою. Родовые, видовые и неделимые понятия и переходы понятий из одного разряда в другой.
3. Признаки понятий; положительные и отрицательные, существенные и случайные, относительные и безотносительные. Понятия ясные и темные, отдельные и сбивчивые. Понятия тождественные, согласные, противоположные и различные: опытные и умозрительные.
4. Суждение и предложение. Разделение суждений А, по количеству: на общие, частные и единичные, Б, по качеству: на безусловные, условные и разделительные; суждения утвердительные и отрицательные, аподиктические, ассерторические и проблематические.
5. Умозаключение. Большая и меньшая посылки и заключение. Умозаключение безусловное и его правила; условное и его правила; умозаключение разделительное, его основание и следствия этого основания. Сокращенные силлогизмы и сжатый силлогизм Софизм.
6. Гипотетический способ умозаключения и правила его; наведение и аномалия; аналогия и ее условия; гипотеза.
7. Определение и правила его; объяснение и описание. Логическое деяние, основание его и члены деяния; его правила. Доказательство, аксиома и теорема; доказательства умозрительные и опытные; наблюдение и опыт. Истина и наука; метод и система; методы педагогический и научный, синтетический и аналитический. Практика, теория и критика.
8. Топики, причина; причина действующая и конечная; сравнение и подобие; пример; свидетельство; обстоятельства; уступление; условие; противное; время; место; признаки; качества; свойства лица и вещи; действие и страдание; целое и части; род и вид; определение; следствие.
9. Расположение. Вступление (предисловие, введение); изложение главного предмета и вставочные (эпизоды); заключение. Виды речи: описание, повествование и рассуждение.
10. Расположение описаний. Основания его; физические и нравственные описания; начало описания; середина и правила ее расположения, конец. Расположение повествований; их главные свойства и части.
11. Рассуждение; простые и искусственные рассуждения; основания тех и других; число частей; расположение простых рассуждений: начало, середина и конец; виды искусственных рассуждений, расположение рассужде-

ний А, через предыдущее и последующее; Б, через положение и приложение.

12. Расположение рассуждений по силлогизмам. Силлогизмы простой, условный, разделительный; дилемма, энтимема; сорит; наведение, аналогия.
13. Речь отрывистая; характер ее; употребление; существенное отличие; лаконическая речь; язык надписей; речь периодическая и ее условия. Происхождение различных периодов; две части каждого периода.
14. Периоды сравнительный и противоположный; соединительный и изъяснительный; относительный и заключительный; периоды из умозаключений условных: винсловный, уступительный и условный; периоды из умозаключений разделительных: последовательный, постепенный и разделительный. Период сложный.
15. Место употребления и достоинства речи периодической; степень употребительности ее у различных народов. Обыкновенное строение речи в русском языке; его выгоды и основные его правила.
16. Понятие тропа. Метафора. Метонимия. Синекдоха (антономазия). Ирония и виды ее: сарказм, астеизм, харизитизм. Гипербола. Аллегория. Эмфазис. Металексис Катахрезис.
17. Понятие фигуры. Фигуры от недостатка слов, умолчание и бессоюзие; от излишества — избыливание, многосоюзие, единозначие; от повторения слов — усугубление, возвращение, единоначатие, единоокончание, совокупление, восхождение, окружение, наклонение, отличие, соответствие.
18. Фигуры мыслей, убеждающие разум: предупреждение, ответствование, разделение, перемещение, остроумие, отступление, возвращение, нарощение, поправление: фигуры мыслей действующие на воображение: изображение, определение, заимословие, противоположение, сравнение, определение, напряжение, превышение, умаление, невозможность.
19. Понятие слога. Условия речи: ясность, сила, благозвучие. Общие роды слога: простой, средний, высокий. Эпитеты и правила их употребления; синонимы и правила их употребления.
20. Иноязычные слова: греческие, восточные, западноевропейские; слова технические; правила их употребления. Архаизмы; отглагольные существительные; провинциализмы; слова простонародные; вновь составленные; идиотизмы; плеоназмы; обоюдность выражения, солецизмы, латинизмы и проч.

Практические упражнения состоят в определении содержания и расположения сочинения; сокращениях и извлечениях;

сочинениях на заданные темы и переводах; разборах писателей.

Класс пятый

(год второй)

ТЕОРИЯ ПРОЗЫ

1. Теория и история словесности. Предмет теории прозы. Значение философских сочинений; науки: главные отрасли наук.
2. Науки богословские, философские, математические, исторические, юридические, политические, камеральные, естественные, медицинские.
3. Науки филологические, гуманические, словесные, изящные.
4. Энциклопедия. Рассуждение. Монография. Разговор. Лекции или чтения. Записки Академий и ученых обществ, акты университетов.
5. Периодические издания: журналы, газеты, календари, альманахи.
6. Внутренние условия философских сочинений: единство, простота, образительность; ход изложения.
7. Естествоописание; описания физические и нравственные; характеры общие и частные; общие условия изображения их; изображение общих характеров; изображение частных характеров. Описатели характеров. Живописная верность в сочинениях, имеющих предметом нравственную сторону человека.
8. Путешествия общие и частные и виды частных путешествий; живописные путешествия.
9. Внешние условия философских сочинений: монологический, диалогический и эпистолярный способы изложения. Частная переписка. Форма письма.
10. Общие свойства повествований: способ изложения повествований. Понятие истории вообще. Политическая история и виды ее — история прагматическая, догматическая, критическая. Способы изложения: этнографический, хронологический, синхронистический. Задача историка. Слог истории. Летописи и исторические записки.
11. Жизнеописание; биография; автобиография; некролог, анекдот.
12. Известнейшие историки в Греции, в Риме, в Средние века.
13. Известнейшие историки в новые времена в Италии, Франции, Англии, Германии.
14. Определение красноречия. Основной вид ораторской речи, силлогизм. Приступ и различные его виды. Разде-

ление. Доказательства, их изобретение и расположение. Патетическая часть. Заключение. Декламация.

15. Различные роды ораторского красноречия: речи доказательные, похвальные, приветствия, воззвания, академические речи. Судебные речи. Панегирики и надгробные слова. Духовное красноречие.
16. Ораторство в древней Греции и Риме. Духовное красноречие в первые времена христианства и в средние века. Красноречие во Франции, Англии, Германии.
17. Деловые бумаги. Обрядовый слог и история его в России. Акты законодательные, дипломатические, распорядительные, исполнительные; акты присутственных мест; акты состояния; акты, укрепляющие имущества.

Практические упражнения продолжаются в таком же виде, как показано в IV классе.

Составил старший учитель словесности в Саратовской гимназии Н. Чернышевский¹.

Впервые вводимая в научный оборот программа риторики и теории прозы Н. Г. Чернышевского была направлена попечителем округа на отзыв профессору Казанского университета К. Фойгту, который дал ей высокую оценку. В своем донесении попечителю от 28 сентября 1851 года он писал: «Препровожденную ко мне Вашим Превосходительством при предложении от 24 минувшего августа месяца за № 3518 Программу риторики и теории прозы, составленную старшим учителем русской словесности в Саратовской гимназии г. Чернышевским, — я рассмотрел, и потому возвращая ее при сем, имею честь донести, что она составлена совершенно согласно с новыми учебниками, изданными от департамента народного просвещения в сем 1851 году, т. е. теорией словесности, в двух ее отделах. Если учебники сии введены в неперемненное руководство, то настоящая программа, по моему мнению, может и должна быть напечатана в надлежащем количестве экземпляров, взамен той, которая до сих пор служила при испытаниях.

Но давая такое одобрение, я отнюдь не желаю этим выразить таковое самим учебникам. В деле науки, я полагаю, всякий может иметь свой взгляд на предметы...»²

После одобрения программы проф. К. Фойгтом попечитель распорядился «напечатать ее в количестве 400 экземпляров». 8 декабря 1851 года начальник типографии Казанского университета доносил, что «печатание программы кончено и издержки по сему печатанию шесть рублей, да за переплет в ленточку один рубль, всего семь руб.»³.

Весь отпечатанный тираж программы быстро разошелся и окружное начальство решило выпустить ее вторым изданием.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 6588, лл. 75—77.

² ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 6588, л. 86.

³ Там же, л. 89.

31 мая 1852 года типография университета сообщала, что «программа риторики и теории прозы в числе 600 экз. отпечатана и на приход записана»⁴.

Программа была направлена во все гимназии Казанского учебного округа. В препроводительной записке попечителя говорилось: «Старший учитель Саратовской гимназии Чернышевский составил, сообразно новым учебникам для русской словесности, введенным в употребление в гимназии по распоряжению Министерства народного просвещения, *программу риторики и теории прозы*. Программа эта по надлежащем ее рассмотрении, вследствие моего распоряжения, отпечатана в типографии Казанского университета и цену ей я положил по две копейки серебром за экземпляр»⁵.

Давая о том знать Вашему Превосходительству и предлагая принять оную программу в руководство, я нужным считаю присовокупить, что сим мною предложено начальнику типографии доставить к Вам, на первый раз эти программы 25 экз; в случае необходимости на будущее время следует Вам обращаться в типографию для приобретения учебных программ»⁶.

Таким образом, из переписки попечителя округа видно, что составленная Н. Г. Чернышевским программа преподавания словесности была принята во всех гимназиях Казанского учебного округа. Разработкой программ преподавания Н. Г. Чернышевский начал свою педагогическую деятельность в Саратовской гимназии, которая длилась с 1851 по 1853 год.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 6588, л. 119.

⁵ В отделе редких книг научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского университета хранится печатный экземпляр программы Н. Г. Чернышевского без подписи автора. («Программа *риторики и теории прозы*, составленная сообразно новым учебникам, введенным в гимназии в 1851 году». Казань, 1852).

⁶ ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 6588, л. 95.

А. А. ДЕМЧЕНКО

Из истории поездки Чернышевского к А. И. Герцену

В последние годы внимание исследователей вновь обращено на один из интереснейших и до конца еще не проясненных эпизодов во взаимоотношениях Чернышевского с Герценом — лондонскую встречу 1859 года¹. Критически пересматриваются известные источники, разыскиваются новые документы и материалы, выдвигаются самые различные предположения о времени, целях и результатах свидания двух ведущих деятелей русского освободительного движения 1860-х годов. Возникшая научная полемика — явление естественное, коль скоро исследователи пока не располагают достаточно полным составом документальных свидетельств, исчерпывающе освещающих проблему. Такая полемика плодотворна, она побуждает к поискам новой аргументации в обосновании защищаемых концепций, в итоге способствуя более глубокому постижению сложной эпохи первой революционной ситуации.

В нашем сообщении предлагается анализ только одного первоисточника — письма Чернышевского к Добролюбову, датированного комментаторами концом июня 1859 года². Письмо явилось результатом только что состоявшейся встречи представителя редакции «Современника» с руководителями «Ко-

¹ См. В. С. Виленская. Примечания в книге: Б. Козьмин. Литература и история. М., «Художественная литература», 1969; Н. Н. Новикова. Снова о встрече Н. Г. Чернышевского с редакторами «Колокола» и ее значении для борьбы за единство революционных сил России. — В сб.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., «Наука», 1971, с. 170—182; Ю. Коротков. Господин, который был в субботу в Фулеме (Чернышевский у Герцена летом 1859 года). — В сб.: Прометей. Историко-биографический альманах. Т. 8, М., «Молодая гвардия», 1971, с. 166—188.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт. М., Гослитиздат, 1939—1953, т. XIV, с. 379.

локола», и эта непосредственность отклика придает ему, сравнительно с иными материалами, особое значение и содержательность. Не случайно вокруг письма со времени полемики Б. П. Козьмина с М. В. Нечкиной до сих пор не прекращаются споры относительно толкования как отдельных слов и выражений, так и общего его смысла.

Прежде всего — о более точной датировке письма.

Чернышевский выехал из Петербурга 29 (17) июня³. Два дня до 5 июля (23 июня) он провел в Париже у А. Н. Пыпина⁴, приехав в столицу Франции вероятнее всего к исходу 3 июля⁵. В. Д. Спасович свидетельствовал в неопубликованном письме к К. Д. Кавелину от 8 июля (26 июня) 1859 года: «Прибыв в Париж 3 сего июля, я застал Ваше письмо, писанное из Теплица, носил его с собою, показывал его Пыпину и Чернышевскому, с которыми я нечаянно столкнулся, — но потом оно неизвестно каким образом у меня пропало. <...>»⁶.

Первая встреча Чернышевского с Герценом, как установил Ю. Коротков по дневниковой записи Д. В. Стасова, состоялась в день приезда в Лондон — в среду 6 июля (24 июня), вторая — в субботу 9 июля (27 июня), а 12-го (30 июня) утром Чернышевский покинул Лондон. Письмо Добролюбову послано вечером 9 июля или на следующий день⁷.

Однако утверждать это можно только предположительно. Дело в том, что 9 июля Герцена могло и не быть в Лондоне. На это указывает его записка к Д. В. Стасову от 5 июля: «Я еду с Огар <евым> в четверг дни на два в St. Leonard искать приморскую квартиру»⁸. Кажется, Герцен рассчитывал пробыть вне Лондона пятницу и субботу, т. е. 8 и 9 июля. Письмо к сыну от 10 июля (28 июня) подтверждает, что намеченная еще до визита Чернышевского поездка состоялась: «Письмо твое я нашел, возвратившись с Огаревым из прогулки в Hastings Eastbourne, где мы искали домик для Natali с Лизой»⁹.

Ю. Коротков приводит еще один аргумент — записку Герцена от 11 июля (29 июня) из архива Д. В. Стасова: «Господина, который был в субботу в Фулеме, очень просят прийти

³ Выяснено Б. П. Козьминым по тексту объявления в «Санкт-Петербургских ведомостях». — «Литературное наследство», т. 67, М., 1959, с. 125. См. также: Ю. Н. Емельянов. Список лиц, выезжавших за границу, в 1857—1861 гг. В сб.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг., М., 1970, с. 370.

⁴ «Литературное наследство», с. 67, с. 125—126.

⁵ Ю. Коротков. Господин, который был в субботу в Фулеме, с. 168.

⁶ Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом). Фонд К. Д. Кавелина, д. 20688/СХП б. 10 л. 1., 10, л. 1.

⁷ Ю. Коротков. Господин, который был в субботу в Фулеме.

⁸ А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах. М., Изд-во АН СССР, 1954—1961, т. XXVI, с. 281.

⁹ А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. XXVI, с. 281.

снова завтра, во вторник, между 3 и 10 часами»¹⁰, — убедительно доказав, что адресатом записки был не Стасов, как полагали прежде, а Чернышевский, Стасов же явился лишь посредником. Но исследователь считает возможным утверждать, будто Чернышевский пренебрег приглашением и встреча 9 июля была последней. Бесспорных доказательств на этот счет, однако, не находится. Между прочим, Антонович вспоминал со слов Чернышевского: «Чернышевский сейчас же встал и немедленно стал прощаться с Герценом, который пытался его остановить, но он сказал, что ему некогда, что он спешит и ему надобно скоро уезжать, и он ушел немедленно»¹¹. 9 июля такой спешки быть не могло.

Что касается Стасова, написавшего письмо к брату в ночь с 11 на 12 июля, чтобы успеть отправить его в Петербург с Чернышевским, то сам по себе этот факт не является достаточным доказательством для утверждения, будто Чернышевский уехал именно утром 12-го. Стасов знал, как насыщен для Чернышевского день 12 июля, и он постарался передать свое послание как можно раньше. Да и у самого Стасова этот день был предельно расписан: до обеда он побывал в британском и анатомическом музеях, а вечер провел в театре («Вечер в Генрихе VIII. Что за характер»)¹².

Содержание письма к Добролюбову позволяет предполагать, что гость Герцена вряд ли писал его сразу после первой встречи, когда намеченная программа переговоров еще не была исчерпана. Отправлять же письмо 10 июля, почти накануне отъезда, не имело смысла. А не нанес ли Чернышевский свой второй визит к редакторам «Колокола» 7 июля (25 июня)? В этот день, приходившийся на четверг, Герцен с Огаревым уезжали на море. Но они могли отправиться во второй половине дня, а в первую — пригласить Чернышевского. Прямых данных об этом нет, но исключать из круга исследований четверг 7 июля как возможный день второго свидания представляется действием нелогичным. Свидетельство Н. А. Тучковой-Огаревой лишь о двух встречах обставлено у нее самой довольно серьезной оговоркой («кажется, Герцен и Чернышевский виделись не более двух раз»¹³), что само нуждается в подтверждении и не может расцениваться как безусловное.

Итак, всех встреч могло быть четыре — 6, 7, 9 и 12 июля по новому стилю, но пока только первая дата засвидетельст-

¹⁰ Сборник Пушкинского Дома на 1923 год, с. 280, 281; А. И. Герцен и. Собр. соч. в тридцати томах, т. XXVI, с. 282.

¹¹ М. А. Антонович, Г. З. Елисеев. Шестидесятые годы. М.—Л. 1933, с. 92.

¹² Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 294, архив Стасовых, оп. 4, ед. хр. 530, л. 15.

¹³ Воспоминания Н. А. Тучковой-Огаревой. — «Русская старина», 1894, № 10, с. 33.

вована документально. Письмо к Добролюбову, по нашему предположению, отослано 7—8 июля (25—26 июня).

Теперь о содержании этого письма.

«Посылаю Вам, Николай Александрович, — писал Чернышевский, — продолжение политики. Остальные листы привезу с собою, а ворочусь в Петербург на Штеттинском пароходе, который отходит в субботу 4 числа ст<арого> стиля, поэтому будет в Петер<бурге> 7 числа. Оставаться здесь долее было бы *скучно*. Разумеется, я ездил не понапрасну, но если б знал, что это дело так скучно, не взялся бы за него. Собственно здесь я с удовольствием прожил бы месяцы и годы — я нахожу, что здешние нравы лучше всего подходят к здравому смыслу, т. е. нравы туземцев. Но боже мой, по делу надобно вести какие разговоры! Не хочу писать, чтобы не огорчить Пыпина, через руки которого пойдет это письмо, но если хотите узнать вперед мое впечатление, попросите Николая Алексеевича, чтобы он откровенно высказал свое мнение о моих теперешних собеседниках, и поверьте тому, что он скажет; он ошибется разве в одном: скажет все-таки что-нибудь лучшее, нежели сказал бы я об этом предмете. Кавелин в квадрате — вот Вам все».

Наибольшее число предположений и догадок вызвала заключительная фраза приведенного отрывка. М. В. Нечкина в статье, вызвавшей первые полемические выступления Б. П. Козьмина, считала не соответствующим действительности утверждение, что Герцен 1859 года, только что резко порвавший с Чичериним, был «Кавелиным», либералом, да еще не просто, а в «квадрате»¹⁴. Б. П. Козьмин, напротив, полагал: у Чернышевского были все основания для такого сравнения, поскольку Герцен не изжил в ту пору своих либеральных иллюзий. Формулой «Кавелин в квадрате» указывалось на большее, в сравнении с Кавелиным, влияние Герцена на русское общество. Отзыв «глубоко неправилен и несправедлив. Однако сам Чернышевский был убежден в его правильности»¹⁵. Возражая своему оппоненту, М. В. Нечкина после детального исследования слов Чернышевского предложила воспринимать эту квалификацию как отзвук резкости и страстности политического спора между участниками встречи в Лондоне¹⁶.

Мнение М. В. Нечкиной было поддержано С. А. Покровским. Он писал о «явно гиперболическом отзыве Чернышев-

¹⁴ М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации (к анализу источников темы). — «Исторические записки», т. X, М., 1941, с. 35.

¹⁵ Б. П. Козьмин. Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1853 году и его переговоры с А. И. Герценом. — «Известия АН СССР, отд. лит. и яз.», 1953, т. XII, вып. 2, с. 145, 147, 148, 156—157.

¹⁶ М. В. Нечкина. Н. Г. Чернышевский в борьбе за сплочение сил русского демократического движения. — «Вопросы истории», 1953, № 7, с. 67.

ского о Герцене «Кавелин в квадрате», сделанном в частном письме и отражавшем раздражение Чернышевского упорством Герцена в отстаивании сохранившихся у него либеральных иллюзий»¹⁷.

В последующие годы предпринимаются попытки истолковать формулировку «Кавелин в квадрате» только в психологическом плане, исключая какое бы то ни было допущение политических параллелей. Так, Я. Е. Эльсберг категорически утверждал: «Брошенные в частном письме саркастические замечания, относящиеся прежде всего к личности Герцена, замечания, которым к тому же присущ оттенок сатирической гиперболы, никак нельзя воспринимать как точное определение Чернышевским своего понимания политической роли Герцена»¹⁸. «В формулу «Кавелин в квадрате», — писал о Чернышевском несколько лет спустя А. Е. Кошовенко, — он вложил не политическое, а иное содержание», а именно «черты портретно-психологического сходства Герцена с Кавелиным», которые «проявились у Герцена в его беседах с Чернышевским резче, чем обычно у Кавелина»¹⁹. «Целиком соглашаясь» с выводом А. Е. Кошовенко, И. В. Порох предлагает расшифровать «тяготеющую над советскими исследователями» формулу как «обличитель в квадрате», поскольку «в данном случае Чернышевский подразумевал пристрастие либерального профессора к обличительству»²⁰. Ю. Коротков находит возможным примирить все эти точки зрения: «Портретно-психологическое сходство Герцена с Кавелиным, таким образом, оказывается одновременно и общественно-политической оценкой»²¹.

Во всех работах формула «Кавелин в квадрате» истолковывается как «Герцен — Кавелин в квадрате». Между тем текст первоисточника противоречит такой интерпретации слов Чернышевского. Нигде о Герцене в отдельности в письме не упоминается. Чернышевский писал о своих «теперешних собеседниках», т. е. о Герцене и Огареве, который, как известно, полностью поддерживал Герцена в конфликте с «Современником» в 1859 году²². Каждый из них по высказанным при встрече взглядам напомнил Чернышевскому Кавелина. Вот

¹⁷ С. А. Покровский. О роли Чернышевского и Герцена в создании революционной организации. — «Вопросы истории», 1954, № 9, с. 84.

¹⁸ Я. Е. Эльсберг. Герцен. Жизнь и творчество. Изд. 3., М., 1956, с. 448. Подчеркнуто автором.

¹⁹ А. Е. Кошовенко. К вопросу о лондонской встрече Н. Г. Чернышевского с А. И. Герценом в 1859 году и формуле «Кавелин в квадрате». — Сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., Изд. АН СССР, 1960, с. 276, 282.

²⁰ И. В. Порох. Герцен и Чернышевский. Саратовское кн. изд-во, 1963, с. 143.

²¹ Ю. Коротков. Господин, который был в субботу в Фулеме, с. 180.

²² Об Огареве см. в кн.: Б. Козьмин. Литература и история, с. 27—37.

почему они — «Кавелин в квадрате». Основное содержание формулы заключается в сравнении Герцена и Огарева с Кавелиным, в сравнении, не стягнутым, следовательно, ни резкостью или страстностью спора, ни особой раздраженностью, ни сатирической гиперболизацией, ни глубокой неправильностью или несправедливостью.

Что же хотел сказать Добролюбову автор письма, сравнивая своих лондонских собеседников с Кавелиным? Указывал ли он на общественно-политические взгляды, как доказывал Б. П. Козьмин, или же имел в виду портретно-психологическое сходство? Поскольку этим сравнением письмо заканчивалось, как бы завершая характеристику, то ответ на поставленный вопрос естественно искать в самом письме.

Последней по времени и, нужно сказать, единственной среди обширной литературы работой, в которой письмо анализировалось детально, является указанная статья А. Е. Кошовенко. По мнению исследователя, «письмо было посвящено только той части переговоров, которая касалась ликвидации конфликта, вызванного необоснованными личными оскорбительными выпадами Герцена в адрес редакции «Современника»». В доказательство предлагаются два аргумента. Первый: «Уладив этот конфликт, вызванный, как выяснилось, «странным недоразумением», Чернышевский мог написать: «Разумеется, я ездил не понапрасну»²³.

Между тем слова «странное недоразумение» и «удивительное недоразумение», цитированные из воспоминаний Чернышевского 1880-х годов²⁴, не могут служить характеристикой конфликта между «Колоколом» и «Современником» и означали меру непонимания Герценом статьи Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года»²⁵. Встречающееся в дневниковой записи Добролюбова от 5 июня 1859 года слово «недоразумение» имело иной смысл. У Добролюбова, который преклонялся тогда перед Герценом и впервые узнал о его статье «Very dangerous!!!» со слов Некрасова, оно обозначало сомнение в том, что Некрасов верно передал содержание статьи Искандера²⁶. Следовательно, во фразе «разумеется, я ездил не понапрасну», говорилось не об «улаженности» конфликта в целом, а об определенных успехах в разуверении Герцена в неосновательности содержащегося в статье «Very dangerous!!!» обвинения редакции «Современника» в подкупе цензурным триумvirатом. В этом Добролюбов, как это видно из его «Дневника», видел главную цель поездки в Лондон, из

²³ А. Е. Кошовенко. К вопросу о лондонской встрече, с. 280.

²⁴ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1, с. 731. Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, т. 1, СПб., 1890, с. 439.

²⁵ Ю. Коротков. Господин, который был в субботу в Фулеме, с. 169—170.

²⁶ Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 8, М.—Л., 1964, с. 569—570.

краткого сообщения Чернышевского он должен был узнать прежде всего об этой основной, наиболее волнующей его части переговоров.

Спорно также всякое иное расширительное толкование фразы «разумеется, я ездил не понапрасну». Мы имеем в виду предположения о будто бы достигнутой в Лондоне договоренности об общих целях революционной борьбы.

Вторым аргументом А. Е. Кошовенко выставляет тон письма, «обильно пропитанный чувством скуки и раздраженного самолюбия». «Чернышевский не говорил бы так много о скуке, — утверждает исследователь, — если бы в письме он отрицал переговоры по политическим вопросам. В политическом принципиальном споре такие чувства возникнуть не могли бы. Чернышевский так много говорит о скуке потому, что скучно и обидно бывает, когда приходится оправдывать правого, ни в чем не повинного, в данном случае Добролюбова. И еще более скучно и оскорбительно бывает, когда приходится оправдываться от абсурдных обвинений и оскорбительных намеков. Именно эти чувства и настроения и ничто иное отражают фразы из письма: «но если б знал, что это дело так скучно, не взялся бы за него... Боже мой, по делу надобно вести какие разговоры»²⁷.

Утверждения А. Е. Кошовенко, высказанные в столь категорической форме, нуждаются в самой тщательной проверке.

Спрашивается, на каком основании делается вывод, что письмо пропитано чувством «раздраженного самолюбия»? Скуки—да, но ничего такого, что говорило бы о раздраженном самолюбии, письмо не содержит. Это относится, как мы видели, и к выражению «Кавелин в квадрате». Точно также содержание письма не дает материала для констатации чувства обиды или оскорбленности. Даже если предположить, что Чернышевским в момент переговоров и составления письма владели, кроме скуки, все указанные А. Е. Кошовенко чувства, все же остается непонятным, почему эти чувства, в том числе и скука, не могли быть вызваны политическим спором. Укажем на следующий эпизод из романа Чернышевского «Пролог». Сразу же после первой встречи Волгина с Соколовским, во время которой выявилось все несходство их убеждений, жена Волгина спрашивает мужа, понравился ли тот ему и приглашен ли Соколовский в следующий раз. Его собеседник «человек энергичный, самоотверженный...», — отвечал Волгин, — и не похож на нашу дрянь, но в таком же одурении, как они», и «скука была бы с этим Соколовским, вот главное. Хлопотун, не может не суетиться из-за всякой мелочи, и стал бы надоедать: что за радость?»²⁸. Мы далеки от прямолинейного сравнения данного эпизода с лондонским и

²⁷ А. Е. Кошовенко. К вопросу о лондонской встрече, с. 280.

²⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIII, с. 140—141.

привели этот отрывок, несомненно, заключающий в себе первоначальную политическую характеристику Соколовского, для того, чтобы показать, какими словами пользовался Волгин, образ которого несет на себе печать известных биографических черт Чернышевского²⁹, для обозначения политических взглядов своего собеседника.

Другой пример. В ноябрьском политическом обозрении за 1859 год Чернышевский раскрывает политические ходы французского правительства, желавшего избавиться от английского контроля за своей внешней политикой в Италии и Германии. Так, Франция намеревалась одно время запутать Англию в какую-нибудь авантюру, например, столкнуть с Соединенными Штатами. И в то время как вся мировая пресса, обманутая маневрами французских политиканов, была занята выяснением англо-американского конфликта, Чернышевский писал: «Нам скучно бывает разбирать дела, которые сами по себе не имеют важности, а выставляются только предложениями, прикрывающими серьезный расчет, да и ведутся по формальным тонкостям, изворачивающимся в какую угодно сторону; тем скучнее толковать о подобных делах, что газеты с необыкновенною охотою набрасываются на такой вздор и трубят о нем гораздо больше, чем о серьезных отношениях»³⁰. Перед нами аналогичный пример, когда словом «скучно», входящим в политическую лексику Чернышевского, обозначено отношение автора статьи к недомыслию иных политиков.

Далее А. Е. Кошовенко комментирует следующие строки из письма: «Если хотите узнать мое впечатление, попросите Николая Алексеевича, чтобы он откровенно высказал свое мнение о моих теперешних собеседниках, и поверьте тому, что он скажет; он ошибется разве в одном: скажет все-таки что-нибудь лучшее, нежели сказал бы я об этом предмете. Кавелин в квадрате — вот Вам все». Итак, «что сказал бы Некрасов Добролюбову о том, какое впечатление произвели на Чернышевского его лондонские собеседники?»³¹. Вопрос сформулирован не совсем точно. По совету Чернышевского Добролюбов должен был обратиться к Некрасову, чтобы тот откровенно высказал свое мнение о Герцене и Огареве, а вовсе не о впечатлении Чернышевского, предвосхитить которого Некрасов, разумеется, не мог. А. Е. Кошовенко следующим образом отвечает на поставленный им вопрос: «Ясное дело, что не характеристику политических взглядов Герцена и Огарева стал бы давать в этом случае Некрасов, так как вряд ли он мог сказать на этот счет что-нибудь больше того, что знали

²⁹ А. П. Скафтымов. Примечания к «Прологу» в кн.: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIII, с. 892—894.

³⁰ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. VIII, с. 581.

³¹ А. Е. Кошовенко. К вопросу о лондонской встрече, с. 281.

о политическом облике Герцена Чернышевский и Добролюбов. А вот по поводу того, какое впечатление могла оказать на Чернышевского аристократическая, барская натура Герцена, на этот счет Некрасов мог сказать значительно больше, потому что знал Герцена с 40-х годов».

Источники свидетельствуют, однако, что Чернышевский еще до поездки в Лондон разошелся с Добролюбовым и Некрасовым в оценке политической роли Герцена, в мнении которых «значение Герцена для лучшей части нашего общества, — писал Добролюбов у себя в дневнике 5 июня 1859 года, — очень сильно». Чернышевский не относил себя к деятелям, находящимся под влиянием Герцена. «Кто думает иначе, ошибается», — писал он по этому поводу в письме от 9 декабря 1884 года³². На просьбу Добролюбова высказаться откровенно о редакторах «Колокола» Некрасов, конечно же, резко отозвался бы о барских и аристократических замашках их (здесь мы согласны с А. Е. Кошовенко), но в то же время, по твердому убеждению Чернышевского, «скажет все-таки что-нибудь лучшее», и это лучшее будет не характеристикой личности, следовательно, а оценкой общественной и политической роли руководителей первой русской бесцензурной типографии. И, чтобы у Добролюбова не оставалось иллюзий именно относительно политических убеждений Герцена и Огарева, Чернышевский прибегнул к сравнению с Кавелиным. Только теперь выясняется содержание этого сравнения. Чернышевский имел в виду характеристику определенной, схожей с кавелинской, системы воззрений Герцена и Огарева. Поскольку же имя Кавелина было для Чернышевского и Добролюбова, как известно, символом либерализма, то Чернышевский, конечно же, указал на либерализм взглядов своих лондонских оппонентов. Вот почему оstarаться в Лондоне «долее было бы скучно»: выявились (а для Чернышевского подтвердились) серьезные принципиальные расхождения политического, мировоззренческого плана. В чем именно, в ответе на какие вопросы русской жизни столь резко разошлись участники встречи в Лондоне — об этом анализируемый источник умалчивает. Чернышевский лишь в самых общих чертах отметил наличие расхождений, избрав формулировки, наиболее понятные Добролюбову и наилучшим образом передающие общее впечатление от переговоров.

В письме содержится еще одно не совсем ясное место, связанное с именем А. Н. Пыпина: «Не хочу писать, чтобы не огорчить Пыпина, через руки которого пойдет это письмо». Б. П. Козьмин уже высказал вполне обоснованное предположение, что отрицательный отзыв Чернышевского о Герцене был бы неприятен Пыпину, горячему поклоннику издателя

³² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., в 15-ти тт., т. XIV. с. 432.

«Колокола»³³. Неопубликованные письма Пыпина подтверждают это суждение. Вот что писал он из Лондона П. П. Пекарскому 22 мая 1858 года: «<...> Мое пребывание в Лондоне проходит так весело, поучительно, занимательно, что эти две недели останутся навсегда в моей памяти. Я встретился тут с тем, что составляло предмет самого пылкого моего любопытства; я увидел тут ту деятельность и тех людей, о которых мы так много думаем в России и которые имеют так много цены для нас»³⁴. В письме к Кавелину от 22 июля 1858 года, после просьбы похлопотать о продлении командировки на год, Пыпин сообщал далее: «Проживши два месяца в Париже, я объяснил себе Вашу антипатию к нынешним французам, которой теперь заразился немного и сам. Тем больше понравилась мне Англия; жизнь в Лондоне по разным обстоятельствам останется одним из лучших воспоминаний моего путешествия»³⁵. В то же время Пыпин не соглашался с суждениями Чернышевского о русских делах. «Новостей из Петербурга после отъезда Чернышевского, т. е. уже месяца полтора, — писал он Кавелину 21 августа 1859 года, — я не имею ровно никаких. Да и вообще мои сведения о любезном отечестве в последнее время очень отрывочны, а рассказам очевидцев не могу совсем верить, потому что они весьма разноречивы. Я не мог помирить рассказов Чернышевского с рассказами Чичерина»³⁶.

Чернышевский, разумеется, знал об отношении своего двоюродного брата к Герцену и Огареву. Поэтому слова «не хочу писать, чтобы не огорчить Пыпина» еще раз свидетельствуют о резко отрицательном впечатлении, вынесенном из Фулема.

Письма к Добролюбову Пыпин, по всей вероятности, не читал. Иначе зачем было Чернышевскому писать Пыпину еще раз, из Штеттина — «в весьма разочарованном духе», как выразился Пыпин³⁷. По-видимому, Чернышевский действительно намеревался воспользоваться посредничеством Пыпина, но, пользуясь неизвестной нам оказией, отослал письмо и рукопись статьи «Политика» помимо Пыпина, а ему написал уже из Штеттина 4/16 июля (это письмо пока не обнаружено).

В заключение, еще раз проследим за ходом мыслей Чернышевского, обозначенных в письме к Добролюбову. Написав фразу «оставаться здесь долее было бы скучно», Чернышевский подчеркнул последнее слово, активизируя его смысловое значение. Но чтобы Добролюбов не понял дела таким об-

³³ «Литературное наследство», т. 67, с. 124. Ср. Ю. Коротков. Господин, который был в субботу в Фулеме, с. 179.

³⁴ Рукописный отдел Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Архив П. П. Пекарского, ед. хр. 335, л. 3.

³⁵ Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом). Фонд К. Д., Кавелина, л. 20635/СХП б. 2, л. 1.

³⁶ Там же, л. 6—6 об.

³⁷ «Литературное наследство», т. 67, с. 127—128.

разом, будто поездка вовсе была безрезультатной, автор письма тут же сообщил: «разумеется я ездил не понапрасну». то есть Герцен был поколеблен в своем мнении о «Современнике» как журнале, который нападка на обличительную литературу и гласность действует чуть ли не на руку реакции. «Но если б знал, что это дело так скучно, не взялся бы за него». Снова слово «скучно». И оно относится не к жизни в Лондоне («Собственно здесь я с удовольствием прожил бы месяцы и годы») — скучно встречаться с Герценом и Огаревым: «но боже мой, по делу надобно вести какие разговоры!» Чернышевский намекает, что это были разговоры инакомыслящих, расходящихся в чем-то главном, существенном, принципиальном. «Не хочу писать, чтобы не огорчить Пыпина», восторженного и безусловного поклонника Герцена, резкими отзывами о последнем, но попросите Некрасова «откровенно» высказаться «о моих теперешних собеседниках», «и поверьте ему» (это будут рассказы «о барстве» Герцена), затем прибавьте к этому рассказу поправку на политические взгляды Герцена и Огарева, потому что Некрасов скажет в этом отношении «все-таки что-нибудь лучшее», тогда как в действительности оба, и Герцен и Огарев — Кавелины, «Кавелин в квадрате», — «вот Вам все», то есть таково «мое впечатление» от свидания.

Главы о мастерских Веры Павловны и журнальная полемика о производственных ассоциациях

Главы романа «Что делать?» о мастерских Веры Павловны исследователи нередко сближают с теориями производственных ассоциаций в трудах зарубежных писателей и мыслителей: Е. Сю¹, Луи Блана² и др.

Полагаем, что при анализе этих глав следует учесть и полемику о производственных ассоциациях, развернувшуюся на страницах русских журналов. В частности, в «Современнике» в 1860-х гг. (как до, так и после романа Чернышевского) были высказаны многочисленные суждения по этому вопросу.

Еще до романа «Что делать?» (опубликованного в №№3—5 «Современника» за 1863 г.) теорию производственных ассоциаций разрабатывал в журнальных статьях сам Чернышевский. В его статье «Капитал и труд» («Современник», 1860, № 1) проблема ассоциаций поставлена в теоретическом плане: он пропагандировал «товарищество» трудящихся без капиталистов, в котором сами рабочие должны быть собственниками плодов своего труда³. Отметим, что и в статье и в романе речь шла о рабочих ассоциациях, прежде всего, как об общественной организации будущего. Чернышевский понимал, что в условиях самодержавного строя создание производственных ассоциаций трудящихся неизбежно натолкнется на противодействие со стороны власти: об этом говорится и в самом романе (глава IV, раздел XVII).

Ю. Г. Жуковский также считал, что рабочие товарищест-

¹ См.: А. Скафтымов. Статьи о русской литературе. Саратов, изд-во, 1958, с. 175.

² См. М. Т. Пинаев. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?» М., Учпедгиз, 1963, с. 67.

³ См.: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти тт., т. VII, М., Гослитиздат, 1950, с. 19, 20, 52.

ва не могут свободно развиваться при существовании социально-враждебного строя⁴.

Иначе подходил к вопросу А. Н. Пыпин, который, скатываясь на либеральные позиции, полагал, что и при существовавшем строе рабочие ассоциации могли явиться эффективным средством социальных преобразований⁵.

Н. В. Шелгунов относился к идее рабочих ассоциаций сдержанно, указывая, что на вопрос об их практическом значении «настоящее не дает никакого ответа»⁶.

Э. К. Ватсон, рассказывая о попытках Лассалья и Шульце-Делича создать ассоциации трудящихся в Германии, связывал с этими попытками некоторые политические иллюзии, однако признавал, что «об этом деле нельзя еще сказать последнего слова»⁷.

⁴ См.: <Ю. Г. Жуковский>. Историческое развитие вопроса о рабочих ассоциациях во Франции.—«Современник», 1864, №№ 4, 6.

Салтыков-Щедрин вообще скептически относился к идее рабочих ассоциаций. См. его статью «Современные призраки» (1863), назначавшуюся для «Современника», но не появившуюся в журнале.— М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в двадцати томах, т. 6, М., «Художественная литература», 1968, с. 400—401.

⁵ См.: Ф. Лассаль. Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия. <Предисловие и перевод А. Н. Пыпина> — «Современник», 1865, № 9.

⁶ Н. В. Шелгунов. Рабочий пролетариат в Англии и во Франции. Статья 3-я.— «Современник», 1861, № III, отд. 1, с. 269.

⁷ Э. К. Ватсон. Вопрос об улучшении быта рабочих в Германии. Статья 2-я.— «Современник», 1863, № 9, отд. 1 с. 291.

Н. С. ТРАВУШКИН

Написал ли Чернышевский статью о «Капитале» К. Маркса?

В то время, когда Н. Г. Чернышевский находился в вилюйской каторжной тюрьме, чуть ли не у самого Полярного круга, сочинения мыслителя-революционера распространялись не только повсеместно в России, но и завоевывали признание лучших умов Запада. Одним из пунктов популяризации идей Чернышевского, наряду с Лондоном (К. Маркс, П. Л. Лавров) и Женевой (М. К. Элпидин), стал Брюссель.

В конце 1873 г. в Бельгии оказался участник революционного движения, русский эмигрант А. Н. Тверитинов. Он подружился в Брюсселе с руководителем рабочей партии Сезаром Де Папом. Восторженный поклонник Чернышевского, Тверитинов познакомил бельгийских друзей с трудами русского писателя, предпринял перевод обширного тома примечаний Н. Г. Чернышевского к «Основаниям политической экономии» Милля¹. Перевод этот, отредактированный Де Папом, был напечатан в 1874 г. в небольшой типографии бельгийских социалистов². В том же году А. Н. Тверитинов перевел «Письма без адреса» Н. Г. Чернышевского, которые были опубликованы в льежской газете «L'Amidu peuple»³ со всту-

¹ Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. Воспоминания Алексея Тверитинова. СПб., 1906, с. 26—27.

² L'économie politique jugée par la science. Critique des principes d'économie politique de John-Stuart Mill par M. Tchernychevsky (traduit de russe). Tome premier. Bruxelles. Typographie de D. Brismée, 1874.

³ Выпущены были также и отдельные отски: M. Tchernychevsky. Lettres sans adresse (sur l'abolition du servage en Russie), traduit du russe. Liège, 1874. См.: М. П. Алексеев, Н. Г. Чернышевский в западноевропейских литературах. — В сб.: Н. Г. Чернышевский (1839—1939). Труды научной сессии. К пятидесятилетию со дня смерти. Ленинградский гос. ун-т. Л., 1941, с. 246.

пительной заметкой Де Папа. Затем, уже покинув Бельгию, Тверитинов, по предложению Де Папа, перевел главу «Собственность» из 2-го тома «Примечаний» к Миллю. Этот труд был напечатан в брюссельской газете «L'Économie sociale».

Важно заметить, что Сезар Де Пап сразу же использовал сочинения Н. Г. Чернышевского в своей работе теоретика-социалиста. На Брюссельском конгрессе Международной ассоциации рабочих (состоялся 26 августа — 7 сентября 1874 г.) Де Пап представил записку «Об организации общественной службы в будущем обществе». Здесь приводились обширные выписки из примечаний Чернышевского к Миллю. Чернышевский назван в этой записке «замечательным русским экономистом» и «одним из величайших экономистов нашего времени»⁴.

Изданная в Бельгии книга дошла до Чернышевского. В 1884 г. Тверитинов, давно вернувшийся в Россию, жил в Твери. В это время драматическая труппа с М. И. Писаревым во главе собиралась ехать по Волге с гастролями от Твери до Астрахани. Писарев намерен был навестить Чернышевского, с которым был ранее знаком. Узнав об этом, Тверитинов попросил актера передать Николаю Гавриловичу перевод его примечаний к Миллю. Через год М. И. Писарев при встрече с Тверитиновым рассказал о посещении Чернышевского, передал благодарность писателя за внимание к его труду. М. И. Писарев рассказал, что Чернышевский выглядит еще довольно молодо — ни одного седого волоса и т. д. — но в целом не сообщил ничего существенного, хотя, по другим источникам, впечатления его были интересными⁵.

В 1889 г. А. Тверитинов снова едет за границу. В сентябре он побывал в Париже, на знаменитой Всемирной выставке. Он очень хотел видеть Де Папа. По расспросам оказалось, что Сезар Де Пап, действительно, летом был в Париже. Тверитинов поехал в Брюссель. Встреча была очень сердечная. Разумеется, снова говорили о Чернышевском. Сезар Де Пап рассказал, что на публичных лекциях, в газетных статьях и брошюрах он в течение пятнадцати лет пропагандировал идеи Чернышевского. Переводы Тверитинова все еще были в продаже, их рекламировала издававшаяся рабочей партией газета «Le Peuple» («Народ»).

Материалы о русском писателе-революционере находим

⁴ Цезарь де-Пап. Общественная служба в будущем обществе. Записка, представленная на Брюссельский конгресс Международной ассоциации рабочих в 1874 г. Перевод с франц. с предисловием и примечаниями П. Л. Лаврова. Пг., 1919, с. 40, 43. Это сочинение Де Папа в нелегальном лондонском издании 1876 г. получило распространение в России. См.: Центр. гос. исторический архив СССР, ф. 1410, оп. 2, ед. хр. 508. Список брошюр и сочинениям, представленным в качестве вещественных доказательств по политическим делам, л. 4.

⁵ «Волжский вестник», 1897, 24 сентября.

также в это время в ежемесячном журнале «La Société Nouvelle» («Новое общество»), который издавался при самом деятельном участии С. Де Папа. В июле 1889 г. (в этом месяце день рождения Н. Г. Чернышевского) в отделе «Календарь» журнал публикует заметку. Здесь кратко говорится о литературной деятельности «отца нигилизма»: о работе в «Современнике», о романе «Что делать?» и т. д. «Ни один писатель, — читаем мы здесь, — не имел такого большого влияния в своей стране. Память о нем живет и сейчас, для русских всех сословий он является объектом настоящего поклонения. И особенно женщины преданы ему безгранично, что, впрочем, легко объясняется, ибо никогда дело женской эмансипации не знало более неутомимого защитника»⁶.

Судьба ссыльного писателя глубоко волновала Де Папа и его друзей. Тверитинов пишет: «За несколько времени перед тем в Европе распространилось через газеты известие, что Чернышевскому возвращены все права. Я сказал Де Папу, что это ложь, что Чернышевский находится под самым строгим полицейским надзором в Саратове и никаких прав ему не возвращено; он получил одно право: писать под псевдонимом Андреева. В тот же день Де Пап это напечатал в одной брюссельской газете»⁷.

Статью эту удалось разыскать. Она называется «Чернышевский. Новые сведения о его жизни и деятельности» и напечатана в социалистической газете «Le Peuple» 3 ноября 1889 г.⁸ Сезар Де Пап выражает сомнения в достоверности печатающихся в газетах известий о тяжелой болезни и даже о смерти Чернышевского: «Мы беремся утверждать, зная это из *достоверных источников*, что как раз в последнее время здоровье у него было достаточно хорошее, несмотря на все перенесенные страдания. На последней недавней его фотографии мы видим полного бодрости человека; и хотя он носит длинную бороду, но выглядит молодо, несмотря на свои 62 года... он сохранил свой прежний тонкий и светлый ум выдающегося ученого».

Далее С. Де Пап опровергает известие о помиловании Чернышевского. «Все похвалы по адресу великодушия царя оказались неосновательными. Очень больших изменений в положении Чернышевского в последнее время не произошло. Это была просто перемена места содержания: он был поселен

⁶ La Société Nouvelle. Revue international. Sociologie, Arts, Science, Letters. Paris — Bruxeller, 1889, N 7, p. 92.

⁷ Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом. Воспоминания Алексея Тверитинова. СПб., 1906, с. 95.

⁸ Комплект этой газеты за вторую половину 1889 г. отсутствует в важнейших библиотеках СССР. Мы благодарны сотрудникам Королевской библиотеки Альберта I в Брюсселе, которые по нашей просьбе разыскали публикацию С. Де Папа и прислали микрофотокопию.

в Астрахани, затем в Саратове (главный город одноименной губернии на Волге). И в Саратове, как в Астрахани, он был постоянно под надзором полиции».

Все же, пишет Де Пап, режим, которому был подвергнут Чернышевский, постепенно смягчался, и в Астрахани он получил возможность не только писать, но и печататься, хотя и под чужой фамилией. Далее назван перевод «Всеобщей истории» Вебера, приводятся заголовки и краткое содержание сочинений, напечатанных Чернышевским в журналах и газетах: «Характер человеческого знания», «Гимн Деве неба», «Материалы для биографии Добролюбова», статья по вопросам дарвинизма.

Как видим, Сезар Де Пап, обнаруживая хорошую осведомленность, безошибочно называет ряд созданных в Астрахани произведений. Более того, он располагает сведениями и о том, над чем Чернышевский еще только трудился в своем кабинете:

«Кроме того, Чернышевский в последнее время работал над историческим очерком о римских папах Иннокентии III и Григории VII, а за этим, быть может, последовала бы история папства, для которой у него было собрано немало материалов».

И в последнем абзаце статьи Сезара Де Папа находим чрезвычайно важное сообщение:

«Наконец, и это представляет наибольший интерес для нас, социалистов, уверяют, что Чернышевский давно уже собирается опубликовать критическую статью о Карле Марксе и его книге «Капитал»; но его издатель до сих пор воздерживается от публикации этого труда из опасения, что он будет ужасно искажен цензурой. Надеемся, что этот очерк все же в скором времени может появиться в свет и что он будет достоин стать в один ряд с сильнейшей его «Критикой политической экономии Стюарта Милля» и с не менее сильной «Критикой политической экономии» Маркса».

Чернышевский о Марксе, какой подарок читателям-социалистам!»

Через несколько дней С. Де Пап пишет статью «Новое о Чернышевском» и для журнала «La Société Nouvelle». В основу ее положена публикация Де Папа в газете «Le Peuple». В журнальной статье, также ссылаясь на «достоверные источники» (слова эти и в газете и в журнале многозначительно выделены курсивом), Де Пап несколько расшифровывает их, упоминает о «друзьях» писателя, которым довелось видеть его и беседовать с ним. Они «уверяли нас, — пишет Де Пап, — что у него нет ни одного седого волоса в бороде». В этой фразе, несомненно, отразилось то, что рассказывал Тверитинову о Чернышевском артист М. И. Писарев.

Дословно повторяется в этой статье Де Папа и важное

сообщение о намерении Чернышевского опубликовать критический очерк о «Капитале» Маркса.

В постскриптуме С. Де Пап добавляет, что его надежды на достоверность телеграмм о смерти Чернышевского, к сожалению, не оправдались: «Еще до сдачи рукописи этой статьи в печать мы получили русскую газету «Новости» с длинным некрологом Чернышевского. Не приходится сомневаться в правильности скорбной вести. Но это не влияет на достоверность изложенных выше фактов о работе великого социалиста в годы ссылки. Только что, одновременно с газетой, мы получили письмо с подтверждением того, что Чернышевского не стало»⁹.

Таким образом, эта статья Де Папа приобрела значение некролога.

Газетная статья Де Папа сразу же, 4 ноября, была послана Полем Лафаргом в Лондон Энгельсу¹⁰. В ответном письме Энгельса от 16 ноября 1889 г. говорится: «В настоящий момент у меня нет никакой возможности проверять все «знаете ли Вы» г-на Де Папа. Венская «Arbeiter-Zeitung» получила из Петербурга подтверждение о его (Н. Г. Чернышевского. *Ред.*) смерти, но, принимая во внимание лживость русского правительства и легенды о русских революционерах, все может быть и правдой и ложью»¹¹.

Тем не менее, 16-го же ноября в газете «Социал-демократ», выходящей при участии Энгельса в Лондоне, был напечатан некролог. Здесь приводятся биографические данные, называются труды Чернышевского, в том числе (со ссылкой на газету «Le Peuple») астраханского периода. Повторено и сообщение о работе Чернышевского над статьей, посвященной Марксу:

«... Де Пап пишет, что его уверяли, будто Чернышевский давно хотел опубликовать критическую статью о Карле Марксе и «Капитале» и только из боязни, что цензура слишком ее исковеркает, до сих пор не выполнил этого намерения. Если это все подтвердится, мы можем только пожелать, чтобы те, в чьи руки попадет литературное наследие Чернышевского, поторопились бы с опубликованием упомянутой работы».

* * *

Сообщение Де Папа о работе Чернышевского, посвященной Марксу, вошло в научный оборот сравнительно недавно. Перевод журнальной статьи Де Папа помещен в виде прило-

⁹ С. De Paere. Revelations sur Tchernychevsky. Sa vie et ses travaux durant la deportation. — Sa mort. — «La Société Nouvelle», 1889, N 10, p. 374.

¹⁰ Friedrich Engels. Paul et Laura Lafargue. Correspondance, t. 2 (1887—1890). P., 1956, p. 351.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 37, с. 258.

жения в книге И. М. Романова «Мировоззрение Н. Г. Чернышевского в 1872—1883 годах» (Якутск, 1958, с. 285—286). В 1959 г. в «Литературном наследстве» (т. 67) было опубликовано обстоятельное исследование Вольфа Дювеля (ГДР) «Чернышевский в немецкой рабочей печати». Здесь приводится некролог из «Социал-демократа» (16 ноября 1889 г.), в котором повторено сообщение Сезара Де Папа. На ту и другую публикацию иной раз ссылаются историки и литературоведы¹². К сожалению, ни публикаторы, ни позднейшие исследователи не смогли добавить ничего к заявленному Де Папом. Представляющее огромный интерес сообщение так и не получило пока подтверждения какими-либо дополнительными свидетельствами, Де Пап остается единственным человеком, от которого это сообщение исходит.

Важно было бы выяснить, от кого получил бельгийский социалист такие ценные сведения. По понятным причинам он умалчивает о своих собеседниках. Но он настаивает на достоверности публикации: «Мы могли бы, в случае необходимости, назвать имена русских, которые были у Чернышевского, видели его и сообщили нам эти факты».

Один из собеседников — это, несомненно, Тверитинов. Он передал С. Де Папу впечатления артиста М. И. Писарева, побывавшего у Чернышевского в Астрахани в 1884 г. Примечательно, однако, что Тверитинов, не имевший возможности лично встретиться с Николаем Гавриловичем, располагает и гораздо более свежими данными: он рассказывает Де Папу о положении Чернышевского в Саратове, а ведь со времени переезда из Астрахани не прошло и трех месяцев. Известно, что Тверитинов, инженер-путеец, служил в министерстве путей сообщения, сын же Чернышевского, Михаил Николаевич, служил в управлении одной из железных дорог. Из мемуаров Тверитинова видно¹³, что они были знакомы. Можно предположить, что через Михаила Николаевича Чернышевского Тверитинов и был осведомлен о жизни писателя, о его сочинениях, публиковавшихся под псевдонимами.

Важно заметить, что Де Пап имел точные сведения не только о напечатанных произведениях Чернышевского, но и о работе, которая оставалась в замыслах и набросках. Таково упоминаемое в обеих статьях Де Папа историческое исследование Чернышевского о папах Иннокентии III и Григории VII. Известно, что над очерком о борьбе этих пап с императорами Чернышевский работал летом 1887 г. Тогда же он переписывался с А. Н. Пыпиным о возможности опубликования такой статьи в журнале. Но возможности напечатания были проблематичны, работа не была завершена. Рукопись

¹² См.: А. Л. Григорьев, Социалистические идеи русской литературы в зарубежном восприятии. — «Русская литература», 1969, № 3, с. 199; С. С. Волк. Карл Маркс и русские общественные деятели. Л., 1969, с. 56.

¹³ Воспоминания, с. 98.

ее отыскалась в 1905 г., а впервые была напечатана лишь в 1932 г. Де Пап мог узнать об этой работе Чернышевского лишь от людей, весьма близких писателю, не только бывавших в его доме, но и пользовавшихся доверием.

В то же время бесспорно, что А. Тверитинов ничего определенного не знал о статье, посвященной «Капиталу». В мемуарах его читаем: «Когда я в последний раз в 1889 году виделся с Де Папом, он меня убедительно просил перевести ему по-французски критику Чернышевского на Маркса (тогда ходил слух, что такая критика существует) и после, за несколько дней до своей смерти просил меня об этом письменно»¹⁴. Тверитинов приводит (во французском подлиннике) само письмо Сезара Де Папа от 16 сентября 1890 г.: «...Я буду счастлив иметь возможность пропагандировать на Западе сочинения этого выдающегося писателя; передают, что осталось несколько непереуведенных, как бы посмертных, статей, и особенно выделяется, как говорят, разбор или критика «Капитала» Маркса. Это также было бы прекрасным материалом для одного из наших журналов на французском языке»¹⁵.

Как видим, для Тверитинова статья о Марксе всего лишь «слух», тогда как Де Пап представлял себе эту работу Чернышевского завершенной или настолько продвинувшейся, что можно было надеяться на скорое появление ее в печати.

Возможно, что С. Де Пап получал сведения о Чернышевском и путем переписки с русскими друзьями. Ведь ссылается же он в своей статье-некрологе на полученное из Петербурга письмо вместе с номером газеты «Новости», в котором было напечатано сообщение о кончине писателя.

Где искать собеседника (или собеседников) Сезара Де Папа? С кем из русских, кроме Тверитинова, он переписывался?

14 июля 1889 г. в Париже открылся Международный социалистический конгресс, положивший начало II Интернационалу. Де Пап мог здесь общаться с представителями русской революционной эмиграции и с делегатами, приехавшими из России.

В числе видных участников конгресса был П. Л. Лавров. С ним Де Пап был знаком, переписывался еще в 70-х годах¹⁶. Лавров имел обширнейшие связи, к нему стекалась самая разнообразная информация о русских делах, в том числе и сведения о жизни и литературной деятельности Н. Г. Чернышевского в Астрахани.

В качестве делегата от группы русских рабочих была на социалистическом конгрессе сотрудница петербургской газеты «Новости» Е. Г. Бартенева, знакомая П. Л. Лаврова еще

¹⁴ Там же, с. 37.

¹⁵ Там же, с. 95—96.

¹⁶ См. письмо С. Де Папа П. Л. Лаврову от 1 сентября 1875 г.—Центр. гос. архив Октябрьской революции, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 347.

со времени Парижской Коммуны¹⁷. Е. Г. Бартенева известна как горячая пропагандистка идей Чернышевского, автор статей о нем в зарубежной рабочей прессе¹⁸. Участвовала она и в работе женского конгресса, состоявшегося тогда же в Париже.

Не является ли отзвуком беседы Сезара Де Папа с Е. Г. Бартеновой несколько неожиданная фраза в упоминавшейся уже «календарной» заметке журнала «La Société Nouvelle» (июль 1889), фраза о преклонении женщин перед Чернышевским — сторонником женской эмансипации? Е. Г. Бартенева могла рассказать или написать Де Папу и о последних трудах Чернышевского. В ее статье об умершем писателе, помещенной в венгерской газете «Arbeiter-Wochen-Zeitung» 10 ноября 1889 г., говорится: «Он оставил множество законченных и незаконченных работ...»¹⁹. Осенью 1889 г. Е. Г. Бартенева находилась уже в Петербурге, от нее Де Пап мог получить письмо и газету «Новости», на которые он ссылается, сообщая о смерти Чернышевского.

Таким образом, Де Пап в 1889 г. получал или мог получать сведения о Чернышевском от Гверитинова, Лаврова, Бартеновой. Однако мы так и не знаем, насколько достоверно его сообщение о работе Чернышевского над статьей, посвященной «Капиталу» Маркса. Чтобы выйти из области предположений, требуются новые и новые факты.

* * *

Попытаемся подойти к волнующему нас эпизоду с другой стороны. Какова вероятность обращения писателя к этой теме? Были ли у него к тому какие-то побуждения, специфические интересы? Насколько этот замысел «вписывался» в круг его занятий и размышлений?

Известно, что Н. Г. Чернышевский познакомился с экономическими трудами Карла Маркса еще в Сибири. Находясь на каторге в Забайкалье (1866—1871 гг.), Чернышевский все же мог пользоваться новыми русскими и иностранными журналами и книгами, которые ему и его товарищам по несчастью присылали родные. Среди книг, которые у него были, мемуаристы называют изданные на немецком языке труды К. Маркса «К критике политической экономии» и «Ка-

¹⁷ И. С. Книжник-Ветров. Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. Е. Д. Дмитриева. А. В. Жаклар. Е. Г. Бартенева. М.—Л., 1964, с. 231.

¹⁸ Я. Штернберг. Статьи по поводу смерти Чернышевского в венгерской рабочей печати и их автор. — «Русская литература», 1964, № 2, с. 106.

¹⁹ Там же, с. 110.

питал», том первый²⁰. Позднее, переведенный в Виллюйск, Н. Г. Чернышевский имел, что подтверждается и архивными данными, первый том «Капитала» в русском переводе Г. Лопатина и Н. Даниельсона, изданный легально в 1872 г.²¹ В этот период Н. Г. Чернышевский из-за недостатка новой литературы, по несколько раз, как он сам сообщал, перечитывал имевшиеся у него книги. Надо полагать, и «Капитал» Маркса, доступный во всей глубине лишь при тщательном штудировании, внимательно изучался Чернышевским. Автор известного в революционных кругах сочинения «Капитал и труд» и знаменитых «Очерков политической экономии (по Миллю)», он был крупнейшим экономистом домарксова периода, ближе всех из европейских мыслителей подошел к научному социализму. Труд Маркса он читал как ученый-специалист.

И вот Чернышевский в Астрахани. Ему представляется, что скоро удастся вновь завоевать себе место в литературе, в журналистике, пусть под псевдонимом, пусть в условиях цензуры. Личный секретарь Николая Гавриловича К. М. Федоров об этой поре рассказывает: «В голове Чернышевского витали грандиозные планы: в журналах он предполагал помещать статьи по вопросам философии, истории и беллетристики. Кроме того, он предполагал заняться переизданием своих сочинений и в первую очередь, как он мне не раз потом говорил, издать «Основания политической экономии Милля», для которой он должен был переделать весь текст Милля по своим понятиям с разъяснениями, в чем разница между оригиналом и его переделкой»²². Это подтверждается и перечнем возможных работ, который Николай Гаврилович составил в то время для отсылки А. Н. Пышину.²³ Сохранилась также заметка Чернышевского на отдельном листке: «Мои просьбы. 1) О присылке книг. Мой перевод Милля...»²⁴

Комментарии к «Политической экономии» Милля Николай Гаврилович считал «выдающимся, серьезным своим трудом»²⁵. О нем шла речь, когда летом 1884 г. к ссыльному писателю заходил артист М. И. Писарев, передавший от А. Н. Тверитинова переведенные на французский язык «Основания политической экономии»²⁶.

²⁰ А. В. Карякина. Круг чтения Н. Г. Чернышевского в Александровском заводе. — «Филологические науки», 1965, № 3, с. 122.

²¹ И. М. Романов. Н. Г. Чернышевский в виллюйском заточении. Якутск, 1957, с. 99—100.

²² К. М. Федоров. Чернышевский в Астрахани.—«Молодая гвардия» 1958, № 7, с. 224.

²³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., в 15-ти тт., т. XV, с. 440. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

²⁴ Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953., с. 542.

²⁵ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 274.

²⁶ «Волжский вестник», 24 сентября 1897 г.; Летопись, с. 534, 537.

И знаменательно, что до последних дней жизни мысль о выдающемся значении политэкономии и о занятиях ею не оставляют Чернышевского. Мы встречаем эту мысль в воспоминаниях многих лиц о беседах с писателем.

Так, Н. Ф. Скориков передает: «Мы сели у письменного стола. — Судя по вашим словам, — начал первый Николай Гаврилович, — вас интересует серьезное чтение и особенно книг по политической экономии. Дело хорошее. Изучение политической экономии следует, действительно, предпочитать мыслящим людям, так как она указывает нам вернейшие пути к достижению человеческого счастья. Вместе с тем, дело это слишком серьезное и требует от интересующихся большого труда и усилий... Если только современная молодежь действительно увлекается изучением политико-экономических наук, то это увлечение весьма похвально...»²⁷

Интересно, что при встрече с Б. А. Марковичем (в мае 1887 г.) речь шла о таких «писателях» как Герберт Спенсер и Карл Маркс²⁸, то есть о мыслителях-обществоведах.

Жизнь Астраханского края, который издавна развивался на капиталистических началах, давала немало поводов для размышлений на экономические темы. Весьма показателен в это время интерес Чернышевского к труду и быту городских рабочих и рыболовецкого населения. Один из секретарей писателя, М. П. Краснов, рассказывает: «Во время прогулок он заходил иногда к мастеровым, рабочим, знакомясь с их бытом, с положением труда, с его доходностью. Знакомство с ними он заводил, пользуясь каждым удобным случаем»²⁹.

Любопытно и такое свидетельство: встретившись с астраханским рыбопромышленником Беззубиковым, Чернышевский показал свою осведомленность и в этой области, «стал описывать жизнь загнанных, работающих под открытым небом и под палящими лучами солнца, рабочих и работниц, и так мастерски, живо и ярко, что даже и этот кулак почувствовал, хотя только в этот момент, жалость и прослезился»³⁰.

Вероятно, немало интересующих писателя данных он мог получить, беседуя с врачом С. М. Поповым. Встречи с ним зафиксированы полицейским наблюдением в 1885 г.³¹, продолжались они и в последующее время. С. М. Попов, человек радикальных взглядов, был городским санитарным врачом и

²⁷ «Исторический вестник», 1905, № 5, с. 483.

²⁸ Н. Е. Крутикова. Из истории братских культур (Н. Г. Чернышевский и Марко Вовчок в письмах Б. А. Марковича). — «Русская литература», 1972, № 4, с. 131.

²⁹ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II с. 286.

³⁰ В. Е. Чешихин-Ветринский. Н. Г. Чернышевский. Пг., 1923, с. 194.

³¹ К. Виноградов. Н. Г. Чернышевский в Астрахани (Материалы к биографии из Архива Астраханского губ. жандармского управления). — «Голос минувшего», 1917, № 7—8, с. 195; Гос. архив Астрах. обл., ф. 289, оп. 1, ед. хр. 130, л. 3, 40, 50.

тщательно изучал положение трудящегося люда; впоследствии он выпустил довольно значительного объема брошюру на эту тему³².

Да и те беседы в купеческой среде, о которых Чернышевский отозвался так иронически, разговоры о ценах на рыбу, об учете векселей и т. п. (XV, 730), вряд ли были совсем бесполезны для ученого-экономиста. В живом общении его с астраханскими богачами политико-экономические абстракции приобретали объемность, наполнялись конкретным содержанием. Писатель приходил к выводу, что купец, ростовщик, капиталист требуют такого же глубокого и многостороннего раскрытия в искусстве, как и представители других групп общества. Интересны в этом смысле суждения Чернышевского в письмах к И. И. Барышеву летом 1888 года. Здесь писатель высказывается об изображении купечества в литературе, в частности, в пьесах А. Н. Островского. Он возражает против излюбленных у писателей-народников карикатурных фигур, разговаривающих «утрированным для смеха публики языком» (XV, 728). «Я говорю не об идеализировании русского купечества... Думая о купечестве, порицая в своих мыслях дурные обычаи его, я помню, что купец не только купец, но и человек» (XV, 748). Не только нахальный «Чумазый», не просто отвлеченно-обобщенный «господин Купон» — Чернышевский видит людей, жизнь которых с их «дурными обычаями» независимо от их воли и моральных качеств определяется экономическими законами. «Положим, человек имеет 100 000 р. капитала и 10 000 р. дохода; этого было б очень достаточно ему, если б не было рядом с ним человека, имеющего в 10 раз больше; но миллионер пользуется почетом; в человеке, имеющем 10 000 р. дохода, развивается желание приобрести такое же почетное положение; от этого и происходит неумеренность в любви к деньгам. Корыстолюбие лишь одна из форм честолюбия» (XV, 748—749).

В таком «биографическом» окружении, имея в виду такие встречи и беседы, такие размышления писателя, мы можем более ясно представить себе относящийся к лету 1888 года замысел Чернышевского предпринять «переработку некоторых отделов науки» (XV, 738) и создать с этой целью «трактат», как он его называет. Трактат этот должен был состоять из «ряда статей об условиях прогресса» (XV, 740), «о законах материального благостояния» (XV, 737). «Вступлением» к этому циклу явилась статья «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь». В письмах редакто-

³² Санитарный обзор и медико-статистическое исследование г. Астрахани с кратким изложением первой десятилетней деятельности астраханских городских санитарных врачей. Вып. 1, Астрахань, 1895. Характеристику содержания брошюры см. в статье: С. В. Свердлина, Н. Г. Чернышевский в период астраханской ссылки. — В сб.: «Литературное краеведение», вып. II, Астрахань, 1967, с. 40.

рам «Русской мысли» В. А. Гольцеву и В. М. Лаврову от 19 августа 1888 г. Чернышевский объяснил, что «она лишь первая в ряду предположенных мною статей о тождестве условий материального благосостояния с требованиями разума и совести» (XV, 737), что он намерен «присылать продолжение, отделы которого тоже будут, вероятно, иметь вид особых статей» (XV, 740). Но публикация первой статьи в «Русской мысли» была сопровождена редакционным примечанием, которое не понравилось писателю, он почувствовал, что его статьи по общим вопросам миропонимания и экономического устройства общества «неудобны» для журнала. Вероятно, поэтому работа над циклом статей была прекращена, хотя, как пишет Чернышевский, у него «осталось вдвое больше листов, чем сколько ушло для составления из них первой статьи» (XV, 737). От этого замысла сохранилось лишь несколько разрозненных, не озаглавленных писателем отрывков («Сочетание оптимизма и пессимизма в зоологии», «О влечении к оправданию дурных поступков», «По поводу смещения в науке терминов «развитие» и «процесс», «О новизне в разных областях человеческой деятельности» и др.)³³. Намерение Чернышевского в этом ряду статей об условиях прогресса человечества и законах материального благосостояния рассмотреть «Капитал» Маркса представляется нам вполне вероятным.

И в последние месяцы своей жизни, уже в Саратове, Чернышевский все еще думал о той форме, в которой ему можно было бы изложить занимавшие его долгое время размышления. Один из мемуаристов сообщает: Чернышевскому представлялось, что «очень скоро он в состоянии будет написать две книги для детей: политическую экономию и историю. Он хотел их назвать книгами для детей, но, — разъясняет мемуарист,—мечтал, собственно говоря, создать книги для народа»³⁴.

А в одном из разговоров прорвалась давно, видимо, выношенная оригинальная мысль о самой трактовке любимого им предмета: «Все силы и мысли политико-экономов направлены на изучение законов накопления богатств. Это старый и ложный путь. Надо брать с другого конца... Изменению современного строя может содействовать только распределение. Но кто этим занимается в настоящее время? Только утописты. Но у всех такие куцые, короткие шаблоны. Для ясного представления будущего мало одной фантазии, нужно знание... представления о новом порядке никакого нет, потому что знания в этом направлении нет и не было»³⁵.

Здесь, быть может, мы и находим, наконец, изложение

³³ Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, с. 577.

³⁴ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 342.

³⁵ Там же, с. 345.

замысла «критической статьи» о «Капитале» Маркса. Вспоминаются знаменитые строки «Капитала» из заключительного раздела XXIV главы «Историческая тенденция капиталистического накопления»: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют»³⁶. Чернышевскому, надо полагать, — если только мемуарист правильно передавал его мысли, — было недостаточно этой ёмкой, но краткой формулы будущего, он желал бы видеть в политэкономии обстоятельное исследование не только процесса накопления, но и законов рационального распределения производимых человечеством благ, знание которых, по мысли Чернышевского, необходимо для построения нового общества.

Распределению богатств Чернышевский уделил огромное внимание в статье «Капитал и труд» (1860), где он изложил разработанную им «экономическую теорию трудящихся» в противоположность господствовавшей тогда «теории капиталистов». Чернышевский полагал, что средств для преобразования общества на социалистический лад «нужно искать в порядке распределения ценностей» (VII, 43). «Теория трудящихся, — писал он, — главное свое внимание обращает на задачу о распределении ценностей» (VII, 43). «Принцип наимыгоднейшего распределения» определяется, по мысли экономиста-революционера, тем, что «всякая ценность есть исключительно произведение труда, и правилом здравого смысла, что произведение должно принадлежать тому, кто произвел его» (VII, 44). Человечество должно отвергнуть принцип частной собственности, капиталистический способ производства; «форма, находимая для производства теорией трудящихся, есть товарищество» (VII, 52). Эти же мысли мы находим и в «Очерках политической экономии по Миллю».

В качестве одного из мыслимых примеров будущего устройства общества Чернышевский и в том и в другом труде излагал «план» французского утописта Луи Блана из его в свое время популярной в демократической среде книги «Организация труда». «...Экономическая история движется к развитию принципа товарищества», — утверждал Чернышевский (IX, 643). Производственные товарищества, «ассоциации», «коммуны» — вот вехи пути к лучезарному будущему, к довольству, к счастью людей. «... Мы теперь, какого благосостояния ни ожидали бы от формы товарищества между трудящимися, не в силах вообразить себе ничего равного высокому благосостоянию, которое произведет она в действительности» (VII, 56).

Автор снов Веры Павловны, как кажется, и хотел бы видеть глубокую аналитическую работу Маркса продолженной, дополненной таким же могучим синтезом, экономической теорией будущего.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, с. 773.

Но как избежать утопии? Ведь законы распределения богатств в будущем обществе невозможно вывести умозрительным путем. Основоположники научного коммунизма решительно отказывались от преподнесения рецептов для людей будущего, оставляя им самим решать конкретные вопросы в соответствии с новыми обстоятельствами. В 1873 г. в послесловии ко второму изданию «Капитала» К. Маркс писал: «...я ограничиваюсь критическим расчленением данного, а не сочиняю рецептов... для кухни будущего»³⁷. В интервью Ф. Энгельса 1893 года читаем: «...Мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы. Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намека на них не найдете у нас. Мы будем уже удовлетворены, когда нам удастся передать средства производства в руки всего общества...»³⁸.

Не под силу было провидеть экономические законы будущего и Чернышевскому. Но сама мысль об этом могла возникнуть у писателя потому, что, при всей его трезвости как революционного деятеля, он еще не мог тогда преодолеть идеалистического подхода к пониманию законов общественного развития. Горячо веря в будущее социалистическое общество, порываясь увлечь массы к революции, Чернышевский все же как просветитель, как социалист-утопист во многом полагался на силу разума...

Критиковать Маркса значило бы подняться выше него. Вот, пожалуй, причина того, что замысел Чернышевского написать «критическую» статью о «Капитале» остался неосуществленным или не доведенным до конца...

«Как в бытность свою в Сибири, — пишет К. М. Федоров, — так потом и в Астрахани и Саратове многие написанные Чернышевским литературные произведения им часто уничтожались».

На мой вопрос, почему он уничтожает ту или иную статью, обыкновенно в ответ получалась всегда стереотипная фраза: «Не нравится: слишком суха и безжизненна»³⁹.

Быть может, такова и судьба набросков Чернышевского о «Капитале» Маркса, если, конечно, они были...

Остается надеяться, что со временем в архивах или в печатных источниках найдутся материалы, проливающие свет на оставшийся нерешенным вопрос.

³⁷ Там же, с. 19.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, с. 563.

³⁹ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 379.

С соратниками В. И. Ленина

(Из истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского)

Дом-музей Н. Г. Чернышевского — одно из первых детищ Великой Октябрьской социалистической революции. Он был создан и укреплен по желанию Владимира Ильича Ленина, который с юных лет читал и любил Чернышевского.

Ленин особенно любил роман «Что делать?» и говорил о нем: «Вот это настоящая литература, которая учит, ведет, вдохновляет! Я роман «Что делать?» перечитал за одно лето раз пять, находя каждый раз в этом произведении все новые волнующие мысли»¹.

Выдающийся ученый, философ и экономист, блестящий публицист и литературный критик, Чернышевский был дорог В. И. Ленину и его соратникам. Они несли в массы учение великого революционного демократа как крупнейшего предшественника научного коммунизма в нашей стране, расчистившего путь для проникновения марксизма в Россию.

В 1918 году дом, в котором родился Николай Гаврилович Чернышевский, был передан по докладной записке Советскому правительству его сыном Михаилом Николаевичем в народное достояние для устройства в нем музея. В это время в нашей стране существовало всего три литературных музея. Сейчас их насчитывается более ста пятидесяти. При Народном Комиссариате по просвещению была организована коллегия под руководством А. В. Луначарского, куда входили Надежда Константиновна Крупская, Дмитрий Ильич Ульянов, Михаил Иванович Калинин и другие соратники В. И. Ленина. Из коллегии была выдана М. Н. Чернышевскому охранная грамота за подписью Луначарского от 26 марта 1918 года. В это время В. И. Ленин имел беседу с правительственным комиссаром Литературно-издательского отдела Наркомпроса П. И. Лебедевым-Полян-

¹ «Вопросы истории», 1955, № 1, с. 28.

ским, в которой выразил свое отношение к этому делу. Он сказал:

«А вы знаете, Михаил Николаевич, сын Чернышевского, организует в Саратове музей, где будут собраны рукописи, фотографии и т. п. Хорошее дело, надо всячески помогать. Скажите Луначарскому»².

Для облегчения первых шагов по устройству музея, Саратовскому Совету рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов было выслано Луначарским телеграфное распоряжение с информацией о передаче дома Чернышевского в народное достояние. Тогда же были переведены первые суммы на его капитальный ремонт.

Создание музея потребовало напряженной работы его основателя М. Н. Чернышевского. В труднейших условиях того времени он ежегодно, при содействии партийных и советских организаций, ездил в Москву, где его принимал А. В. Луначарский. 17 сентября 1920 года был принят Декрет Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина «Об объявлении музея имени Чернышевского в Саратове национальным достоянием и передаче его в ведение Народного комиссариата просвещения». Таким образом, дом Чернышевского был превращен в государственный музей.

М. Н. Чернышевскому с большими трудностями удалось вывезти из Петрограда первое оборудование для музея. В 1921 году при жизни В. И. Ленина были утверждены Положение о музее и его первоначальный штат. Он состоял из трех человек: пожизненного директора, научного сотрудника и сторожа.

Культурно-просветительная работа музея шла непрерывно при непосредственном участии Михаила Николаевича. В течение нескольких последних лет своей жизни Михаил Николаевич выступал с пропагандой идейного наследия своего отца в самых разнообразных аудиториях. Его слушали рабочие, красноармейцы, работники кооперации, научные деятели, учителя, студенты, школьники.

Вместе с тем велась и научно-исследовательская работа: в музее сохранились лекции и «Конспективные заметки по работе с посетителями музея», статья для Путеводителя и др. Михаил Николаевич неутомимо занимался расшифровкой студенческих дневников своего отца, впервые знакомил посетителей с такими его изречениями, как «я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока... И сладко будет умереть, а не горько».

Свою лекцию для первых посетителей, принимавшихся сначала только в одной комнате Дома, Михаил Николаевич до-

² Б. Яковлев. Критик-боец (о П. И. Лебедеве-Полянском). Госполитиздат, М., 1960, с. 14—15.

полнял личными воспоминаниями о поездке в семилетнем возрасте вместе с матерью в Сибирь для свидания с отцом на каторге в Кадаинском руднике. Автору этих строк, бывшему научному сотруднику музея, приходилось не раз слышать эту интересную беседу.

В это время еще была жива двоюродная сестра Николая Гавриловича — Екатерина Николаевна Пыпина, скончавшаяся в 1933 году на 86-м году жизни. Она передала музею две тысячи писем семейной переписки, различные мемориальные вещи и мебель из дома Чернышевских. По воспоминаниям Е. И. Пыпиной, записанным научным сотрудником музея, можно было восстановить устройство дома и произвести его реставрацию.

Михаил Николаевич оставил в архиве музея переписанные им произведения Н. Г. Чернышевского, подлинники которых были найдены в жандармских архивах после Октябрьской революции. По этим рукописям готовились первые пореволюционные издания.

Ученические рукописи отца Михаил Николаевич передал в музей и показывал посетителям. Тут были записи в тетрадях на русском, латинском, греческом, древнееврейском, татарском, арабском и персидском языках, сочинения по философии, богословию, истории и естествознанию.

Но основной архив Чернышевского 60-х годов, то есть то, что осталось от его сотрудничества в «Современнике», находился в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук (в Ленинграде) и поступил в музей уже после смерти Михаила Николаевича. 9 августа 1926 г. перед Конференцией Академии Наук музеем было возбуждено ходатайство о передаче ему рукописей в связи с окончанием капитального ремонта и реставрации Дома, когда были созданы благоприятные условия для хранения и изучения архива.

С этих пор начинается разборка рукописей, сличение текстов, открытие неизданных работ Николая Гавриловича и подготовка их к печати. Большое участие в этом приняли саратовские ученые: профессора университета А. П. Скафтымов, С. И. Чернов, В. Г. Буш, П. А. Любомиров, В. Г. Ильинский и другие. Они же вошли в комиссию по организации первой экспозиции Дома-музея.

Теперь, когда прошло полвека со времени организации музея, хочется с особенной признательностью вспомнить тех соратников Владимира Ильича Ленина, которые принимали непосредственное участие в создании музея, в росте научно-исследовательской и культурно-массовой его работы. Это были государственные деятели, впитавшие выдвинутую В. И. Лениным идею культурной революции и претворившие ее в большие дела.

Первым идейным шефом музея был Анатолий Васильевич Луначарский, в руках которого сосредоточился выполнение

задач по увековечению памяти Чернышевского: и создание музея, и последовавшая за этим финансовая поддержка, и охрана его путем выдачи соответствующей грамоты 26 марта 1918 г., а также помощь в устройстве усадьбы и забота о семье писателя.

В 1927 г. А. В. Луначарский посетил музей Н. Г. Чернышевского, ознакомился с его экспозицией и обещал оказать ему материальную поддержку к 100-летию юбилею писателя.

«Живой товарищ, наш товарищ Николай Чернышевский будет еще долго маршировать в наших рядах, как в высшей степени могучий, преданный нашему делу передовой борец за социалистические идеалы», — так сказал Луначарский в своей юбилейной речи 1928 года, обращаясь к портрету Н. Г. Чернышевского в Колонном зале Дома Советов³. Преклоняясь перед Чернышевским как перед гениальным художником слова, А. В. Луначарский принял участие в подготовке его избранных сочинений, предпринятых государственным издательством в связи с этим юбилеем.

Под руководством А. В. Луначарского работал молодой ученый Петр Александрович Щелканов. Мне приходилось встречаться с П. А. Щелкановым и работать с ним над литературно-критическими произведениями Чернышевского по указаниям Луначарского, который перед этим внимательно просматривал весь материал. К сожалению, преждевременная смерть П. А. Щелканова прервала нашу работу.

В 1933 г. Государственное издательство Художественной литературы, по желанию А. В. Луначарского, приступило к изданию однотомника литературно-критических работ Н. Г. Чернышевского. Автору этих строк довелось работать с Н. В. Богословским. Материал сличался с рукописями в Саратове. Богословский должен был поддерживать связь с А. В. Луначарским путем присылки ему корректур в Испанию, куда Анатолий Васильевич был назначен полпредом. Однако в самый разгар работы из Ментоны пришла печальная весть о преждевременном уходе из жизни А. В. Луначарского...

«Вы грустите о смерти А. В. Луначарского, — писал в Саратов В. Д. Бонч-Бруевич, — я думаю, что все решительно, кто его знал, переживают это чувство. Он очень рано ушел из жизни, в которой кипел, и так как брал на себя много, то и сгорел раньше времени» (Письмо к Н. М. Чернышевской от 5 января 1934 г.).

Большим другом Дома-музея был до конца своих дней один из выдающихся соратников В. И. Ленина — Николай Александрович Алексеев, скончавшийся на 99-м году в 1972 г. (По его завещанию в Дом-музей перешла литература о Чернышевском из его замечательной библиотеки).

³ Чернышевский как писатель. — В кн.: А. В. Луначарский. Статьи о Чернышевском. Гослитиздат, 1958, с. 185.

Участник трех революций, после заключения и бегства из сибирской ссылки, Н. А. Алексеев работал в Лондоне под руководством В. И. Ленина и помогал Н. К. Крупской вести конспиративную переписку с большевистским подпольем в России.

Ленин отзывался о Н. А. Алексееве так: «Очень образованный марксист, большевик и замечательно добросовестный к исполнению своего долга товарищ»⁴.

Чернышевским Н. А. Алексеев увлекался с юных лет.

Вскоре после Октябрьской революции, обратившись с письмом в Совет Народных Комиссаров, Н. А. Алексеев добился публикации неизданных материалов о Чернышевском, его произведениях и переписки в 3-х томах под названием «Литературное наследие» (1928—1930), изучил шифр Чернышевского и расшифровал многие рукописи, в том числе первоначальную редакцию романа «Что делать?». Кроме того, им были впервые опубликованы и другие произведения, написанные в Петропавловской крепости («Повести в повести», «Алферьев»), а также юношеское произведение — повесть «Теория и практика».

Идейная дружба связывала Н. А. Алексеева с Н. К. Крупской до конца ее жизни. Благодаря Н. А. Алексееву в 1938 г. была устроена моя встреча с Надеждой Константиновной.

Встреча произошла после посещения мною Центрального музея В. И. Ленина, где я попросила разрешения у администрации ознакомиться с книжными полками Владимира Ильича в его кабинете, чтобы отыскать на них полное собрание сочинений в одиннадцати томах моего деда Н. Г. Чернышевского. Перед этим я читала в воспоминаниях Н. К. Крупской, что оно находилось в личной библиотеке Владимира Ильича.

Получив разрешение и не найдя на полках этих книг, я оставила в рабочей комнате сотрудников записку, в которой выразила удивление по этому поводу. Мне сейчас же ответили, что собрание сочинений Н. Г. Чернышевского, изданное моим отцом в 1906 г., является такой библиографической редкостью, что ни в Москве, ни в каком другом городе его не могли отыскать для музея. Так как перед отъездом в Москву в саратовском букинистическом магазине я видела это издание, то обещала его прислать. Но по приезде в Саратов я узнала, что оно уже продано, и потому послала свой личный экземпляр в музей Ленина в подарок.

Вернусь к свиданию с Н. К. Крупской.

В 1938 г. в Москве я останавливалась у Н. А. Алексеева. Вернувшись из Центрального музея Ленина, я поделилась с ним впечатлением от посещения кабинета Владимира Ильича: «Там нет книг Николая Гавриловича, о которых писала Надежда Константиновна», — сказала я.

⁴ Ленинский сборник, XXXVI, М., Госполитиздат, 1959, с. 350.

— А почему бы вам самой не сходить к Надежде Константиновне?— посоветовал Алексеев.— Ведь она совсем близко от нас (он жил на Сретенском бульваре). Я сейчас же устрою вам пропуск к ней.

В самом деле пропуск очень скоро уже находился в моих руках. Я дошла пешком до Чистых Прудов, где помещался Наркомпрос, и поднялась на второй этаж.

Надежда Константиновна приняла меня очень приветливо, даже ласково, и во все время нашего разговора не выпускала моей руки из своей. Ее бледное лицо порозовело от волнения, когда она заговорила со мной о том, как Владимир Ильич Ленин любил и чтит Чернышевского. Надпись Ленина на карточке Чернышевского Надежда Константиновна назвала взволнованной (это было указание даты его смерти).

Надежда Константиновна выразила желание непременно посетить музей Чернышевского, если ей придется приехать в Саратов. Экспозиция музея занимала ее, чувствовалось, что ей хочется продолжать заботу Ленина о нашем музее. Ей хотелось, чтобы дело в музее было поставлено серьезно, чтобы он чувствовал поддержку сильного солидного учреждения, каким был Гослитмузей.

Надежда Константиновна записала мой адрес, чтобы ответить мне о книгах из библиотеки Владимира Ильича, но не успела этого сделать, так как через два месяца ушла из жизни.

Самое главное, что запомнилось мне из разговора с Надеждой Константиновной, это то, что Владимиром Ильичом была написана специальная статья о романе «Что делать?», но рукопись затерялась в связи с их отъездом из Кракова перед империалистической войной. Надежда Константиновна предпринимала попытки разыскать пропавшую рукопись, но они оказались безуспешными.

В течение ряда лет я обращалась в разные места по поводу этой рукописи, переписывалась с Р. Т. Пересветовым и другими научными работниками, интересовавшимися неразысканным наследием В. И. Ленина, но до сих пор статья не найдена. Поэтому особенную ценность приобретает беседа Ленина с Воровским и Гусевым, опубликованная Валентиновым⁵.

Став во главе педагогического дела молодой Республики Советов после Октябрьской революции, Надежда Константиновна произвела переворот в преподавании литературы.

«Надо вытащить на свет Радищева, Герцена, Чернышевского, Белинского, Добролюбова, Писарева»,— писала она⁶.

В 1926 г. она впервые ставит вопрос о включении романа «Что делать?» в школьные программы⁷.

Часто писала Надежда Константиновна о том, как любил

⁵ См. «Русская литература». Л., 1968, № 1, с. 147—158.

⁶ Педагогические высказывания, т. III, М., 1959, с. 252—253.

⁷ Там же, с. 253.

Ленин наследие революционных демократов и особенно Чернышевского («Ленин, культурная революция и встречный культ-план общества педагогов-марксистов» (1931), «К вопросу о преподавании литературы во II ступени» (1926), «На путях к новой школе» (1931) и др.).

Н. К. Крупская отмечала: «Герцен, Белинский, Добролюбов и особенно Чернышевский давали необходимую зарядку, давали определенное направление мысли, давали руководство к действию..., толкали на искание путей и сил, могущих изменить действительность...»

Если мы посмотрим сочинения В. И. Ленина, мы увидим,, как многое из того, что писали наши публицисты, особенно Чернышевский, повлияло на весь склад мыслей Ленина, на все его установки.

И потому, что Ильич так много получил от наших классиков и от наших публицистов — Герцена, Белинского, Добролюбова, Чернышевского, — после Октября он все время настойчиво требовал их массового переиздания»⁸.

За 50 лет существования музея многотысячные экскурсии учащихся прошли по его экспозиционным залам, знакомясь с жизненным подвигом Чернышевского. Роман «Что делать?» занимал и занимает основное место в беседах и лекциях с учащейся молодежью. Сотрудниками музея была выполнена научная библиография романа⁹. Издательством «Советский художник» (по заказу Дома-музея) были выпущены комплекты открыток — иллюстрации к роману «Что делать?» по рисункам художника В. Н. Минаева, оригиналы которых показываются в экспозиции.

Широкий размах приобрела деятельность музея и по линии внешкольного образования, по указанию Н. К. Крупской. Кружки, классы-музеи, выставки, основанные на материалах, посылаемых Домом-музеем Н. Г. Чернышевского, широко охватывают сеть школьных учреждений всего Советского Союза.

К числу выдающихся соратников В. И. Ленина, продолжавших его заботу о Доме-музее Чернышевского, принадлежал Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич.

«Владимир Дмитриевич был выдающимся ученым, исследователем, историком, этнографом, литератором. Он состоял также членом Союза советских писателей. Ему принадлежит свыше 200 печатных работ по истории революционного движения в России, истории религии и атеизма, этнографии, литературы», — писала о нем «Правда»¹⁰.

В апреле 1928 г. В. Д. Бонч-Бруевич узнал от Н. А. Алексеева, что в музее Н. Г. Чернышевского сосредоточен обширный

⁸ «Наши классики как орудие изучения действительности». Педагогические сочинения в 10 тт. т. III, М., 1959, с. 547.

⁹ Сб. Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, 3. Изд. Саратов. ун-та, 1962, с. 334—367.

¹⁰ «Правда», 1955, 16 июня.

архив Чернышевского, множество неизданных материалов. Владимир Дмитриевич сейчас же обратился с письмом к заведующей музеем, предложив использовать самые разнообразные возможности для опубликования их в журналах, литературных газетах и сборниках. «Все это надо приводить нам в известность, — писал он, — и всеми мерами стараться опубликовывать, чтобы наша литературно-историческая культура действительно процветала бы, а не лежала бы под спудом, как это было до сих пор» (Письмо от 25 апреля 1928 г.).

25 июня 1931 г. Владимир Дмитриевич просит все документы в обработанном или необработанном виде присылать ему: «Все, что имеет касательство к Н. Г. Чернышевскому, будет печататься самым тщательным образом, — писал он. — Мы должны проявить всю энергию, чтобы воссоздать в совершенной полноте этот гениальный и стойкий образ борца, который нам, современным деятелям русской коммунистической революции, столь близок и столь дорог».

Владимир Дмитриевич получил от Н. А. Алексеева мою статью «Н. Г. Чернышевский после сибирской ссылки», которую сейчас же передал в редакцию журнала «Красная Новь», «Воспоминания Чернышевского о свидании с Достоевским» — в журнал «Читатель и писатель», а два рассказа — в журнал «Октябрь».

После этого завязалась наша переписка с В. Д. Бонч-Бруевичем, продолжавшаяся свыше 20 лет и содержавшая 160 его писем. В настоящей статье используются его неизданные письма.

Вскоре В. Д. Бонч-Бруевичем было организовано издание историко-литературных сборников «Звенья», где он в течение ряда лет опубликовывал ценнейшие литературные материалы.

Как главный редактор «Звеньев», В. Д. Бонч-Бруевич обратился и в музей Чернышевского, узнав, что туда поступил архив писателя из Академии наук. «Имейте в виду, — писал он, — что о Чернышевском мы напечатаем решительно все, каждое его письмо, каждую строку, каждую записочку, все сведения биографические, которые не опубликованы, или библиографические, — все будет постоянно печататься» (Письмо от 9 июня 1931 г.).

В 1931 г. Бонч-Бруевича заинтересовали следующие работы: «Библиография сочинений и писем Чернышевского», «Воспоминания Белова», «Переписка с Милутиным», статья о Кольцове, «Грамматика», «Библиотека Чернышевского», описание корректур. Тогда же он выражает желание издать воспоминания Е. Н. Пыпиной, письма О. С. Чернышевской к Н. Г. Чернышевскому, статью Чернышевского о Гете (Письмо от 31 октября).

Одновременно в Доме-музее Н. Г. Чернышевского шла раз-

борка архива Чернышевского, полученного из Рукописного отделения библиотеки Академии наук, выявление неизданных материалов, запрещенных цензурой, и отправка их в обработанном виде В. Д. Бонч-Бруевичу для опубликования в сборниках «Звенья». В течение ряда лет В. Д. Бонч-Бруевич был вдохновителем этой работы. Таким образом, вокруг «Звеньев» сгруппировался ряд ученых, связанных с Домом-музеем: профессора А. П. Скафтымов, В. Е. Евгеньев-Максимов, Н. В. Яковлев, Б. Я. Гейман и сотрудники Дома-музея—В. А. Сушицкий, Е. П. Дьякова и П. А. Супоницкая. Радостно вспомнить то время, потому что это была работа энтузиастов, поддерживавшаяся государственным деятелем и большим ученым — доктором исторических наук, человеком с широким кругозором.

В апреле (23) 1932 г. состоялось учреждение Государственного Литературного музея, основателем и первым директором которого стал В. Д. Бонч-Бруевич. Он известил об этом Дом-музей Н. Г. Чернышевского, прислав официальный документ: «1933 г. 3-го июля Совнарком РСФСР утвердил нас как титульное научно-исследовательское учреждение, которому присвоено окончательное название «Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики».

В эти годы проходила интенсивная работа по собиранию архивных ценностей нашей страны и за рубежом. Сказалось личное обаяние Владимира Дмитриевича, его удивительное умение подходить к самым несговорчивым коллекционерам, которые передавали ему свои богатства. Так, из Парижа были получены письма И. С. Тургенева к дочери и внучке, а из Варшавы — масса материалов, оставшихся после Салиаса. (Письмо от 16 октября 1933 г.). К моменту основания Гослитмузея в руках В. Д. Бонч-Бруевича оказался фонд в 100 000 архивных единиц «чрезвычайной ценности и важности». (Письмо от 21 апреля 1933 г.).

31 июля 1934 г. в письме Владимира Дмитриевича сообщается: «Мы объединились с Литературным музеем при Библиотеке Ленина и теперь так и называемся «Литературный музей».

Из фондов Дома-музея Н. Г. Чернышевского было послано много фотографий в копиях, в том числе неопубликованные, полученные от Е. Н. Пыпиной (из старого архива Пыпиных). Среди них была групповая карточка, изображавшая М. А. и П. И. Боковых, сына Н. Г. Чернышевского — Александра, известного педагога — Ф. Ф. Резенера и Н. П. Суслову. Эту карточку, расшифрованную Е. Н. Пыпиной, Бонч-Бруевич назвал «целым открытием».

Бывали случаи, когда В. Д. Бонч-Бруевич присылал музею «беспаспортные» портреты Чернышевского для подтверждения их происхождения. (Письмо от 14 октября 1935 г.).

Как основатель и первый директор Гослитмузея В. Д. Бонч-Бруевич оказывал большое внимание музею Чернышевского в Саратове. Этому способствовала и моя встреча с Надеждой Константиновной Крупской в 1938 г. Надежда Константиновна высказалась за то, чтобы наш музей был прикреплен к Гослитмузею и обещала поговорить с Бонч-Бруевичем об оказании нам помощи. После этого Владимир Дмитриевич прислал своих работников в музей Чернышевского и написал большое письмо, в котором запрашивал о работе музея, о составе его коллекций и об его нуждах.

В результате этого общения с Гослитмузеем в Саратове был написан «Обзор первоисточников, хранящихся в Доме-музее Н. Г. Чернышевского».

Из Москвы были получены портреты Н. Г. Чернышевского (1938 г.), для продажи посетителям и были отпущены средства на фотографирование полностью диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Это собрание фотографий дало впоследствии возможность работникам музея проводить архивную практику со студентами Саратовского университета под руководством проф. А. П. Скафтымова.

К 50-летию со дня смерти Н. Г. Чернышевского в 1939 г. В. Д. Бонч-Бруевичем была организована в Колонном Зале Дома Советов выставка из подлинных рукописей, портретов и вещей Н. Г. Чернышевского (хранящихся в саратовском Доме-музее).

Помощь В. Д. Бонч-Бруевича выразилась и в том, что заведующей музеем Н. Г. Чернышевского от Главполитпросвета, возглавляемого Н. К. Крупской, была дана внутренняя командировка для библиографических занятий по Чернышевскому в Саратовских книгохранилищах. В результате были значительно продвинуты вперед такие работы, как «Библиография сочинений Н. Г. Чернышевского», библиография воспоминаний о нем и «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского».

В. Д. Бонч-Бруевич сделал попытки завязать литературные отношения с музеем Н. Г. Чернышевского в Москве, зарождавшимся в 1940 г., но музей этот не был создан, поэтому намечавшийся им сборник о Чернышевском не был издан. (Письмо от 29 января 1940 г.).

В 1944 г. Бонч-Бруевич сообщает: «Пишу свои мемуары, о которых мы не однажды говорили с Вами. По настоянию друзей, начал с детства. Уже дошел до первого обыска в нашей семье — произведенного жандармом летом 1878 г., и теперь пойдет интересней». (Письмо от 31 июля 1944 г.). Действительно, при личных встречах в Москве мы не раз говорили с Владимиром Дмитриевичем об этом, и он рассказывал мне о своем уча-

сти в революционном движении, например об известной истории с мимеографом и др.

С большим вниманием относился В. Д. Бонч-Бруевич к литературной работе сына Н. Г. Чернышевского — Михаила Николаевича, которого он знал еще в 1908 г. в Петербурге. В свое время В. Д. Бонч-Бруевич помог М. Н. Чернышевскому распространять изданное им Полное собрание сочинений Н. Г. Чернышевского через издательство «Жизнь и знание». «Меня очень тронуло, что Вы обратили внимание на запись покойного батюшки в связи с моим именем,—писал мне Бонч-Бруевич. — Я надеюсь в скором времени приступить к большой работе об издательском деле 1908 г., когда я стоял во главе партийного издательства «Жизнь и знание», организованного по прямой просьбе В. И. Ленина. Тогда мне и приходилось встречаться с Вашим отцом, и если Вы имеете все то, что у него найдете, связанным с моим именем, я буду Вам очень благодарен: это пригодится для моей работы...» (Письмо от 4 ноября 1932 г.).

После Октябрьской революции В. Д. Бонч-Бруевич встретился с М. Н. Чернышевским в Совнарком.

Декрет Совета Народных Комиссаров от 17 сентября 1920 года «Об объявлении музея имени Чернышевского в Саратове национальным достоянием и передаче его в ведение Народного комиссариата просвещения» был подписан В. И. Лениным и скреплен подписью Бонч-Бруевича. Об этом Владимир Дмитриевич обещал написать в своих воспоминаниях.

Через несколько лет Владимир Дмитриевич опять вспомнил о сыне Чернышевского и обещал: «Я обязательно напишу о сношениях с Вашим покойным отцом, а также и о посещениях Михаилом Николаевичем Совнаркома по поводу его хлопот о музее Чернышевского в Саратове. ...введу это в соответствующий том моих воспоминаний». (Письмо от 9 апреля 1945 г.).

Узнав, что затерялась рукопись библиографического указателя М. Н. Чернышевского об отце, доведенная до 1923 г., Владимир Дмитриевич принимал меры к ее разысканию, чтобы опубликовать в сборнике «Летописи», который издавал одновременно со «Звеньями», и был очень огорчен оттого, что не удалось ее найти.

«Как было бы хорошо, если бы Вы написали о нем (Михаиле Николаевиче Чернышевском. — Н. Ч.) все, что Вы только знаете, так же, как Вы вообще хотели написать о детях Чернышевского», — писал В. Д. Бонч-Бруевич автору этих строк в письме от 21 апреля 1933 г.

Это желание Владимира Дмитриевича было исполнено мною в двух очерках: «Старший сын Чернышевского» (в рукописи) и «Младший сын Чернышевского»¹¹.

¹¹ См. сб. Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, вып. 3, с. 183—212.

Война прервала издание сборников «Звенья», а в 1945 г., после окончания войны, В. Д. Бонч-Бруевич писал мне: «Звенья» возобновляются изданием под моей редакцией, и я буду очень рад постоянному Вашему сотрудничеству... Напишите мне, что у Вас есть готового и над чем Вы сейчас работаете?» (Письмо от 11 октября 1945 г.).

За это время в портфеле редакции «Звенья» накопились подготовленные к печати рукописи бесцензурного новооткрытого Чернышевского: «Национальная бестактность», «Суезские и правила логики», «Политика» (1859 г.), «Заметки о журналах», «Франция при Людовике-Наполеоне», «Гоголь, Тургенев, Майков, Фет и Тютчев в отзывах Н. Г. Чернышевского», «Альбом О. С. Чернышевской», «Семинарские сочинения Н. Г. Чернышевского» и др.

Бонч-Бруевич был очень рад возобновившемуся сотрудничеству А. П. Скафтымова (письмо от 15 ноября 1946 г.), мечтал опубликовать воспоминания В. А. и Е. Н. Пыпиных, интересовался работой А. Н. Недзвецкого «Чернышевский и Марко Вовчок».

Не все из присланного нами удалось опубликовать в «Звеньях», но все же за время их существования вышло более двадцати публикаций.

В 1950 г. перед уходом из Гослитмузея В. Д. Бонч-Бруевич возвратил музею подготовленные для «Звеньев» рукописи: «Саратовские годы Чернышевского», «Записка Раева о Чернышевском», «Книгооборот Н. Г. Чернышевского в Алексеевском равелине» и др. Они были опубликованы в разных других изданиях.

На моих глазах протекала огромная работа В. Д. Бонч-Бруевича, посвященная восстановлению запрещенных текстов Чернышевского, но это была лишь малая доля того, что было сделано им по отношению к другим писателям (Пушкину, Толстому, Некрасову и многим, многим другим). Сам В. Д. Бонч-Бруевич говорил о себе: «...я делаю рядовое дело партийца ленинского призыва, которое должен делать каждый из нас». (Письмо от 16 июля 1950 г.). В это время ему было около 80 лет.

Все напечатанное и ненапечатанное В. Д. Бонч-Бруевичем, но посланное ему, было подготовкой к большому делу, к которому Владимир Ильич Ленин призывал своих соратников в первый год Октябрьской революции. «Чернышевского обязательно издайте и Добролюбова,— говорил он, обращаясь к правительственному комиссару по печати П. И. Лебедеву-Полянскому,— замечательнейшие люди. Все мы через них прошли...»¹².

В 1935 году в Саратов пришла на мое имя телеграмма с вызовом в Москву для участия в создаваемой редколлегии по

¹² Б. Яковлев. Критик-боец. (О П. И. Лебедеве-Полянском), с. 15.

изданию полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского. В состав редколлегии вошли проф. Б. П. Козьмин, В. Я. Кирпотин; Н. А. Алексеев, Н. М. Чернышевская, а позже — В. Е. Евграфов. В качестве комментатора литературных томов был приглашен проф. А. П. Скафтымов. Работа по библиографии и текстологии была поручена Н. М. Чернышевской, ее проверял С. С. Борщевский. Во главе всего этого дела стоял академик-литературовед Павел Иванович Лебедев-Полянский, занимавший вначале пост директора Гослитиздата, затем возглавивший Институт литературы Академии наук.

«В первые годы после Октябрьской революции по поводу подобного издания я несколько раз говорил с Михаилом Николаевичем, — писал П. И. Лебедев-Полянский, — но всякие обстоятельства не дали возможности приступить к этому большому делу издания сочинений Чернышевского. Теперь эту задачу мы должны разрешить не только хорошо, но по возможности в короткий срок, конечно, относительно короткий...»¹³.

Прежде, чем приступить к этой работе, я по просьбе Гослитиздата подсчитала количество неизданных материалов в архиве Н. Г. Чернышевского. Этого материала оказалось более 100 печатных листов. С 1935 по 1953 годы продолжалась подготовка издания. Много интересных литературных бесед, посвященных Чернышевскому и Добролюбову, было проведено с Лебедевым-Полянским и в здании Гослитиздата и у него на дому, где собиралась редколлегия, и у него на даче в Тарасовке по Ярославской ж. д. Павел Иванович рассказывал мне, как в годы учения в семинарии увлекался романом «Что делать?» и о своем революционном прошлом.

Война задержала выпуск томов. Второму тому особенно не посчастливилось: его набор в связи с эвакуацией был рассыпан, и пришлось набирать заново. Материал, благодаря работе Н. А. Алексеева над шифром Чернышевского, все прибавлялся и прибавлялся. По первоначальной инструкции, составленной Б. П. Козьминым, намечалось 15 томов, а получилось 16. Последний том подготовлен при энергичном участии В. Е. Евграфова, ныне доктора философских наук, которому принадлежит содержательная вступительная статья.

Помимо 100 печатных листов новых неизданных материалов, в издание вошло столько цензорских купюр, что вместе с комментариями 16 томов включает в себе свыше 900 печатных листов.

К сожалению, Павел Иванович Лебедев-Полянский, бывший душой всего этого дела, не дожил до его окончания. Мы потеряли его в 1947 г.

Дом-музей обязан ему постоянной чисто отеческой заботой, особенно в военные годы.

Такою была поддержка, оказываемая саратовскому Дому-

¹³ Письмо к Н. М. Чернышевской от 23 сентября 1935 г.

музею Н. Г. Чернышевского в его работе по изучению и подготовке к печати идейного наследия Николая Гавриловича Чернышевского. После ухода из жизни Владимира Ильича Ленина, создавшего музей, его ближайшие соратники не дали заглохнуть культурным богатствам, хранившимся на родине Чернышевского, а предоставили широкий выход в научный оборот наследию великого революционного демократа.

Шла упорная многолетняя совместная работа, велась переписка, сохранившая дух эпохи, было постоянное творческое личное общение. Все это теперь вспоминается как путь, пройденный по заветам В. И. Ленина, по следам его любви к Чернышевскому.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

А

Аблесимов А. О. 52
Авдеев М. В. 117
Аверкиев Д. В. 92
Акимов В. А. 155
Акимова Т. М. 49
Алексеев М. П. 180
Алексеев Н. А. 4, 146, 197, 198,
 199, 200, 201, 206
Альтовский А. 125
Алтаев А. 122
Анненков П. В. 23, 109, 118
Антонова Г. Н. 86
Антонович М. А. 89, 113, 156, 169
Арсеньев К. К. 118
Архипов В. 44
Ахрамеев В. 107

Б

Байрон Д.-Г. 103
Бакунин М. А. 28
Балакирев М. 52
Баратынский Е. А. 30
*Барон Брамбеус (см. Сенковский
 О. И.)* 76, 77, 78, 81, 82
Бартенева Е. Г. 186, 187
Барышев И. М. 190
Баскаков В. Г. 134
Белинский В. Г. 9, 11, 12, 14, 15,
 17, 25, 27, 53, 54, 55, 57, 74,
 78, 79, 80, 82, 83, 87, 90, 91,
 92, 93, 94, 110, 111, 112, 113,
 114, 115, 118, 121, 125, 199, 200
Белова Н. М. 100
Бенедиктов В. Г. 98, 99
Берков П. Н. 19
Берковский Н. Я. 101
Битюгова И. А. 95, 104
Бичер Стоу Г. 122
Блан Луи 178, 192
Блок А. А. 98

Боборыкин П. Д. 120
Богословский Н. В. 197
Бокова М. А. 202
Боков П. И. 202
Бонч-Бруевич В. Д. 197, 200, 201,
 202, 203, 204, 205
Борецкий К. 125, 126
Борщевский С. С. 206
Боткин В. П. 68
Буковская В. А. 151
 (см. Котлубай В. А.)
Буковский К. Н. 151, 152
Булакова К. И. 155
Булгаков Н. А. 155
Булгарин Ф. В. 77, 80, 81, 83
Бурмакин А. С. 127
Бурсов Б. И. 40, 43, 47, 74
Буш В. Г. 196
Бушмин А. С. 107
Бухштаб Б. Я. 29, 52, 98, 100,
 101, 102
Бялый Г. А. 122

В

Васильев А. 147
Васильев В. С. 149
Васильев Е. С. 147, 149
Васильев Л. 147
Васильев С. Е. 147, 148, 150, 152,
 153
Васильев Р. С. 148, 149
Васильева А. С. (см. Малиновская
 А. С.) 151
Васильева Ерм. Сокр. 152
Васильевы С. Е. и А. К. 145, 146,
 147, 150, 151
Ватсон Э. К. 179
Венедиктов А. С. 147
Виленская В. С. 167
Виноградов К. 189
Вовчек Марко (см. Маркович
 М. А.) 189, 205
Волк С. С. 185

¹ Указатель имен составлен О. В. Чекановой.

Веррес 45
Вольтер Мари Франсуа 93
Воробьев 125, 126
Воровский В. В. 199
Вяземский П. А. 77

Г

Гаркави А. М. 27, 95, 104, 178
Гаршин В. С. 122
Гегель Г.-В.-Ф. 88
Гейман Б. 202
Гейне Генрих 103
Герцен А. И. 4, 29, 37, 38, 40, 41,
47, 95, 97, 106, 121, 125, 167,
168, 169, 170, 171, 172, 174,
175, 176, 177, 199, 200
Гете И.-В. 92, 106, 198, 201
Гизо Ф. 99, 100
Гинзбург Л. Я. 48
Гиппиус В. В. 97, 98, 99, 101
Гитлиц Е. А. 39, 40, 48
Глинка В. М. 153
Гоголь Н. В. 65, 66, 74, 75, 76, 77,
78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 95,
103, 205
Гольцев В. А. 119, 191
Голубинский Ф. А. 136
Гончаров И. А. 69, 109, 117
Гораций 99
Горохов И. Д. 155
Готорн Н. 28
Греч Н. И. 83
Грибоедов А. С. 80, 81
Григорьев А. Л. 185
Григорьев Ап. 10, 11, 12, 13, 15,
22, 50, 51, 88, 90, 91, 92, 94
Громов П. П. 46
Гуглинский П. 123
Гуковский Г. А. 100, 101, 104
Гюго Виктор 122

Д

Даль В. И. 81
Данчельсон Н. Ф. 110
Демченко А. А. 79, 167
Денисьева Е. А. 101
Добролюбов Н. А. 3, 7, 9, 11, 12,
13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20,
21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 32,
33, 35, 36, 37, 38, 43, 44, 69,
86, 87, 88, 89, 90, 95, 97, 103,
111, 112, 113, 114, 116, 117,
122, 123, 124, 125, 126, 127,
128, 151, 167, 168, 169, 170,
174, 175, 176, 183, 199, 200,
205, 206
Достоевский М. М. 87
Достоевский Ф. М. 3, 86, 87, 88,
89, 90, 91, 92, 93, 94, 100, 102,
201
Дотцаур М. 107

Дружинин А. В. 10, 14, 15, 47, 79
Дудышкин С. С. 30, 91
Дьякова Е. П. 202
Дювель Вольф 185
Дядиченко А. Н. 125

Е

Евгеньев-Максимов В. Е. 103, 202
Евграфов В. Е. 134, 206
Елисеев Г. З. 127, 169
Емельянов Ю. Н. 168
Еремин Г. В. 157

Ж

Жадовская Ю. В. 99
Жанен Жюль 79
Жданов В. В. 95, 104
Жирмунский В. М. 106
Жук А. А. 100
Жуковский Ю. Г. 178, 179

З

Загоскин М. Н. 81
Зельдович М. Г. 7, 74, 84

И

Ильинский В. Г. 196

К

Кавелин К. Д. 168, 170, 171, 172,
173, 174, 176, 177
Каверин В. А. 76
Казачковская А. К. 147, 148, 153,
154
Казачковская Д. К. 154, 155
Казачковская М. К. 155
Казачковская О. К. 155
Казачковский А. К. 154
Казачковский К. Ф. 147, 148, 153,
154
Казачковский М. К. 154
Казачковские 145, 146, 147, 152
Калнынь П. Ф. 145
Кантемир Д. К. 80
Капнист В. В. 80
Карамышев А. Л. 161
Караулова Т. В. 124
Кирпотин В. Я. 86, 90, 206
Клиентова А. Г. 106
Книжжик-Ветров И. С. 187
Ковернков Е. 127
Козьмин Б. П. 167, 168, 170, 171,
172, 175, 206
Кольцов А. В. 23, 95, 96, 98, 107,
201
Конрад Н. И. 19
Копыткин А. Н. 127
Корман Б. О. 95, 100, 101, 104
Короленко В. Г. 122, 123
Коротков Ю. 167, 168, 171, 176
Корякина А. В. 188

Котлубай В. А. 151
Котлубай А. И. 151
Котлубай М. И. 151
Кошовенко А. Е. 171, 172, 173,
174, 175
Краснов М. П. 104, 189
Кривонос В. Ш. 74
Крылов И. А. 80
Кувайцев П. 128
Кумин Ж. В. 117
Купер 100
Купрянова Е. Н. 47
Курбэ 119
Куфаев М. Н. 84
Крупенков 72
Крупская Н. К. 194, 199, 200, 203
Крутикова Н. Е. 189, 198

Л

Лаврецкий А. 95, 104
Лавров П. Л. 113, 180, 181, 186,
187, 191
Лазерсон Б. И. 95.
Лакшин В. Я. 82
Лассаль Ф. 111, 179
Лафарг П. 184
Лебедев А. А. 16, 98
Лебедев-Полянский П. И. 194, 195,
105, 206
Ленин В. И. 4, 64, 70, 121, 122, 128,
128, 129, 194, 195, 196, 197,
198, 199, 200, 204, 205, 207
Лермонтов М. Ю. 29, 30, 32, 95,
96, 98, 107
Лихтанский Н. 123
Лобачевский Н. И. 166
Лободовский В. П. 100
Лопатин Г. 188
Луконин А. Ф. 58, 60
Луначарский А. В. 97, 194, 195,
196, 197
Львов Н. А. 47
Любомиров П. А. 196
Ляцкий Е. А. 134

М

Макаровская Г. В. 100
Макашин С. А. 46, 47
Малиновская В. К. (см. Василье-
ва-Котлубай) 151
Малиновский К. П. 151
Маркович Б. А. 189
Маркс Карл 3, 71, 72, 110, 180,
183, 184, 185, 186, 187, 188, 189,
191, 192, 193,
Майков В. Н. 205
Маслов В. С. 28
Мейлах Б. С. 86
Миллер О. 10
Миль С. 111, 180, 181, 183, 188,
192

Милюков А. 10
Минаев В. Н. 200
Минина Н. К. 151
Михайлов М. И. 112, 117, 124
Михайловский Н. К. 125, 126, 127,
128
Михельсон Г. А. 154
Мостовская Н. Н. 109

Н

Недзвецкий А. Н. 205
Нежданов В. 40, 41, 42, 43, 44, 47
Некрасов Н. А. 3, 27, 28, 29, 40,
42, 43, 44, 47, 95, 96, 97, 98,
99, 100, 101, 102, 103, 104, 105,
107, 108, 109, 123, 124, 125,
172, 174, 175, 177, 205
Ненароков Н. 123
Нечаева В. С. 86, 87
Нечкина М. В. 168, 169, 170
Никитина Е. П. 100
Никитин И. С. 98
Николадзе Н. Я. 152
Новикова Н. Н. 167
Нольман М. 40, 41

О

Огарев Н. П. 30, 31, 38, 39, 40,
41, 43, 98, 168, 169, 171, 172,
174, 175, 176, 177
Омулевский (наст. фам. Федоров
И. В.) 127
Островский А. Н. 3, 13, 16, 20, 23,
40, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55,
56, 57, 58, 59, 60, 62, 92, 109,
190

П

Паклина Л. Я. 4
Панаева А. Я. 96, 101, 104, 105
Панаев И. И. 79
Панова Н. А. 103
Пекарский П. П. 176
Пересветов В. Т. 199
Перлер М. 107
Пигарев К. 100
Пиксанов Н. К. 107
Пинаев М. Г. 178
Писемский А. Ф. 9, 23
Писарев Д. И. 113, 122, 125, 126,
127, 128, 199
Писарев М. И. 181, 183, 185, 188
Плеханов Г. В. 122
Победоносцев К. П. 122
Покровский С. А. 170
Покусаев Е. И. 74, 109, 125, 133
Полонский Л. А. 118
Полевой Н. А. 76, 84
Поль де Кок 76, 77, 78, 79, 81, 82,
83
Попов В. П. 29

Попов С. М. 189
Порох И. В. 171
Прозоров В. В. 74, 84, 107, 109,
121
Прудон 119
Пушкин А. С. 29, 53, 54, 55, 57,
70, 77, 80, 81, 83, 95, 96, 98,
115, 118, 119, 205
Пыпина В. А. 145, 146, 151, 157,
160, 205
Пыпина Е. Н. 145, 152, 155, 196,
101, 202, 205
Пыпина П. 151
Пыпин А. Н. 103, 109, 110, 111,
112, 113, 114, 115, 116, 118,
119, 120, 135, 145, 149, 168,
175, 176, 177, 179, 184, 188
Пыпин Н. 151

Р

Радищев А. Н. 112, 199
Резерер Ф. Ф. 202
Розенфельд У. Ф. 133
Романов И. М. 185, 188
Ростопчина Е. П. 98, 99
Рунт М. И. 29, 63
Рыжов А. 14
Рычкова О. К. 155, 156
Рычков И. Н. 155, 156

С

Салтыков-Шедрин М. Е. 17, 23,
27, 31, 32, 45, 46, 107, 109,
110, 112, 116, 121, 123, 124,
125, 126, 127, 179
Свердлин С. В. 190
Сезар де Пап 180, 181, 182, 183,
184, 185, 186, 178
Сенковский О. И. 75, 76, 77, 78,
79, 80, 81, 82, 83, 84
Селезнев В. М. 49
Серно-Соловьевич Н. А. 112
Синюхаев Г. Т. 57, 58, 62
Скатов Н. Н. 95, 97, 100, 101, 102
Скафтымов А. П. 54, 55, 74, 133,
174, 178, 196, 202, 203, 205,
206
Скориков Н. Ф. 189
Соболевский А. И. 59, 60
Солнцева С. 111
Солдатенков К. Т. 111
Соловьев В. С. 120
Спасович В. Д. 168
Спенсер Герберт 189
Станкевич Н. В. 38
Стасов В. В. 109, 110, 119, 120
Стасов Д. В. 168, 169
Стасюлевич М. М. 109, 110, 111,
115, 118, 119, 120
Страхов Н. Н. 88, 92, 93, 94

Супоницкая П. А. 202
Суслова Н. П. 202
Сушицкий В. А. 202
Сю Эжен 178

Т

Тамарченко Гр. 95, 104
Тверитинов А. Н. 180, 181, 182,
183, 185, 186, 187, 188
Ткачев П. Н. 24
Ткаченко П. С. 110
Томашевский Б. В. 87
Травушкин Н. С. 180
Толстой А. К. 109
Толстой Л. Н. 9, 39, 40, 41, 42, 43,
44, 45, 46, 47, 69, 100, 205
Тургенев И. С. 28, 30, 32, 35, 38,
39, 40, 42, 43, 44, 47, 92, 109,
110, 111, 113, 114, 115, 117,
118, 127, 202, 205
Тучкова-Огарева Н. А. 169
Тютчев Ф. И. 95, 98, 100, 101, 102,
103, 104, 205

У

Ульянов Д. И. 194
Уманская М. М. 57
Усакина Т. И. 40, 43, 99
Успенский Г. И. 127
Успенский Н. В. 88
Утин Е. И. 109, 110, 116, 117, 120
Утин Н. 156

Ф

Фан дер Флит П. Н. 145
Федоров К. М. 188, 193
Фет А. А. 98, 99, 205
Филиппов Т. 52
Фогель В. А. 156
Фогель П. Н. 156
Фойгт К. 165
Фонвизин Д. И. 80
Фридлендер Г. М. 48, 86

Х

Халабаев Н. 87
Хованский Н. Ф. 155

Ц

Цебрикова М. К. 110, 117
Цицерон 45
Цыпин С. И. 60

Ч

Чаадаев П. Я. 112
Чайковский П. И. 56
Ченькаев В. Д. 123
Чернов С. Н. 196
Чернышев В. И. 57, 58, 59, 62
Чернышевская В. С. 145

Чернышеская Е. М. 157
Чернышевская О. С. 146, 147, 149,
150, 151, 152, 154, 155, 201,
205
Чернышевская Н. М. 133, 134, 135,
145, 151, 152, 153, 155, 157,
160, 188, 194, 197, 206
Чернышевский А. Н. 150, 200
Чернышевский В. Н. 150
Чернышевский Г. И. 157, 159
Чернышевский И. В. 157
Чернышевский М. Н. 120, 145, 146,
147, 150, 151, 153, 154, 155,
156, 185, 194, 195, 196, 102,
206
Чернышевский Н. М. 152, 206
Черняк Я. 40
Чехов А. П. 95, 104
Чешихин-Ветринский В. Г. 189
Чичерин Б. Н. 122, 176
Чуприна И. В. 46, 47

Ш

Шелгунов Н. В. 179
Шевченко Т. Г. 145

Шевырев С. 10
Шифман А. И. 40
Шлоссер Ф. К. 111
Штенберг Я. 187

Щ

Щербина Ф. 98
Щелканов П. А. 197

Э

Эдельсон Е. 16
Эккартсгаузен 137
Эллидин М. К. 180
Эльсберг Я. Е. 171
Энгельс Фридрих 71, 72, 110, 184
192, 193
Эртель А. И. 123

Ю

Юркевич П. Д. 134

Я

Яковлев Б. 195, 205
Яковлев Н. В. 202
Ямпольский И. Г. 96

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Исследования и статьи	
Зельдович М. Г. Методологическое самосознание критики (к постановке вопроса о динамике, о логике обоснования метода в критике 60-х годов)	7
Гаркави А. М. Чернышевский и Добролюбов о «лишних людях» (преемственность литературно-критических оценок)	27
Гитлиц Е. А. Чернышевский о «прозанке», «поэте» и «третьем» (к вопросу об основных проблемах послегоголевского развития литературы)	39
Акимова Т. М. Уроки Чернышевского (о фольклоре в пьесах А. Н. Островского)	49
Рунт М. И. Народный идеал и труд как эстетическая категория у Чернышевского	63
Кривонос В. Ш. О концепции «Очерков гоголевского периода русской литературы»	74
Антонова Г. Н. Чернышевский и Достоевский о принципах литературной критики	86
Лазерсон Б. И. Чернышевский о любовной лирике Некрасова	95
Мостовская Н. Н. Чернышевский на страницах журнала «Вестник Европы» в 70—80-е годы	109
Прозоров В. В. «Заряд на всю жизнь» (о судьбе наследия шестидесятников в России конца XIX в.)	121
Публикации и материалы	
Розенфельд У. Ф. Мировоззрение Чернышевского-семинариста	133
Чернышевская В. С. Из истории родственных отношений Н. Г. Чернышевского. Материалы к родословной Васильевых и Казаковских	145
Еремин Г. В. Новые документы о семье Чернышевских	157
Карамышев А. Л. Рукопись Н. Г. Чернышевского «Программа риторики и теории прозы»	161
Демченко А. А. Из истории поездки Чернышевского к А. И. Герцену	167
Гаркави А. М. Главы о мастерских Веры Павловны и журнальная полемика о производственных ассоциациях	178
Травушкин Н. С. Написал ли Чернышевский статью о «Капитале» К. Маркса?	180
Чернышевская Н. М. С соратниками В. И. Ленина. (Из истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского)	194
Указатель имен	208

Н. Г. Чернышевский
Статьи, исследования и материалы

7

Под редакцией проф. *Е. И. Покусаева*

Редактор *М. П. Ларина*
Технический редактор *Н. И. Добровольская.*
Корректор *Л. А. Фомина*

НГ19302.	Сдано в набор 6.V.1974 г.	Подписано в печать 9.IV.1975 г.
Формат 60×90 ¹ / ₁₆ .	Бумага тип. № 1.	Усл. печ. 13,5. Уч.-изд. 13,4.
Тираж 1000 экз.	Заказ 1356.	Цена в переплете 1 р. 20 к.

Издательство Саратовского университета, Университетская, 42.
Типография издательства «Коммунист», Волжская, 28.